М. М. РОЗЕНТАЛЬ

МАРКСИСТСКИЙ ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1 9 5 2

М. М. РОЗЕНТАЛЬ

МАРКСИСТСКИЙ ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1952

ГЛАВА I

МАРКСИСТСКАЯ ДИАЛЕКТИКА КАК ЕДИНСТВЕННО НАУЧНЫЙ МЕТОД ПОЗНАНИЯ

1. Диалектический и исторический материализм — мировоззрение коммунистической партии. Диалектический метод как важнейшая составная часть марксистской философии

Маркс и Энгельс совершили великий подвиг, разработав научное мировоззрение — диалектический и исторический материализм. Это мировоззрение всесильно потому, что оно верно. Впервые в истории развития человеческой мысли марксистская философия дала ответы на те вопросы, которые волновали человеческий ум, но которые до марксизма не могли быть решены.

Сотни и тысячи лет в философии шла ожесточённая борьба по основным вопросам мировоззрения. Материален мир или идеален, что первично и что вторично — материя или сознание; находится ли природа в состоянии неподвижности или её законом является вечное и непрерывное развитие и изменение; существуют ли объективные законы природы или человеческий разум устанавливает свои законы, с помощью которых он «упорядочивает» мир; способен ли человеческий ум познать объективную реальность или между ним и природой стоит непроходимая стена; каковы законы жизни общества — эти и многие другие вопросы стояли в центре острейшей борьбы различных лагерей и направлений в философии.

В этой борьбе оформилась и развивалась прогрессивная материалистическая линия в философии, опиравшаяся на достижения передовой науки. Уже в античной философии материализм и идеализм противостояли друг другу как два непримиримых лагеря в философии, как две философские партии. С каждым новым столетием борьба между материализмом и идеализмом, наукой и

религией приобретала всё более острые формы и ко времени Маркса и Энгельса достигла огромного напряжения.

Столь ожесточённый характер борьбы философских партий не случаен. За различными линиями в философии стоят различные общественные силы, различные классы и политические партии. Философия не есть, как это стараются изобразить буржуазные идеологи, некая духовная сила, не имеющая корней в материальных условиях жизни людей, стоящая над борющимися общественными классами. Философские взгляды, являясь элементом надстройки, не только отражают общественное бытие различных классов, их интересы, их сознание, но и активно воздействуют на ход общественного развития. Философия — орудие борьбы классов и политических партий. Тезис буржуазных идеологов о «беспартийности» или «надпартийности» философии так же ложен, как и тезис о «надклассовом» характере буржуазной демократии.

На протяжении всей истории мысли философский идеализм был духовным знаменем преимущественно реакционных классов. В идеалистических философских системах, паразитировавших на нерешённых проблемах науки, на неполноте человеческого знания, эти классы черпали идеи и теории, позволявшие им держать массы трудящихся в темноте, «доказывать» божественное происхождение власти эксплуататоров, оправдывать угнетение класса классом, нации нацией.

Философский материализм, напротив, разрабатывался преимущественно идеологами тех классов, которые были заинтересованы в движении общества вперёд и боролись против отживших реакционных порядков.

В. И. Ленин отметил этот факт в своей статье «Три источника и три составных части марксизма».

«В течение всей новейшей истории Европы, — указывает Ленин, — и особенно в конце XVIII века, во Франции, где разыгралась решительная битва против всяческого средневекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях, материализм оказался единственной последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству

и т. п. Враги демократии старались поэтому всеми силами «опровергнуть», подорвать, оклеветать материализм и защищали разные формы философского идеализма, который всегда сводится, так или иначе, к защите или поддержке религии» [1].

Ныне все идеологи и философы умирающего капитализма — от откровенных защитников буржуазии до реформистских её прислужников из лагеря правых социалистов — объединились в яростном походе против марксистского материализма, против социализма, защищая философский идеализм, в тысячу раз более пошлый, чем старый идеализм.

Самые ярые враги социализма являются вместе с тем самыми ярыми врагами науки и философского материализма. Не случайно поэтому нынешняя империалистическая Америка является не только мировым центром политической реакции, но и мировым центром философского мракобесия.

Однако старый, домарксовский материализм при всей его прогрессивности был чрезвычайно ограничен. Это был материализм *метафизический,* не признававший развития и изменения в природе и обществе. Кроме того, материалисты до Маркса придерживались чисто идеалистических взглядов на историю общества.

Маркс и Энгельс — основоположники новой, единственно научной философии — не только продолжили и развили прогрессивную, материалистическую линию старой философии, они совершили настоящий переворот, революцию в философии, создав диалектический и исторический материализм — философское учение, опирающееся на твёрдый фундамент достижений человеческого знания, научно обобщившее весь опыт мирового общественного развития.

Марксистский философский материализм — это *диалектический* материализм, т. е. высшая форма материализма, основывающаяся на диалектическом подходе к действительности, на научной теории развития, разработанной основоположниками марксизма и обогащённой в

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 19, изд. 4, стр. 4.

новых условиях Лениным и Сталиным. До Маркса и Энгельса идея развития не получила своего научного обоснования. Идеалистическая диалектика Гегеля не была научной теорией развития. Маркс и Энгельс создали метод, который явился орудием переработки старого материализма, построения новой материалистической теории. Материализм и диалектический метод в марксистской философии неразрывно связаны друг с другом, образуют стройную и строго последовательную систему взглядов на мир.

Применив диалектический материализм к объяснению общественных явлений, Маркс и Энгельс создали исторический материализм. Впервые в истории человеческой мысли возникла теория, дающая возможность изучать и объяснять сложный мир общественных отношений с такой же точностью, с какой естественные науки объясняют природу. Исторический материализм — величайшее завоевание философской науки. Это завоевание достигнуто лишь идеологами пролетариата — того класса, интересы которого не ставят никаких границ человеческому познанию, а, напротив, бесконечно раздвигают их.

Диалектический и исторический материализм — это мировоззрение коммунистической партии. Оно сочетает в себе последовательную научную объективность и трезвость с революционной страстностью, коммунистической партийностью в подходе к действительности. Оно составляет в наше время единственную философскую основу для развития науки, для революционно-преобразовательной деятельности. Из диалектического и исторического материализма, по выражению товарища Сталина, само собой вытекает пролетарский социализм.

«...Диалектический и исторический материализм, — указывает товарищ Сталин, — составляют теоретический фундамент коммунизма, теоретические основы марксистской партии...» [1]

Каждое положение марксистской диалектики, материалистической теории, исторического материализма учит понимать законы развития общества и пути его революцион-

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 99.

ного преобразования. Каждый практический шаг марксистской партии освещается мировоззрением диалектического материализма, — и в этом одна из коренных причин её непобедимости.

«Основную задачу тактики пролетариата, — писал Ленин, — Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического миросозерцания»[1].

Диалектический материализм даёт возможность партии пролетариата намечать задачи, определять стратегию и тактику классовой борьбы на основе трезвого и всестороннего учёта конкретных исторических условий, изменять формы борьбы, когда изменяется историческая обстановка, терпеливо накапливать силы и организовывать рабочий класс в периоды мирного, «эволюционного» развития и смело вести пролетарскую армию в бой, когда стадия эволюции сменяется стадией революции. Диалектический материализм учит партию, что не примирение антагонистических общественных сил, не реформистская политика смазывания остроты классовых противоречий, а последовательная и открытая борьба классов есть могущественный источник движения вперёд, сила, сметающая с пути исторического прогресса всё отжившее и реакционное. Диалектический и исторический материализм даёт возможность марксистской партии находить самую глубокую пружину общественных событий не в отвлечённом разуме, не в «вечных» идеях «справедливости», а в материальных условиях жизни людей, в развитии и изменении способа производства. Тем самым исторический материализм вооружает партию в её борьбе за уничтожение строя капиталистического угнетения и создание коммунистического общества.

Более ста лет, прошедшие с момента возникновения марксистской философии, были веком триумфа её идей. Величайшим торжеством марксистского учения явилась Октябрьская социалистическая революция и победа социализма в СССР. Сотни миллионов людей ныне борются под великим знаменем марксизма-ленинизма.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, изд. 4, стр. 58.

Это значит, что философия марксизма-ленинизма не есть просто одна из многочисленных философских теорий, не есть одна из философских школ. Философия марксизма-ленинизма — это учение, объединяющее широчайшие народные массы, борющиеся за новую, счастливую жизнь, против тьмы и реакции, против старого, отжившего своё время капиталистического строя, это философия новой эры — эры борьбы за коммунизм, эры коммунизма.

2. Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин о диалектике

Вожди рабочего класса Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин неоднократно подчёркивали в своих произведениях значение диалектического метода как важнейшей составной части диалектического и исторического материализма.

В 1886 г. в произведении «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Энгельс, характеризуя значение марксистской диалектики в борьбе за новый мир, писал, что материалистическая диалектика «является нашим лучшим орудием труда и нашим острейшим оружием» [1].

В другом месте Энгельс указывает, что в основе всего переворота, совершённого Марксом в области политической экономии, лежит выработанный им диалектический метод: «Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает материалистическому основному воззрению» [2].

Когда неокантианец Ланге выразил своё презрение к диалектике и вместе с тем удивился тому обстоятельству, что Маркс чрезвычайно свободно ориентируется в эмпирическом материале, Маркс иронически заметил: «Ланге наивно говорит, что в эмпирическом материале я «дви-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, 1948, стр. 367.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. I, 1948, стр. 332.

гаюсь на редкость свободно». Ему и в голову не приходит, что это «свободное движение в материале» есть не что иное, как парафраз известного *метода* изучения материала, — именно, *диалектического метода...»* [1]

Какое значение имела марксистская диалектика для создания теории научного коммунизма, для руководства партией рабочего класса, для выработки тактики пролетариата, для развития науки, показал Ленин в своей статье «Переписка Маркса с Энгельсом».

«Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, — писал Ленин, — тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет *диалектика.* Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее, — к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли» [2].

Едва ли можно более сильно выразить то, что означала марксистская диалектика для всей деятельности Маркса и Энгельса.

Ленин называл диалектику душой марксизма. Критикуя меньшевиков, он говорил: «Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики» [3].

В своих трудах Ленин уделял большое место вопросам диалектики. Такие произведения Ленина, как «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Что делать?», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Материализм и эмпириокритицизм» и другие, являются ярким образцом применения диалектического метода к самым различным

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1947, стр. 239.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 19, изд. 4, стр. 503.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 33, изд. 4, стр. 436.

вопросам теории и практики, образцом его дальнейшего развития.

В период первой мировой войны Ленин особенно интересуется вопросами диалектики. Он внимательно изучает древнегреческую философию, «Науку логики» Гегеля, делает многочисленные выписки из различных философских трудов, материалистически перерабатывает идеалистическую диалектику, развивает марксистскую материалистическую диалектику. «Философские тетради», в которых собраны результаты работы Ленина над философией в этот период, имеют огромное теоретическое значение для понимания ряда важнейших вопросов диалектики.

Чем объясняется тот факт, что, когда вспыхнула первая мировая война, Ленин специально берётся за изучение и разработку диалектики? Это объясняется тем, что каждый свой шаг, каждую свою мысль Ленин подчинял революционной практике, задаче революционной перестройки жизни. Вся теоретическая работа Ленина всегда была связана с коренными и текущими потребностями борьбы трудящихся масс. Этой борьбе Ленин отдавал себя без остатка.

Так было в годы первой мировой войны.

Новые исторические условия потребовали изменения тактики рабочего класса и его партии, новых форм борьбы пролетариата против буржуазии. Ленин разрешает все вопросы, поставленные в этот период, при помощи мастерского применения материалистической диалектики.

Если мы сравним общефилософские положения, сформулированные Лениным в «Философских тетрадях», с его работами, посвящёнными анализу сущности империализма, характера первой мировой войны, тактики рабочего класса и т. д., то увидим, что между ними существует теснейшая связь: тысячи живых нитей связывают ленинскую диалектику с политикой и тактикой большевистской партии, с борьбой против субъективизма, софистики и эклектики западноевропейских оппортунистов II Интернационала и русских меньшевиков. Оценку, данную Лениным переписке Маркса с Энгельсом, можно с полным правом отнести и к трудам самого Ленина в этот период. В этих трудах центральным пунктом, к которому сходится «вся

сеть высказываемых и обсуждаемых идей», является диалектика, применение Лениным революционной диалектики к всестороннему анализу новой эпохи — эпохи империализма и пролетарских революций.

Не меньшее место занимает марксистская диалектика и в работах товарища Сталина.

Ещё в 1906—1907 гг. товарищ Сталин написал работу «Анархизм или социализм?», в которой ярко вскрыл органическую связь между марксистской философией и пролетарским социализмом Маркса, дал глубокое изложение сущности марксистского диалектического метода, показал его значение для науки, для революционной деятельности партии пролетариата.

«История науки показывает, — писал товарищ Сталин в этой работе, — что диалектический метод является подлинно научным методом: начиная с астрономии и кончая социологией — везде находит подтверждение та мысль, что в мире нет ничего вечного, что всё изменяется, всё развивается. Следовательно, всё в природе должно рассматриваться с точки зрения движения, развития. А это означает, что дух диалектики пронизывает всю современную науку» [1].

Как и Ленин, товарищ Сталин является величайшим мастером революционной диалектики. Он бичует оппортунистов и других врагов марксизма в рабочем движении, показывая, что теоретической основой их оппортунизма является измена диалектике, догматизм.

«Беда наших уклонистов, — говорил товарищ Сталин на XVI съезде партии, — состоит в том, что они не понимают и не хотят понять марксовой диалектики» [2].

Говоря о диалектике, товарищ Сталин показывает, что распространение положений диалектического метода на изучение общественной жизни, применение их к истории общества, к практической деятельности партии пролетариата имеет громадное значение. Указывая, что жизнь постоянно идёт вперёд и приносит с собой новые данные, новый опыт, товарищ Сталин следующим образом опре-

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 1, стр. 301.
[2] *И. В. Сталин,* Соч., т. 12, стр. 370.

деляет значение марксистского метода для обобщения этого нового опыта, для развития марксизма как науки:

«Что такое марксизм? Марксизм есть наука. Может ли сохраниться и развиваться марксизм как наука, если он не будет обогащаться новым опытом классовой борьбы пролетариата, если он не будет переваривать этот опыт *с точки зрения марксизма, под углом зрения* марксистского метода? Ясно, что не может» [1].

В работе «О диалектическом и историческом материализме» товарищ Сталин в строгих и отчеканенных положениях дал классическую формулировку основных черт диалектического метода, показал его значение для изучения природы и общества, для борьбы за социализм.

Великие вожди русского и всего международного пролетариата Ленин и Сталин не только высоко оценивали значение диалектики, созданной Марксом и Энгельсом. Они творчески развили марксистскую диалектику, подняли её на новую, высшую ступень.

Ленин и Сталин учат, что нет худшего врага марксистской теории, чем догматизм, талмудизм, непонимание того, что марксизм и его философия есть развивающееся учение. В своей работе «Марксизм и вопросы языкознания» товарищ Сталин снова и снова возвращается к этому вопросу и показывает, что между марксизмом и догматизмом лежит непроходимая пропасть. Творчески обобщая опыт борьбы рабочих партий в новых условиях эпохи империализма и пролетарских революций, опыт строительства социализма в нашей стране, Ленин и Сталин ещё острее отточили оружие диалектики, конкретизировали и обогатили её.

3. Историческое подготовление марксистской диалектики

Марксистская диалектика — не случайное открытие гениального ума. Марксистская диалектика была бы невозможна вне всего исторического развития научной мысли, философии, естествознания. Она есть теоретическое обобщение достижений естественных и общественных наук, итог и обобщение исторического опыта чело-

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 9, стр. 99.

веческого общества. В работе «Марксизм и вопросы языкознания» товарищ Сталин указывает, что Маркс и Энгельс считали, «что их диалектический материализм является продуктом развития наук, в том числе философии, за предыдущий период» [1].

Поэтому, чтобы глубже понять сущность и значение марксистской диалектики, нужно подойти к ней исторически, нужно видеть, каким образом развитие наук, развитие общественной жизни приводит на известном этапе к возникновению марксистской диалектики.

Всякий метод, в том числе и диалектический метод, тесно связан с определённым уровнем знаний, с определёнными общественными отношениями.

Что такое метод? Метод — это способ подхода к явлениям, способ изучения, познания действительности. Нетрудно понять, что способ подхода к явлениям, способ их познания самым непосредственным образом зависит от уровня наших знаний.

Например, в XVII—XVIII веках господствовало представление о природе как некоей неизменной, неразвивающейся, раз навсегда данной сущности. Это представление было основой, на которой возник характерный для того времени способ подхода к действительности — метафизический метод. Этот метод учил рассматривать явления природы вне их движения, развития и изменения и был обобщением исторически ограниченных знаний людей о природе. Следовательно, рассматривать метод независимо от уровня достигнутых знаний о мире — значит искусственно отрывать его от почвы, на которой он рождается.

Кроме того, метод имеет и свои социальные, а в классовом обществе — классовые, корни. Борьба общественных классов находит своё яркое выражение в различных методах, способах подхода к действительности.

Таким образом, существует связь и зависимость между методом познания действительности и исторически определённым уровнем развития науки, а также характером общественных отношений. Но наука, как и общество в

---

[1] *И. В. Сталин,* Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 34.

целом, развивается, претерпевает процесс изменения. Поэтому изменяется и метод познания.

Вполне закономерно, что только в XIX веке появились условия, сделавшие возможным возникновение марксистского диалектического метода.

«Теоретическое мышление каждой эпохи,— писал Энгельс,— а значит и нашей эпохи, это — исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления» [1].

Рассмотрим вкратце исторический путь развития метода познания явлений природы и общества. Основные этапы этого пути были указаны в своё время Энгельсом. Каждый из этих этапов имел важное значение для развития человеческих знаний о природе и средствах её исследования.

Уже в древневосточной философии (Египет, Китай и др.) имеют место зачатки диалектического взгляда на природу. Но особенно широкое распространение этот взгляд получил в древнегреческой философии.

Древнегреческая философия развивалась на основе античной рабовладельческой демократии, роста торгового капитала, колонизации новых земель и развития сношений с другими народами. Развитая общественно-политическая жизнь в афинском и других государствах древней Греции, борьба между рабовладельческой демократией и аристократией, обсуждение политических вопросов на народных собраниях вызвали потребность в обосновании и развитии диалектики как особого искусства добиваться истины в спорах.

«Под диалектикой,— говорит И. В. Сталин,— понимали в древности искусство добиться истины путем раскрытия противоречий в суждении противника и преодоления этих противоречий. В древности некоторые философы считали, что раскрытие противоречий в мышлении и столк-

---

[1] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1950, стр. 311.

новение противоположных мнений является лучшим средством обнаружения истины» [1].

Например, Платон говорил: «Диалектик — умеющий спрашивать и отвечать»; диалектик тот, кто, давая какое-нибудь определение вещи или явления, «словно в битве», проводит его через все возражения и добивается истины.

Но диалектика Платона была идеалистической диалектикой. Он намеренно игнорировал изучение природы, считая её чем-то низшим по сравнению с идеями. Платоновские взгляды на природу были полны мистических нелепостей.

Диалектический взгляд на природу, как на развивающийся процесс, был характерен преимущественно для древнегреческих материалистов. Мир для них есть нечто ставшее во времени, родившееся из первобытного материального хаоса, находящееся в вечном процессе движения.

Особенно следует отметить диалектические взгляды на природу Гераклита. Ему принадлежит знаменитое изречение: «Всё течёт, всё изменяется, наподобие реки». Первоначалом природы Гераклит считал огонь. «Мир, единый из всего, — говорил Гераклит, — не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим» [2].

О воззрениях Гераклита древние источники сообщают: «Гераклит устранял из вселенной покой и неподвижность. Ибо это — (свойство) мёртвых. Он приписывал движение всем вещам: вечное вечным и временное тленным» [3].

«В одну и ту же реку невозможно войти дважды, по Гераклиту, и (вообще) нельзя дважды коснуться смертной субстанции, которая была бы тожественной по (своему свойству)» [4].

Великий древнегреческий атомист Демокрит и его последователи материалисты Эпикур и Лукреций Кар также

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 536.
[2] См. там же, стр. 542.
[3] «Античная философия», изд. ВПШ при ЦК ВКП(б), 1940, стр. 24.
[4] Там же, стр. 34.

рассматривали мир в его возникновении и беспрестанном движении.

Аристотель, которого Энгельс, несмотря на его колебания между диалектикой и метафизикой, считал первым исследователем диалектики, рассматривал природу в её движении и развитии, говорил, что незнание движения необходимо влечёт за собой незнание природы.

Таким образом, характерной чертой древнегреческой философии было сознание того, что «всё течёт, всё изменяется».

Однако уже в древней Греции зарождается метафизический взгляд на природу. Достаточно указать на элейцев (Парменид, Зенон и др.), которых Аристотель называл «неподвижниками» и «противоестественниками». Элейцы сознательно выступали против диалектики Гераклита и противопоставляли его идее становления и изменения всего сущего свою идею неизменности и неподвижности мира. Сущее, учил Парменид, «закончено в себе, однородно, неподвижно» [1]. Зенон выступил с целым рядом доказательств против движения. Но те же выступления Зенона показывают, насколько дух диалектики был силен в античной философии, ибо они — хотя и в отрицательной форме — поставили много важных диалектических вопросов (о противоречивом характере движения, пространства и времени, многого и единого и т. д.).

Отдавая должное диалектической проницательности древнегреческих философов, нужно вместе с тем отметить, что их диалектика была лишь первоначальным, очень несовершенным способом познания. Она была результатом не строгого научного анализа, а непосредственного живого созерцания природы. Древнегреческая диалектика была овеяна поэтическим восприятием мира и не имела под собой в силу исторических обстоятельств твёрдой научной основы. Представления греков о материи, о сущности природы ещё наивны и фантастичны. Не менее фантастичны и их теории о строении вселенной, земли, живых существ и т. д. Кроме того, надо иметь в виду, что некоторые представители античной философии понимали развитие как

[1] «Досократики», ч. II, 1915, стр. 41.

чисто количественный процесс, как соединение и разъединение вечных и неизменных по своему качеству частиц и элементов материи (Эмпедокл, Анаксагор), как механическое соединение и распад атомов и т. д.

Энгельс был глубоко прав, когда он диалектику древних греков, выступавшую ещё в наивной «первобытной простоте», считал следствием первоначального представления людей о природе, сущность которого заключается в том, что схватывается лишь общая картина мира, его общее движение, взаимопереходы явлений, но не известны ещё частности, подробности этой картины, не известны законы природы. Образ реки, вечно обновляющей свои воды, выражал одновременно и гениальное провидение глубочайшей диалектической сущности вещей и непосредственный, наивный характер древнегреческой диалектики.

Однако человеческое познание не могло ограничиться той картиной мира, которую создали древние греки, картиной, не основывающейся на конкретном изучении природы. «В этом, — писал Энгельс, — недостаток греческой философии, из-за которого она должна была впоследствии уступить место другим воззрениям» [1].

Нужды и потребности материальной жизни людей всё больше и больше выдвигали на первый план задачу точного, основанного на эксперименте исследования и изучения предметов и явлений природы.

Первый этап в истории развития познания закономерно сменился вторым этапом.

До тех пор пока люди не проделали в течение огромного времени работы по накоплению конкретных знаний о природе и не познали отдельных её частей и элементов, они не могли иметь обоснованного взгляда на природу и её закономерности в целом. Так же развивались и отдельные науки. Например, прежде чем русский учёный Менделеев сумел в своей знаменитой периодической системе обнаружить внутреннюю связь, существующую между элементами, открыть закон их взаимоотношения и взаимодействия, наука открывала отдельные химические элементы, изучала их вне связи друг с другом, позна-

[1] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1950, стр. 314.

вала их свойства, создавала тот материал, который на известной ступени позволил Менделееву совершить своё великое открытие.

Новый этап в развитии естествознания, начавшийся ещё в конце периода древней истории и особенно интенсивно развивавшийся со второй половины XV века, характеризуется накоплением положительных знаний об отдельных явлениях и сторонах природы.

Хотя в эпоху феодализма научное исследование природы было подавлено господством богословия и религиозной схоластики, но и в этот период наука сделала некоторые успехи.

Огромный толчок научному познанию даёт развитие капитализма. С XV века начинается процесс зарождения новых экономических общественных отношений, подготовлявших возникновение капиталистического способа производства. Потребности общественного производства, развитие техники, мореплавание, строительство городов создают благоприятные условия для прогресса естествознания.

Естествознание, связанное с потребностями производства, основанное на приёмах точного исследования и эксперимента, накапливает в этот период фактические знания, собирает материал, характеризующий отдельные области и явления природы, проделывает ту работу по анализу, которая не могла быть произведена древними греками. Достаточно назвать только некоторые из многочисленных научных открытий, сделанных в самых различных областях знания в XVII и XVIII веках, чтобы понять значение достигнутых в это время успехов для дальнейшего развития науки.

Галилей с помощью подзорной трубы открыл четыре спутника Юпитера и тем самым подтвердил учение Коперника о строении солнечной системы. Ньютон исследовал законы механики твёрдых тел, законы механического движения. Широкое развитие получили исследования природы света (Ньютон, Гюйгенс). Роберт Гук открыл растительные клетки. Левенгук наблюдал и описал огромное количество одноклеточных и многоклеточных организмов, видимых лишь через микроскоп. Гарвей открыл крово-

обращение и показал его значение для деятельности организма. Линней дал первую классификацию мира растений и животных, сгруппировав их в различные классы и виды. Были изобретены ртутный термометр, водяной барометр. Исследуются электрические и тепловые явления, устанавливаются температуры плавления, кипения, испарения различных веществ. Ведётся работа по исследованию газов и устанавливается закон о соотношении между объёмом газа и давлением. Исследуется процесс горения; открывается кислород. В конце XVIII века разрабатывается механика жидких тел (гидростатика). Открываются различные химические элементы. Продолжается анатомическое изучение внутреннего строения живых существ и т. д. и т. д.

Почётное место в развитии науки этого периода принадлежит русским учёным. Достаточно назвать гениального Ломоносова, труды и исследования которого опередили человеческие знания той эпохи на целое столетие и больше. Как установлено недавно, о трудах Ломоносова знал Ф. Энгельс [1].

Нет ни одной области естественных наук — будь то физика или химия, астрономия или оптика, геология или метеорология,— в которую бы Ломоносов не внёс своего ценного вклада. Задолго до Лавуазье он открыл закон сохранения вещества, выступив подлинным основателем научной химии.

Ломоносов распространил этот закон и на движение, сформулировав в основных чертах закон сохранения энергии.

«...Все перемены, в натуре случающиеся,— писал Ломоносов,— такого суть состояния, что, сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому, так, ежели где убудет несколько материи, то умножится в другом месте; сколько часов положит кто на бдение, столько ж сну отнимет. Сей всеобщий естественный закон простирается и в самые правила движения, ибо тело, движущее своею силою другое, столько же оныя у

[1] См. «Вопросы философии» № 3, 1950 г., стр. 117—123.

себя теряет, сколько сообщает другому, которое от него движение получает»[1].

В этом положении Ломоносова ярко выражен принцип единства материи и движения. Этот принцип естествознание экспериментально обосновало только в наше время.

Лишь в 1860 г. были точно сформулированы понятия о молекуле и атоме; между тем за сто с лишним лет до этого Ломоносов разрабатывает учение об атомно-молекулярном строении материи. Великий русский учёный создаёт научную теорию теплоты, отвергнув идею о фантастическом теплороде, исследует природу электричества, создаёт кинетическую теорию газов, закладывает основы физической химии и т. д. Он является основателем первой в России химической лаборатории.

Как пророчески и злободневно звучат ныне слова Ломоносова о том, что во тьме «должны обращаться физики, а особливо химики, не зная внутреннего нечувствительного частиц строения» (т. е. строения мельчайших частиц материи). Только в наше время исследуется это строение, и с этим связана подлинная революция в познании природы.

В ряде вопросов (например, в геологии) Ломоносов развивал эволюционные идеи, опять-таки опередив в этом отношении свой метафизический век.

Развитие науки в рассматриваемый период серьёзно подвинуло вперёд познание природы. Однако достигнутый уровень знаний не давал ещё возможности видеть внутреннюю связь явлений, единство мира, открыть общие законы развития и изменения природы. Отсюда господство в познании метафизического метода. Этот метод, по словам Энгельса, имел в своё время историческое оправдание и явился философским выражением того подхода к действительности в науке, который был вызван исторической необходимостью.

«Надо было,— говорит Энгельс,— исследовать вещи, прежде чем можно было приступить к исследованию процессов. Надо сначала знать, что такое данная вещь, чтобы

---

[1] *М. В. Ломоносов*, Избранные философские произведения, 1950, стр. 341.

можно было заняться теми изменениями, которые в ней происходят» [1].

Метафизический метод был чрезвычайно ограниченным, несовершенным методом познания. Энгельс писал, что этот «способ изучения оставил нам привычку рассматривать вещи и процессы природы в их обособленности, вне их великой общей связи, и в силу этого — не в движении, а в неподвижном состоянии, не как изменяющиеся существенным образом, а как вечно неизменные, не живыми, а мертвыми. Перенесенный Бэконом и Локком из естествознания в философию, этот способ понимания создал специфическую ограниченность последних столетий — метафизический способ мышления» [2].

Метафизический метод во всём противоположен диалектическому.

Метафизика рассматривает явления природы и общественной жизни как раз навсегда данные и неизменные сущности. Она берёт явления как существующие рядом друг с другом, а не как связанные друг с другом, развивающиеся одно из другого. Если она и признаёт движение, то понимает его как механическое движение готовых тел, существующих испокон веков, созданных высшим творческим актом или как-нибудь иначе, и утверждает, что природа в своём движении вечно повторяет себя и в ней не происходит никаких качественных изменений. Она не видит внутренних противоречий явлений, служащих источником их развития.

Короче говоря, если диалектика — это теория развития, то метафизика — её антипод, теория неизменности природы, теория, отрицающая развитие.

Однако рост знаний в метафизический период развития науки подготовил отрицание этого способа изучения природы. Достижения в области познания природы, завоёванные наукой в этот период, послужили трамплином для грандиозного взлёта научного познания в XIX веке. С конца XVIII века начинается настоящий переворот, революция в науке.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. II, 1948, стр 368.

[2] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1950, стр. 21.

Социально-экономической основой этого переворота было становление и развитие нового, капиталистического способа производства. Известно, что развитие капитализма до поры до времени связано с огромным прогрессом техники. Капитализм создаёт высокоразвитую, основанную на новейшей технике, промышленность. Если эпохе феодализма свойственна ещё примитивная техника, то капитализм вызывает к жизни новую, машинную технику, в значительной степени революционизирует средства производства. Развитие же производительных сил невозможно без развития наук, естествознания.

Дальнейший прогресс науки приходит в противоречие с метафизическим мировоззрением, созданным в предшествующую эпоху. Все великие открытия, сделанные в это время, утверждают иные, прямо противоположные метафизике принципы. Наука создаёт теории, вскрывающие единство мира во всех его проявлениях, показывает историческое происхождение солнечной системы, земли, жизни, органического мира.

Следующие факты показывают, какое направление приняло развитие науки.

Кант и Лаплас выступили с новой теорией неба, нанёсшей сильнейший удар метафизическому представлению о неизменности и вечности солнечной системы. Согласно этой теории, земля и вся солнечная система возникли эволюционным путём в результате движения материи. Образование солнца и планет, вращающихся вокруг солнца, стало рассматриваться как результат длительного процесса исторического развития.

Открытие закона превращения энергии обнаружило единство всех видов и форм движения материи, переходящих, превращающихся друг в друга. С гениальными идеями, опровергавшими метафизические взгляды на пространство, время, движение, выступил великий русский учёный, «Коперник геометрии»—Н. И. Лобачевский. Эти идеи во многом предвосхитили открытия физики XX столетия.

Огромное значение имело появление геологии как самостоятельной науки. Потребность развития промышленности, добычи руд, каменного угля заставила человека проникнуть в глубь земли. Благодаря этому были сорваны

покровы с тайны истории земли. Наблюдения показали, что в различных пластах земли встречаются остатки различных животных и растений. Этот факт стал неопровержимым свидетельством неодинакового возраста различных слоёв земли, свидетельством исторического развития земли, огромных изменений земной поверхности, происходивших на протяжении миллионов лет. Чарльз Ляйелль выступил с эволюционной теорией, неопровержимо доказавшей длительное развитие земли.

Но ещё задолго до Ляйелля глубочайшие положения об эволюционном развитии земли сформулировал Ломоносов; «...твердо помнить должно, — писал М. В. Ломоносов, — что видимые телесные на земли вещи и весь мир не в таком состоянии были с начала от создания, как ныне находим, но великие происходили в нем перемены, что показывает история и древняя география, с нынешнею сносенная, и случающиеся в наши веки перемены земной поверхности... Итак, напрасно многие думают, что все, как видим, сначала творцем создано; будто не токмо горы, долы и воды, но и разные роды минералов произошли вместе со всем светом; и потому-де ненадобно исследовать причин, для чего они внутренними свойствами и положением мест разнятся. Таковые рассуждения весьма вредны приращению всех наук, следовательно, и натуральному знанию шара земного, а особливо искусству рудного дела, хотя оным умникам и легко быть философами, выучась наизусть три слова: *бог так сотворил,* и сие дая в ответ вместо всех причин» [1].

Следует отметить первостепенную роль русской науки в опровержении метафизических теорий происхождения и строения земной поверхности и в создании теорий, базирующихся на принципах развития и изменения. Во второй половине XIX века русский учёный В. В. Докучаев создал научное почвоведение, рассматривающее почву в процессе её исторического формирования, развития и изменения.

Вместе с геологией появилась новая наука — палеон-

[1] *М. В. Ломоносов,* Избранные философские произведения, 1950, стр. 396—397.

тология, которая по остаткам животных, найденных в различных пластах земных наслоений, восстановила общую картину истории развития мира животных от наиболее простых организмов до сложных. Вместе с сравнительной анатомией и эмбриологией палеонтология навсегда разрушила иллюзию о неизменности органического мира. В развитии палеонтологии и эмбриологии выдающееся место занимают русские учёные XIX века братья А. О. и В. О. Ковалевские.

Особенно великую роль в становлении нового мировоззрения сыграла теория происхождения и развития органических видов Дарвина. И до Дарвина некоторые учёные выдвигали эволюционные идеи (Ламарк и др.). Но только Дарвин впервые дал цельную теорию происхождения и развития видов, хотя и не свободную от некоторой метафизической ограниченности. Теория Дарвина опрокинула господствовавшие воззрения о неизменности и постоянстве органического мира и на огромном фактическом материале показала, что современный мир животных и растений есть результат длительной эволюции видов, сменявших друг друга и развивавшихся от простых и низших форм к более сложным и высшим формам.

Открытие клеточного строения органических существ нанесло удар метафизике и в этой важной области. Правда, в дальнейшем в эту область проникла и завоевала там прочные позиции метафизическая теория Вирхова, отрицавшая развитие клетки из доклеточных состояний. И только в наши дни советский учёный О. Б. Лепешинская опровергла эту теорию и разработала концепцию, базирующуюся на диалектическом материализме.

XIX век был веком развития химии, основные положения которой также подготовляли почву для победы идеи развития. Огромное значение в развитии химии имели исследования русских учёных Менделеева, Бутлерова и других. Открытый Менделеевым периодический закон подвёл под химию прочную теоретическую базу, раскрыл внутреннюю связь химических элементов и показал, что и неорганическая природа подчиняется закону развития. Энгельс назвал открытие Менделеева научным подвигом, вскрывшим диалектический характер природы.

Метафизическое мировоззрение неумолимо вытеснялось развитием науки. На смену принципам застоя, неподвижности пришли принципы развития, изменения.

Оценивая результаты переворота в естествознании, Энгельс писал: «...все застывшее стало текучим, все неподвижное стало подвижным, все то особое, которое считалось вечным, оказалось преходящим, было доказано, что вся природа движется в вечном потоке и круговороте» [1].

Интересно в этой связи привести слова такого выдающегося естествоиспытателя, как Менделеев, который ярко охарактеризовал колоссальный сдвиг, происшедший в представлениях о природе в науке XIX столетия.

Мёртвая природа, говорит Менделеев, вдруг ожила перед глазами современников. «Убеждение во всеобщем распространении движения началось с видимого неба, кончилось невидимым миром частиц. Когда земля сдвинулась со своих устоев и покатилась в пространстве, тогда пытались закрепить солнце и звезды. Но астрономия показала, что солнце неуклонно движется по звездным областям со скоростью около 50 метров в секунду. В самих звездах, названных неподвижными, усматриваются всякие перемены и разные виды движений. Свет, теплота, электричество — как звук — оказались видами движений, анализ которых составляет силу современного знания... Перед глазами исследователей... как в Божественной Комедии перед Данто, в невидимой массе газов стали столь очевидными быстрые движения, столкновения и удары газовых частиц, что оказалось почти возможным сосчитать эти удары и уловить многие особенности столкновений... Внутри жидкостей и твердых тел пришлось признать затем хоть ограниченные, но упорные движения частиц... В этом кажущемся хаосе всеобщего — от звезд до атомов — движения однако царствует стройный порядок...» [2]

Таким образом, метафизический метод оказался в глубочайшем противоречии с новым характером знаний, с новым направлением науки. Исторически назрело возникновение научного диалектического метода, единственно

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1950, стр. 11.

[2] *Д. И. Менделеев*, Избранные сочинения, 1934, т. II, стр. 379, 380.

соответствующего тем великим итогам развития науки, которые были достигнуты к середине XIX столетия.

Вместе с тем к этому времени произошли огромные изменения в общественной жизни народов. Победивший капитализм принёс с собой новые, небывалые в истории общества противоречия. И рабовладельческое и феодальное общества были основаны на противоречиях и борьбе между классами. Но, как указывали в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс, буржуазная эпоха отличается тем, что она упростила классовые противоречия, «...эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой» [1].

Об этом же писал и Ленин в статье «Карл Маркс»:

«А новейшая эпоха, эпоха полной победы буржуазии, представительных учреждений, широкого (если не всеобщего) избирательного права, дешевой, идущей в массы, ежедневной печати и т. п., эпоха могучих и все более широких союзов рабочих и союзов предпринимателей и т. д., показала еще нагляднее... борьбу классов, как двигатель событий» [2].

В 30—40-е годы XIX века, когда в ряде стран Европы уже утвердился капиталистический способ производства, произошли бурные революционные события. На сцену общественного движения выступил пролетариат. В 1831 г. во Франции вспыхнуло восстание лионских рабочих под лозунгом: «Жить, работая, или умереть в борьбе!» Потерпев поражение, рабочие Лиона вторично восстали в 1834 г., но и на этот раз восстание было подавлено. Несмотря на первые неудачи, французский пролетариат решительно встал на путь революционной борьбы, который привёл его к июньскому восстанию 1848 г. В июньском восстании пролетарии впервые, как писали Маркс и Энгельс, покусились на буржуазные порядки. В 30-х годах развернулось мощное чартистское движение в Англии. Борьба пролетариата против буржуазии обнажила глубочайшие про-

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1951, стр. 35.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, изд. 4, стр. 42.

тиворечия материальных интересов этих основных классов капиталистического общества.

Изучение классовой борьбы как источника движения и развития капиталистического общества давало ключ к пониманию диалектики общественного процесса.

Борьбу классов в развитии общества видели уже историки периода реставрации монархии во Франции—Тьерри, Гизо, Минье и др., они «не могли не признать борьбы классов ключом к пониманию всей французской истории» [1]. Социалисты-утописты Оуэн, Сен-Симон, Фурье и др., хотя и несовершенно, фантастично отразили в своих учениях некоторые противоречия развития капиталистического общества, но в целом их взгляды на общество оставались метафизическими.

Значительно выше западноевропейских историков и социалистов-утопистов в понимании классового характера общества и роли классовой борьбы в его развитии поднялись русские революционные демократы — Белинский, Герцен, Добролюбов и особенно Чернышевский. Духом классовой борьбы веет от сочинений Чернышевского, говорил Ленин. И у Белинского, и у Чернышевского, и у других выдающихся русских мыслителей — революционных демократов можно найти немало ярких примеров диалектического подхода к тем или иным отдельным вопросам общественной жизни. Но и они не могли ещё понять истинных причин и законов общественного развития.

Итак, как в области естествознания, так и в области науки об обществе были налицо все объективные предпосылки для замены устаревшего метафизического метода новым, подлинно научным, диалектическим методом. Но эта замена, как и выработка в целом нового, научного мировоззрения, не могла быть простой заменой одной философской школы другой, одного философского течения другим. Это должен был быть настоящий революционный переворот в истории философской мысли, гигантский скачок из старого качественного состояния философии в новое.

Процесс становления диалектических воззрений в философии нашёл своё выражение у ряда мыслителей.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, изд. 4, стр. 42.

Элементы диалектики имели место у Спинозы и Дидро, но они не получили развития.

В начале XIX века с учением о диалектическом способе мышления выступил Гегель. Несомненно, это учение сыграло существенную роль в борьбе против метафизического мировоззрения. Но как ни существенна была роль Гегеля в раскрытии диалектического метода, его взгляды не могли дать и не дали научной теории развития, не могли принести и не принесли смертельного поражения метафизическому способу мышления.

Диалектика Гегеля была ограниченной, половинчатой теорией развития, выраженной в мистически-схоластической форме и сочетавшейся с непреодолёнными метафизическими принципами. На взгляды немецких философов наложили сильную печать специфические общественные условия Германии, её экономическая и политическая отсталость, реакционный дух пруссачества.

Неспособность Гегеля и других немецких философов создать научную теорию развития коренилась не только в незрелости общественных отношений Германии того времени. Она объяснялась классовыми позициями Гегеля, классовой природой его философии. Реакционные социально-политические взгляды Гегеля, его боязнь и нежелание развить все следствия, вытекавшие из диалектического метода, висели тяжёлым грузом на его учении, неизбежно вели к примирению диалектики и метафизики.

Передовая общественная мысль России середины XIX века в лице таких мыслителей и революционеров, как Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, не могла уже удовлетвориться гегелевской диалектикой. Используя то положительное, что было в диалектике Гегеля, Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов подвергли критике её идеалистический характер, указали на противоречие между диалектическими принципами и метафизическими реакционными выводами Гегеля, на недостаточность и узость самих его диалектических принципов.

Причиной такого отношения к диалектике Гегеля в русской передовой философии была не только способность её представителей материалистически обобщать достижения науки, но и их революционный демократизм, их смелая

и решительная борьба против самодержавия и крепостничества.

Экономической отсталостью и незрелостью социальных отношений России XIX века объясняется то обстоятельство, что эти мыслители не могли полностью преодолеть метафизику в науке и подняться до диалектического материализма.

Только идеологи пролетариата могли создать и создали подлинно научный диалектический метод. Лишь в определённых условиях общественного развития, когда на историческую арену борьбы выступил самый революционный класс современного общества — пролетариат, когда зреющие в недрах капитализма общественные противоречия дали знать о себе в жестоких классовых схватках между буржуазией и пролетариатом, — лишь тогда стало возможным возникновение марксистской философии в целом и марксистского диалектического метода как её составной части.

Пролетариат в силу своего классового положения глубоко заинтересован в непрерывном развитии общества, в развитии науки и культуры, в уничтожении всяких источников, питающих темноту и невежество масс. Он не ставит никаких пределов научному проникновению в тайны природы и не опускает завесы над будущим человечества, его историческая миссия заключается в том, чтобы построить коммунизм. Пролетариат поэтому смотрит не назад, а вперёд. Ясно, что только представители этого класса могли создать единственно научное мировоззрение, возникновение которого означало настоящий революционный переворот в философии.

Марксу и Энгельсу, великим идеологам пролетариата, принадлежит эта заслуга.

Только Маркс и Энгельс сумели нанести решающие удары метафизике, разрушить до конца её теоретические основания и создать новый, подлинно научный диалектический метод. Только Маркс и Энгельс сумели сделать все выводы, вытекавшие из развития естествознания, и обобщить результаты этого развития в строго научных положениях материалистической диалектики. Только идеологи пролетариата Маркс и Энгельс смогли сделать все выводы,

вытекавшие из опыта развития общества и особенно из опыта борьбы между пролетариатом и буржуазией—борьбы, открывшей новую страницу в истории человечества.

Таким образом, марксистская диалектика, марксистская философия в целом, возникла как закономерный результат многовекового развития науки, как теоретическое обобщение итогов этого развития, а также развития человеческого общества, как мировоззрение самого прогрессивного и революционного класса в истории общества — пролетариата.

Но, возникнув на базе достижений прошлого, марксистская диалектика не есть простой синтез старых теорий и учений, как это иногда ошибочно изображают. Это— материалистическая диалектика, коренным образом противоположная идеалистической диалектике предшественников Маркса и Энгельса, диалектика, дающая единственно научную теорию развития.

4. Противоположность марксистского диалектического метода и идеалистической диалектики Гегеля

Враги марксистской философии неоднократно пытались представить дело так, что Маркс и Энгельс заимствовали свой диалектический метод из философии Гегеля, что метод Маркса и Энгельса есть простое или чуть подправленное воспроизведение гегелевской диалектики.

Такое утверждение не имеет ничего общего с истиной и продиктовано стремлением опорочить марксистскую диалектику, смазать различие между пролетарским и буржуазным мировоззрениями.

Действительное отношение Маркса и Энгельса к диалектике Гегеля точно определил товарищ Сталин в своей работе «О диалектическом и историческом материализме».

«Характеризуя свой диалектический метод, — пишет товарищ Сталин, — Маркс и Энгельс ссылаются обычно на Гегеля, как на философа, сформулировавшего основные черты диалектики. Это, однако, не означает, что диалектика Маркса и Энгельса тождественна диалектике Гегеля. На самом деле Маркс и Энгельс взяли из диалектики Гегеля лишь ее «рациональное зерно», отбросив геге-

левскую идеалистическую шелуху и развив диалектику дальше, с тем, чтобы придать ей современный научный вид»[1].

Нельзя понять сущности марксистского диалектического метода, его особенностей, если не видеть всей противоположности между диалектикой Маркса и Энгельса и диалектикой Гегеля. Диалектика Маркса и Энгельса возникла и выросла в борьбе не только против метафизики, но и против идеалистической философии Гегеля, против «мистифицирующей стороны» *(Маркс)* гегелевской диалектики. Целая историческая полоса в становлении и обосновании нового, марксистского мировоззрения была посвящена всесторонней критике немецкой философии, критике гегельянства во всех его разновидностях.

Впоследствии Маркс и Энгельс неоднократно указывали на это обстоятельство. В статье «Карл Маркс. «К критике политической экономии»», написанной в 1859 г., Энгельс говорит, что создание Марксом нового диалектического метода явилось результатом глубокой критики гегелевской диалектики. Указав, что «гегелевский метод в его *имевшейся налицо* форме был совершенно непригоден», «совершенно неуместен», Энгельс писал: «Тем не менее из всего наличного логического материала он был единственным, который можно было по крайней мере использовать. Этот метод не подвергался критике, его никто не превзошел; никто из противников великого диалектика не смог пробить брешь в гордом здании этого метода; он был забыт потому, что гегелевская школа не знала, что с ним делать. Поэтому в первую голову надо было подвергнуть гегелевский метод основательной критике»[2]. «Но критика этого метода, — продолжает далее Энгельс, — была нелегкой задачей; вся официальная философия боялась и теперь еще боится взяться за нее.

Маркс был и остается единственным человеком, который мог взять на себя труд высвободить из гегелевской логики то ядро, которое заключает в себе действительные

---

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 535.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. I, 1948, стр. 330, 331.

открытия Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод, освобожденный от его идеалистических оболочек, в том простом виде, в котором он и становится единственно правильной формой развития мыслей» [1].

В послесловии ко второму изданию I тома «Капитала» Маркс писал: «Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет тому назад, в то время, когда она была еще в моде... У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» [2].

Вопрос о коренной противоположности между диалектикой Гегеля и диалектикой Маркса имеет, таким образом, чрезвычайно важное значение для выяснения происхождения и сущности научной диалектики — той диалектики, которой Маркс и Энгельс впервые в истории философии придали «современный научный вид» *(Сталин)*.

ЦК ВКП(б) резко осудил затушёвывание принципиального различия между этими двумя методами, имевшее место в III томе «Истории философии». ЦК ВКП(б) указал, что такое отождествление гегелевской и марксистской диалектики ведёт к смазыванию различия между буржуазным и пролетарским мировоззрениями.

В чём же конкретно заключается противоположность диалектики Гегеля и диалектики Маркса?

Ответ на этот вопрос дал Маркс в послесловии ко второму немецкому изданию I тома «Капитала». Маркс писал: «Мой диалектический метод не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург [творец, созидатель] действительного, которое представляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [3].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. I, 1948, стр. 331—332.

[2] *К. Маркс*, Капитал, т. I, 1949, стр. 19.

[3] Там же.

Следовательно, противоположность заключается в том, что диалектика Гегеля — это диалектика *идеалистическая*, а диалектика Маркса — диалектика *материалистическая*.

Заслуги Гегеля в области разработки диалектического метода бесспорны. В идеалистической форме Гегель изобразил формы диалектического движения, установил принцип развития путём борьбы противоположностей, перехода количества в качество и т. д. Та мистификация, говорил Маркс, которой диалектика Гегеля подверглась под влиянием идеализма, не помешала тому, что Гегель впервые дал широкую картину диалектических форм движения.

Но диалектика стояла у Гегеля на голове. Диалектика Гегеля — это не диалектика развития объективной действительности, а диалектика саморазвития понятий. Гегель был идеалистом, и как идеалист он считал, что идея, понятие господствуют над миром, порождая все его явления, всё богатство его форм. Всё, что окружает нас, суть якобы различные проявления духа, абсолютной идеи. Притом, по Гегелю, абсолютная идея — не субъективная идея человека, а некая мистическая «объективная» идея, существующая независимо от сознания людей. Само человеческое сознание есть лишь одна из ступеней и форм в развитии абсолютной идеи.

Гегелевская абсолютная идея есть не что иное, как человеческое сознание, оторванное от природы и от самого человека, обожествлённое, превращённое в абсолют, господствующий над миром и проявляющийся во всём том, что совершается в мире. Абсолютная идея Гегеля — синоним бога, протаскиваемого не в грубой, а в тонкой, завуалированной форме. Гегель смотрит на мир сквозь эту фантастическую идею, извращающую мир, воздвигающую между действительностью и наукой непроходимый барьер. И если Гегель всё же сумел установить ряд важных принципов диалектики, то это произошло лишь потому, что его диалектика была хоть и фантастическим, но всё же отражением самой действительности. Гегель, по выражению Ленина, гениально угадал в диалектике понятий диалектику самих вещей. Но, как подчёркивает Ленин, именно угадал, не больше.

Таким образом, гегелевская диалектика базируется на совершенно ложной, антинаучной основе. Напротив, марксистская материалистическая диалектика исходит из правильных материалистических предпосылок.

Исходный пункт диалектики Маркса и Энгельса — не саморазвивающаяся идея, как у Гегеля, а объективная действительность, материя, природа, реальная жизнь общества. На место развития фантастической идеи, испытывающей мучения от своего противоречия с «несовершенной» материей и стаптывающей одни башмаки за другими, чтобы в конце концов навсегда надеть на себя кандалы немецко-прусской конституционной монархии, Маркс и Энгельс ставят развитие самой действительности, развитие природы, общества и мышления.

Маркс и Энгельс освободили диалектику от идеалистических пут, которыми её связал Гегель. Они нанесли такой удар по философскому идеализму, после которого этот последний не мог уже подняться на ноги. Они применили к диалектике единственно научное решение основного вопроса философии — об отношении мышления к бытию: не мысль, не сознание, не идея, а бытие, материя, природа первична; сознание же само является продуктом высокоорганизованной материи. Поэтому все законы диалектики суть законы самой природы. Они извлечены из объективной действительности, являясь её отражением, и лишь как таковые они могут быть научно осознаны и служить руководством для познания и действия. Исходя из этого, Маркс и Энгельс различали объективную диалектику и субъективную диалектику. «Так называемая *объективная* диалектика, — писал Энгельс, — царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обусловливают жизнь природы своей постоянной борьбой и своим конечным переходом друг в друга либо в более высокие формы» [1].

В диалектике Гегеля её идеалистический характер обусловил сознательное искажение действительной кар-

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, 1950, стр. 166.

тины развития мира. Гегель отрицал диалектическое развитие природы и утверждал, что развитие по диалектическим законам свойственно лишь духу, идее. Природа сама по себе не может развиваться, совершенствоваться, переходить из одной, низшей формы в другую, высшую форму.

Гегель говорит о природе, отчуждённой от идеи, что она труп. Природа материальна, материи же свойственна-де тяжесть, неспособность к саморазвитию, к свободному проявлению своей сущности. Природа сама по себе, заявлял он, раздроблена и не составляет единства. Части её не связаны закономерно друг с другом, и многообразные формы её не развиваются друг из друга во времени, а находятся друг подле друга, разнообразятся в пространстве.

Гегель со всей решительностью выступал против идеи развития мира растений и животных.

Совершенно иной взгляд на развитие природы утверждает марксистская диалектика. Будучи диалектикой материалистической, она не содержит и намёка на какое бы то ни было ограничение развития в объективной действительности. С точки зрения марксизма диалектические законы развития распространяются и на природу, как и на все области действительности.

Материалистическая диалектика, применённая к природе, даёт возможность естествознанию делать одни успехи за другими: «...именно диалектика, — писал Энгельс, — является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой» [1].

В то время как Гегель закрыл диалектической теории развития вход в науку о природе, Маркс и Энгельс, основоположники материалистической диалектики, вооружили естественные науки единственно научным методом и дали естествознанию ряд неоценимых руководящих указаний.

---

[1] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1950, стр. 311—312.

Энгельс специально работал над вопросами диалектики природы. Его заметки и отрывки незаконченных сочинений, собранные в книге «Диалектика природы», поражают гениальной прозорливостью, которую он проявил в решении как общих, так и частных вопросов естествознания. Именно благодаря диалектико-материалистическому подходу к проблемам естествознания Энгельс сумел на многие десятилетия предсказать направление исканий в области таких вопросов, как учение о материи и движении, теория органической жизни, эволюция вселенной и т. д.

Красноречивым примером огромного влияния материалистической диалектики на естествознание являются книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и работы И. В. Сталина «Анархизм или социализм?», «О диалектическом и историческом материализме», которые указывают естествоиспытателям единственно правильный научный подход к исследованию природы.

Не менее резко сказывается порочность идеалистической диалектики Гегеля в применении к истории общества. Основная черта гегелевской диалектики в применении к обществу состоит в том, что она обращена исключительно к прошлому, а не к настоящему и будущему. Гегель признаёт развитие общества лишь в определённых, ограниченных небольшими отрезками времени, рамках. Подчиняя диалектическую теорию развития своим реакционным политическим взглядам, он использует её как орудие построения идеалистической схемы исторического развития. Сущность этой схемы заключается в том, что абсолютная идея, развиваясь, прогрессируя с низшей ступени на высшую, должна найти своё воплощение в исторических событиях, в истории государств. При этом Гегель выключает из истории ряд народов (например, африканские) как не соответствующие природе абсолютной идеи. Китай, Индия, Персия по этой схеме воплощают низшие, несовершенные ступени развития абсолютной идеи. Выполнив свою роль, эти государства, по Гегелю, застывают и не способны уже к дальнейшему развитию. На какой-то высшей ступени развитие абсолютной идеи завершается полностью. Концу развития идеи должен соответствовать и конец в реальном развитии общества. Этим концом, за-

вершающим весь исторический процесс, Гегель считал прусско-юнкерское реакционное государство, существовавшее в Германии в конце XVIII и начале XIX века. Именно в нём он видел «венец» развития общества, воплощение абсолютной идеи.

«Вот почему, — писал Энгельс, — мы в конце «Философии права» (Гегеля. — *М. Р.*) узнаем, что абсолютная идея должна осуществиться в той сословной монархии, которую Фридрих-Вильгельм III так упорно и так безрезультатно обещал своим подданным, т. е., стало быть, в ограниченном и умеренном косвенном господстве имущих классов, приспособленном к тогдашним мелкобуржуазным отношениям Германии» [1].

Навязывая мысль о том, что абсолютная идея сама-де нашла своё воплощение в прусском государстве, Гегель опускается до прямого прислужничества прусскому государству, философски обосновывая его «вечное царство». Этот факт ярко демонстрирует классовый характер гегелевской диалектики.

Изменяя собственным диалектическим принципам борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные и т. д., Гегель всячески пытается очистить современность от противоречий, примирить их. Он хотел представить как достигнутый идеал существовавшую тогда немецкую действительность, которую Энгельс характеризовал как одну гниющую и разлагающуюся массу, где «все прогнило, колебалось, готово было рухнуть».

Тем самым диалектика Гегеля из теории развития превращалась в свою собственную противоположность, в метафизическую теорию застоя и неподвижности.

«Это означало, — говорил Энгельс, — задушить революционную сторону под тяжестью непомерно разросшейся консервативной стороны...» [2]

Марксистская диалектика покончила раз навсегда с подобным пониманием развития общества. Материали-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. II, 1948, стр. 345.

[2] Там же.

стическая диалектика отличается от гегелевской принципиально иным взглядом на развитие общества. Гегель с позиций идеализма дал ложную картину общественного развития. Маркс и Энгельс, применив материалистическую диалектику и философский материализм к общественной жизни, совершили переворот в этой области, создали подлинную науку об обществе — исторический материализм.

Материалистическая диалектика не ставит никаких пределов развитию общества. Учение материалистической диалектики о непрерывном развитии и изменении общества отражает объективные свойства самой действительности, объективные законы общественной жизни. Действительность же неисчерпаема, и никогда, пока существуют люди на земле, не может прекратиться развитие общественной жизни.

Из этого вытекает важнейшая особенность марксистской диалектики в отличие от идеалистической диалектики Гегеля: если идеалистическая диалектика обращена исключительно к прошлому, то марксистская диалектика обращена не только к прошлому, но и к настоящему и будущему. Марксистский диалектический метод учит объяснять прошлое человечества не для того, чтобы оправдать настоящее как венец развития прошлого. Он учит не только объяснять настоящее прошлым, но и рассматривать настоящее как ступень, ведущую к будущему, как условие нового развития. Диалектика, говорит товарищ Сталин, учит смотреть не назад, а вперёд.

«Капитал» Маркса — блестящий пример диалектического анализа капиталистического общества с точки зрения его настоящего и будущего.

Маркс в своём исследовании твёрдо стоял на позициях диалектической теории развития. Он рассмотрел капиталистический способ производства в его собственном движении, раскрыл присущие ему противоречия, показал, как эти противоречия с каждым новым шагом капитализма углубляются, обостряются и, наконец, приводят к тому, что капиталистический строй изживает себя и неизбежно должен быть заменён высшим строем — социализмом.

Анализ противоречий капитализма позволил Марксу

настолько точно предсказать основную линию общественного развития, что каждое новое десятилетие приносило и приносит величайший триумф марксизму. Эта способность предвидеть будущее — результат не одной лишь гениальности Маркса, но прежде всего свойство марксистской теории, способной проникнуть в грядущие века и на основе исследования настоящего увидеть яркий образ будущего.

В связи с новым характером марксистской диалектики коренным образом изменился предмет диалектики как составной части философской науки. Если в гегелевской философии диалектика выступала как метод конструкции мира из абсолютной идеи, то марксистский диалектический метод служит орудием познания мира, существующего независимо от сознания, теоретическим орудием революционного преобразования этого мира.

Материалистическая диалектика не навязывает подобно гегелевской своих законов внешнему миру. Её цель — раскрыть те законы, которые присущи самому объективному миру, и тем самым обосновать правильный способ подхода к действительности. Гегель использовал идеалистическую диалектику в целях создания некоей всеобъемлющей философской системы, претендующей на роль «науки наук», подчиняющей себе все конкретные области знания. Марксистская философия покончила навсегда с такого рода претензиями, тормозящими развитие науки. Диалектический и исторический материализм выступает как «инструмент научного исследования, метод, пронизывающий все науки о природе и обществе и обогащающийся данными этих наук в ходе их развития» [1].

Такова вкратце коренная противоположность между диалектикой марксизма и диалектикой Гегеля. Как видим, марксистский диалектический метод — это новый, подлинно научный метод, принципиально отличающийся от идеалистической диалектики как по своему содержанию, так и по своим классовым корням.

---

[1] *А. А. Жданов,* Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г., Госполитиздат, 1951, стр. 13.

5. Марксистская диалектика — наука о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления

Энгельс определял диалектику как науку о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления. В одном из примечаний к «Анти-Дюрингу» Энгельс писал: «В помещенном выше сочинении диалектика рассматривается как наука о наиболее общих законах *всякого* движения» [1].

Продолжая мысль Энгельса, Ленин писал, что диалектика есть «учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи» [2].

Классики марксизма-ленинизма подчёркивают во всех своих определениях, что предмет диалектики — всеобщие законы развития, движения.

Но могут спросить: разве любая наука не имеет дела с развитием объективного мира и не изучает законов развития тех или иных явлений природы и общества?

Бесспорно, любая конкретная наука — физика, химия, биология, общественные науки — изучает законы развития природы и общества. И диалектика есть наука о развитии. Но существует важное различие между нею и другими науками. Это различие заключается в том, что диалектика, как говорит Энгельс, есть наука о *наиболее общих* законах развития природы и общества, наука о законах *всякого* движения. Этим общим характером открываемых и формулируемых диалектикой законов как раз и объясняется то значение, которое имеет материалистическая диалектика как для научного познания, так и для практической революционной деятельности.

Разделение между науками основано на том, что каждая наука изучает определённые формы движения, вскрывает законы движения, свойственные лишь тем или иным конкретным явлениям.

---

[1] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, 1950, стр. 350.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 19, изд. 4, стр. 4.

Механика изучает законы механического движения; физика изучает законы таких форм движения, как свет, теплота, электричество, магнетизм; химия — законы соединения и разъединения атомов; биология — законы органической жизни и т. д. Так же обстоит дело с общественными науками: политическая экономия имеет своим предметом законы развития способов производства; эстетика изучает законы развития живописи, литературы, театра; история объясняет развитие событий в тот или другой период жизни общества и т. д.

Ни физика, ни химия, ни биология, ни любая другая наука не изучает законов всякого движения, законов движения вообще. Более того, попытка распространить законы какой-нибудь одной формы движения на все явления природы и общественной жизни чревата серьёзными ошибками.

Такие попытки неоднократно делались в науке и сейчас делаются буржуазными реакционерами в философии. Но законы, имеющие силу в одной области, не могут быть применены к другой. Такой закон механики, как закон инерции, вполне правильно объясняя ряд явлений природы, ничего не может объяснить ни в явлениях органической жизни, ни в явлениях человеческого общества. Так же обстоит дело и с законами, устанавливаемыми другими конкретными науками.

Марксистская диалектика в отличие от других наук имеет своим предметом не ту или иную отдельную форму движения, не ту или иную группу явлений. Её предмет — движение вообще, наиболее общие законы развития как природы, так и человеческого общества и мышления. «Это означает, — писал Энгельс, — что ее законы должны иметь силу как для движения в природе и человеческой истории, так и для движения мышления» [1].

Почему законы развития, открываемые диалектикой, имеют силу для всех явлений, к какой бы области они ни относились? Потому, что эти законы суть обобщение того наиболее существенного, что свойственно каждому явлению, любой конкретной форме движения. Это законы,

[1] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, 1950, стр. 350.

присущие самой природе и общественной жизни, теоретически обобщённые диалектикой; «...история природы и человеческого общества, — писал Энгельс, — вот откуда абстрагируются законы диалектики. Они как раз не что иное, как наиболее общие законы обеих этих фаз исторического развития, а также самого мышления» [1].

Следует особо подчеркнуть, что предметом диалектики являются не только объективные законы развития природы и общества, но и законы их познания, законы отражения действительности в сознании человека. Глубокую разработку этой стороны вопроса дал Ленин.

Выступая против идеалистов, пытавшихся превратить гносеологию (т. е. теорию познания) в особую науку, отличную от науки о бытии, об объективном мире, Ленин показал, что в марксистской философии диалектика и есть теория познания. Глубокий смысл этого ленинского положения заключается в том, что для марксистской философии наиболее общие законы объективного мира (например, законы единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные и т. д.) есть вместе с тем и законы познания. Познавать мир — значит правильно отражать его. Но в мире всё подчинено законам развития, изменения, борьбы противоположностей и т. д. Следовательно, и познание должно быть верным слепком с этого развития и изменения, должно основываться на этих законах, должно подходить к явлениям природы как взаимосвязанным, изменяющимся, противоречивым. Наши логические понятия, категории, как и познание в целом, должны быть столь же диалектичными, как и сама природа, которую они отражают.

Вот почему диалектика и есть теория познания.

Марксистская диалектика как наука о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления является незаменимым орудием научного исследования и руководством для действия. Основываясь на данных, доставляемых всеми науками о природе и обществе, на опыте и практике исторического развития, марксистская диалектика показывает, каковы всеобщие законы

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, 1950, стр. 38.

развития, основные принципы движения. Она — верное отражение объективной диалектики жизни и потому даёт единственно правильный угол зрения на действительность, правильный способ подхода к действительности.

Но это не означает, что марксистская диалектика есть некий счастливый ключ, посредством которого можно решить любой вопрос, не опираясь при этом на глубокое знание исследуемого предмета. Такое понимание диалектики враждебно марксизму. Диалектика лишь тогда может выполнить свою роль научного метода, когда она сочетается с глубоким изучением действительности, когда она связана с развивающейся наукой, с практикой. Диалектические понятия и категории превращаются в пустые формы, если они не наполняются конкретным содержанием, если они применяются как орудие доказательства, а не как орудие исследования. Ни Маркс и Энгельс, ни Ленин и Сталин никогда не рассматривают диалектику как некий готовый шаблон, который накладывается на явления природы и общества. В их трудах диалектика выступает как инструмент познания живых явлений действительности, как орудие ориентировки в сложных вопросах. И именно поэтому само это орудие познания в трудах классиков марксизма-ленинизма беспрерывно оттачивается и совершенствуется.

6. Марксистская диалектика как творчески развивающийся метод. Развитие диалектического метода Лениным и Сталиным

Марксистская диалектика не есть некое раз навсегда данное, застывшее, неизменное учение. Новые открытия в области науки, новые условия исторического развития человеческого общества не могут пройти бесследно для диалектического метода. Общие принципы материалистической диалектики, несомненно, имеют значение для любой исторической эпохи. Но эти общие принципы в различных исторических условиях приобретают определённые конкретные формы. Так, формы проявления закона един-

ства и борьбы противоположностей в старых, основанных на антагонизме враждебных классов, социально-экономических формациях совершенно иные, чем формы проявления этого закона в нашем советском социалистическом обществе, где нет классовых антагонизмов, где господствует морально-политическое единство всего народа. То же самое можно сказать решительно о всех категориях и понятиях диалектики.

Поэтому диалектический метод в связи с новыми условиями не может не обогащаться новыми выводами и положениями.

История развития марксизма прекрасно подтверждает творческий характер материалистической диалектики. Диалектический метод, созданный Марксом и Энгельсом, получил своё дальнейшее углубление и развитие в трудах Ленина и Сталина.

В своей работе «Об основах ленинизма» товарищ Сталин говорит:

«То, что дано в методе Ленина, в основном уже имелось в учении Маркса, являющемся, по словам Маркса, «в существе своём критическим и революционным». Именно этот критический и революционный дух проникает с начала и до конца метод Ленина. Но было бы неправильно думать, что метод Ленина является простым восстановлением того, что дано Марксом. На самом деле метод Ленина является не только восстановлением, но и конкретизацией и дальнейшим развитием критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики» [1].

Ленин и Сталин не только отстояли марксистский диалектический метод в борьбе против многочисленных врагов марксизма, против оппортунистических вождей II Интернационала, против меньшевиков, анархистов, народников, легальных марксистов, троцкистов, бухаринцев и т. д.

Ленин и Сталин всесторонне развили диалектический метод на основе теоретического обобщения новых данных естествознания и глубокого анализа новых условий эпохи

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 6, стр. 87—88.

империализма и пролетарских революций, эпохи строительства социализма в СССР.

Не только специальные работы Ленина по диалектике, но и его экономические, исторические и другие труды, в которых диалектика живёт в плоти и крови конкретного анализа новых исторических условий, наступивших после смерти Маркса и Энгельса, составляют целую эпоху в развитии марксистской философии. Империалистическая стадия капитализма, как впервые указал Ленин, характеризуется небывалым обострением всех противоречий буржуазного общества. Применив диалектический метод к рассмотрению этих противоречий, Ленин развил центральный пункт марксистской диалектики — учение о противоречиях. Ленин показал, что это учение является «ядром диалектики». Он глубоко раскрыл всё богатство диалектического закона единства и борьбы противоположностей и дал в своих работах изумительные образцы конкретного применения его к стратегии и тактике коммунистической партии.

В борьбе с реформизмом внутри рабочего движения Ленин глубоко разработал вопрос о революционных скачках в процессе развития. Ленин развил дальше указания Маркса и Энгельса о соотношении эволюции и революции и показал то огромное значение, которое имеют революционные периоды в истории общества. Работы Ленина представляют незаменимое руководство для правильного понимания соотношения постепенного и скачкообразного развития, учат видеть многообразие форм скачков в объективном развитии и правильно находить момент, когда стадия эволюционного развития исчерпала себя и необходимо переходить к решительным действиям.

Ленин всесторонне разработал один из важнейших вопросов диалектического метода — вопрос о конкретности анализа общественных явлений, об историческом подходе к действительности. Разоблачая софистику и эклектицизм оппортунистов, окостенелость и догматизм мысли «теоретиков» II Интернационала, Ленин в своих работах о стратегии и тактике партии пролетариата дал массу великолепнейших примеров диалектически-конкретного анализа, учитывающего всё своеобразие исторической обстановки.

Огромное значение для развития марксистского метода имеет разработка Лениным вопроса о диалектике как теории познания. Этот вопрос приобрёл актуальное значение в связи с возникшим в конце прошлого столетия кризисом в физике. Ленин показал, что одной из причин этого кризиса было незнание естествоиспытателями диалектики, неумение применить диалектику к процессу познания. Идеями своего бессмертного произведения «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин вооружил научное естествознание на многие десятилетия вперёд. Его положения о противоречивости процесса познания, о диалектическом пути познания истины, об абсолютной и относительной истине, о гибкости понятий, его критика релятивизма и агностицизма составляют ныне гранитный фундамент марксистской теории познания.

Какую бы сторону диалектики мы ни взяли, — всюду мы найдём могучее влияние ленинской мысли, ленинских идей на дальнейшее развитие революционного марксистского метода.

Вместе с Лениным двигал вперёд марксистскую теорию и метод товарищ Сталин. В своей работе «О диалектическом и историческом материализме», являющейся высшей ступенью в развитии марксистско-ленинской философии, товарищ Сталин дал глубокую трактовку марксистского диалектического метода, обобщив взгляды Маркса, Энгельса и Ленина на диалектику, новейшие достижения естествознания, обобщив весь опыт борьбы пролетариата за социализм, опыт Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) в особенности.

В этой замечательной работе товарищ Сталин придал марксистской диалектике тот вид, который соответствует современному уровню знаний, современному этапу общественного развития. В ней дана строго продуманная, научно обоснованная классификация основных черт диалектического метода, определяющая самое важное и существенное в марксистско-ленинской диалектике. Каждая из этих черт получила гениально простую и ясную формулировку, делающую самые сложные вопросы марксистской философии доступными для миллионов борцов за

коммунизм. Ныне философская наука перестала быть достоянием узкого круга лиц. Марксистскую философию в нашей стране, в странах народной демократии и в других странах изучают миллионы людей. Она является реальной силой, помогающей трудящимся массам осуществлять свою заветную мечту о новой жизни, свободной от рабства и угнетения.

В каждое из основных положений марксистской диалектики товарищ Сталин внёс существенно новое. Развивая идеи Ленина о значении конкретно-исторического подхода к действительности, И. В. Сталин противопоставляет творческий марксизм догматическому марксизму, показывает весь вред догматизма и талмудизма, требует рассматривать марксизм как науку, развивающуюся на основе обобщения нового исторического опыта.

Разработанное товарищем Сталиным положение марксистского диалектического метода о неодолимости всего того, что возникает и развивается, является выражением победоносного движения сил демократии и социализма.

Большое место в сталинских трудах занимают вопросы об эволюции и революции, об их взаимодействии, о значении революционных скачков в развитии общества. Товарищ Сталин дал классические образцы применения положений диалектики об эволюционных и революционных формах развития к стратегии и тактике партии пролетариата.

Развивая ленинские положения о противоречиях как «ядре диалектики», товарищ Сталин глубоко раскрыл природу противоречий, сущность борьбы противоположностей как борьбы между старым и новым, отмирающим и нарождающимся, гибнущим и возникающим.

В трудах товарища Сталина всесторонне показана органическая связь между революционной диалектикой и практической деятельностью партии пролетариата.

Огромная ценность теоретических трудов И. В. Сталина для дальнейшего развития марксистской диалектики состоит в том, что они по всем линиям вскрывают те новые особенности и черты, которые приобретают общие диалектические закономерности развития в условиях

борьбы за победу социалистического строя, в условиях перехода от социализма к коммунизму.

Применяя марксистский метод к анализу этих новых исторических условий, товарищ Сталин внёс массу нового в сокровищницу диалектики.

Сталинский анализ противоречий переходного периода в СССР и путей их преодоления имеет большое значение для понимания того, как проявляется диалектический закон единства и борьбы противоположностей в эпоху строительства социализма. Впервые в истории марксизма столь полно и исчерпывающе, на основе обобщения практического опыта, разработан вопрос о различных типах противоречий — антагонистических и неантагонистических, — показаны различные пути преодоления этих противоречий, взаимосвязь между внутренними и внешними противоречиями. Окончательно были разбиты и похоронены реакционные метафизические теории «равновесия», мирного врастания капитализма в социализм.

Товарищ Сталин показал, как в силу изменившихся обстоятельств, связанных с ликвидацией эксплуататорских классов и победой социализма в СССР, по-иному протекает борьба между старым и новым в советском обществе, какие новые формы принимает эта борьба по сравнению со старым, буржуазным обществом. В его трудах дана глубокая разработка вопроса о критике и самокритике как движущей силе развития советского общества, освещён важнейший вопрос о новых формах проявления закона перехода от старого качества к новому в советском социалистическом обществе, о характере скачков при социализме, вопрос о новом характере проявления исторической необходимости в советском обществе, где массы сознательно реализуют её и где поэтому движение не подчиняется случайности, вопрос о новом отношении к реформам после пролетарской революции и многие другие вопросы.

Исключительно большую роль играют философские труды товарища Сталина для развития советской науки. Как и ленинский «Материализм и эмпириокритицизм», они дают учёным руководящие идеи, помогающие им вести борьбу с реакционными идеалистическими и метафи-

зическими теориями в биологии, физиологии, физике и других науках и творчески развивать научное естествознание. Работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» не только помогла советским языковедам выбраться из тупика вульгаризаторского марровского «учения» и положить начало новому этапу в развитии языкознания, но и подняла на новую ступень понимание целого ряда важных вопросов диалектического и исторического материализма.

Вклад, внесённый Лениным и Сталиным в развитие марксистского диалектического метода, настолько велик, что нельзя овладеть марксистской диалектикой, не изучив и не исследовав всего того, что сделали для её развития Ленин и Сталин.

Марксистская диалектика, развитая Лениным и Сталиным, есть та сила, которая даёт большевикам возможность брать самые неприступные крепости в области теории и практики борьбы за коммунизм.

* *
*

Краткие выводы из сказанного можно свести к следующему:

1. Марксистский диалектический метод является составной частью диалектического и исторического материализма — мировоззрения коммунистической партии, созданного основоположниками научного коммунизма Марксом и Энгельсом и развитого их великими учениками и продолжателями Лениным и Сталиным.

Марксистский диалектический метод, как и диалектический и исторический материализм в целом, возник в результате многовекового развития науки и философии. Великие достижения научного познания природы, исторический опыт общественного развития пришли на определённой ступени в противоречие с господствовавшим в XVI—XVIII веках метафизическим мировоззрением. Марксистская философия и её составная часть — марксистская диалектика есть обобщение этих великих достижений науки и опыта истории. В противоположность метафизическому учению о неизменности природы и общественных

порядков марксистский диалектический метод является теорией развития, теорией, утверждающей в соответствии с самой объективной действительностью принципы движения, изменения, вечного обновления мира.

2. Марксистская диалектика использовала всё то рациональное, что содержалось в идеалистической диалектике Гегеля, переработав это рациональное на материалистической основе. Но марксистская диалектика не есть простое продолжение старых философских учений. Маркс и Энгельс создали качественно новую, материалистическую диалектику, в корне противоположную идеалистической диалектике Гегеля. Выработка материалистической диалектики, как и марксистской философии в целом, явилась революционным переворотом в истории человеческой мысли.

3. Марксистская диалектика есть наука о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления. Вследствие этого она является методом, определяющим угол зрения на действительность, способом подхода к явлениям природы и общественной жизни. Она — орудие научного познания, позволяющее творчески решать задачи науки и связывать познание с исторически развивающейся практикой.

4. Созданный Марксом и Энгельсом диалектический метод сыграл огромную роль в разработке теории научного социализма. Возникнув как составная часть мировоззрения самого революционного класса современного общества — пролетариата, диалектика позволила подвергнуть объективному анализу всю историю общественного развития, рассмотреть её не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения настоящего и будущего и создать подлинно научную социологию.

5. Марксистская диалектика есть творчески развивающаяся наука. Она обогащается и конкретизируется в связи с новыми достижениями науки, новыми историческими условиями развития общества. После смерти Маркса и Энгельса великие вожди русского и международного пролетариата Ленин и Сталин подняли марксистскую философию и её метод на новую, высшую ступень, придали

диалектике новый вид, соответствующий современному уровню человеческих знаний и опыту борьбы рабочего класса за коммунизм.

И. В. Сталин применил революционный метод марксизма к условиям строительства социализма в СССР и на опыте этого строительства раскрыл новые формы диалектических закономерностей, действующих в обществе, свободном от антагонистических классов, основанном на морально-политическом единстве рабочего класса, крестьянства и интеллигенции.

ГЛАВА II

ВСЕОБЩАЯ СВЯЗЬ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ЯВЛЕНИЙ В ПРИРОДЕ И ОБЩЕСТВЕ

В своей работе «О диалектическом и историческом материализме» товарищ Сталин, излагая марксистский диалектический метод, говорит о четырёх основных его чертах: 1) всеобщей связи и взаимозависимости явлений, 2) движении и изменении, 3) переходе количественных изменений в качественные и 4) развитии как борьбе противоположностей. Это определение товарищем Сталиным основных черт диалектики даёт возможность понять марксистскую диалектику как стройную и цельную теорию развития, охватить все её существенные стороны и проследить их взаимосвязь. Классификация основных черт марксистской диалектики, данная товарищем Сталиным, представляет собой дальнейший шаг вперёд в развитии и конкретизации материалистической диалектики.

Как известно, Энгельс в работе «Анти-Дюринг», характеризуя диалектику, говорил о трёх основных её законах: 1) переходе количественных изменений в качественные, 2) единстве и борьбе противоположностей и 3) «отрицании отрицания». Развивая марксистскую диалектику, товарищ Сталин выделил как одну из основных черт диалектического метода всеобщую связь явлений. Всеобщая связь явлений — одна из самых существенных и важных сторон природы и общественной жизни. Именно эта связь лежит в основе того факта, что мир не есть хаос явлений, что в нём господствует не случайность, а строгая закономерность. Потому первейшая задача научного познания — это задача раскрыть, обнаружить связь, взаимодействие, взаимообусловленность явлений природы и общества.

Выделение всеобщей связи как одной из основных черт диалектики даёт возможность глубже понять эту существенную сторону действительности.

Товарищ Сталин не выделил как особый закон «отрицание отрицания» и при характеристике закона перехода количественных изменений в качественные заменил старое гегелевское понятие ясным и чётким понятием о поступательном характере развития — развития от низшего к высшему, от простого к сложному. Категория «отрицание отрицания» служила в гегелевской философии орудием идеалистической конструкции мира. Под эту категорию, под так называемую «триаду» (тезис, антитезис, синтез), Гегель искусственно подгонял всё развитие, причём «отрицание отрицания» нередко было у него средством примирения старого и нового, средством нейтрализации противоположностей.

Маркс и Энгельс придали этому понятию иной характер, переработав его в материалистическом духе. Сам же термин «отрицание отрицания» был в их работах не чем иным, как остатком гегелевского способа выражения. Товарищ Сталин, использовав то рациональное зерно, которое содержалось в этом понятии, а именно — положение о прогрессивном характере развития, о движении по восходящей линии от низшего к высшему, от простого к сложному, дал простое и доступное изложение этой стороны диалектики. Он показал, что из закона перехода количественных изменений в качественные вытекает поступательный характер развития.

Такая замена отжившего гегелевского понятия ясным и чётким материалистическим понятием означает дальнейший шаг в развитии и конкретизации марксистского диалектического метода.

Большое значение имеет также и та логическая структура основных черт диалектики, их связь и переход одной черты в другую, которые дал товарищ Сталин в своей работе.

Начинает И. В. Сталин с всеобщей связи явлений как той черты, которая показывает, что природа есть единое связное целое и что поэтому к ней нельзя подходить, как к хаотическому скоплению предметов. Представление о

закономерном характере действительности есть то исходное представление, без которого невозможно научное познание.

Затем товарищ Сталин показывает, что природа как единое связное целое находится в состоянии вечного и беспрерывного развития и изменения и поэтому к ней нельзя подходить, как к чему-то раз навсегда данному и неизменному. Этот закон объективного мира раскрывает вторая черта марксистского диалектического метода.

Выяснив, что законом природы и общества является развитие, И. В. Сталин далее показывает, как происходит развитие от старого к новому, какой механизм лежит в его основе. Закон перехода количественных изменений в коренные качественные и объясняет нам этот механизм.

Наконец, четвёртая черта диалектики раскрывает внутреннее, существенное содержание перехода количественных изменений в качественные, источник, двигательную силу всякого развития. Таким источником движения, двигательной силой всякого развития является борьба противоположностей.

Таким образом, марксистский диалектический метод предстаёт перед нами не только в многообразии своих основных черт и сторон, но и как органическое единство этих черт и сторон, дополняющих друг друга, выступающих как части целого.

Перейдём теперь к первой черте диалектики — к всеобщей связи и взаимозависимости явлений.

1. Противоположность диалектики и метафизики по вопросу о связи явлений

Все черты марксистского диалектического метода товарищ Сталин рассматривает в их противоположности метафизическому методу. Ещё Энгельс противопоставлял метафизике, отрицающей связь и взаимодействие явлений в природе, диалектику как учение о связи. В наброске общего плана к «Диалектике природы» Энгельс писал: «Диалектика как наука о всеобщей связи» [1].

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, 1950, стр. 1.

Ленин в своих высказываниях о диалектике многократно формулирует вопрос о связях в природе и обществе как важнейшую часть диалектической теории.

Товарищ Сталин в работе «О диалектическом и историческом материализме» дал классическую по ясности и глубине характеристику этой черты диалектики.

«В противоположность метафизике, — пишет товарищ Сталин, — диалектика рассматривает природу не как случайное скопление предметов, явлений, оторванных друг от друга, изолированных друг от друга и не зависимых друг от друга, — а как связное, единое целое, где предметы, явления органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обусловливают друг друга.

Поэтому диалектический метод считает, что ни одно явление в природе не может быть понято, если взять его в изолированном виде, вне связи с окружающими явлениями, ибо любое явление в любой области природы может быть превращено в бессмыслицу, если его рассматривать вне связи с окружающими условиями, в отрыве от них, и, наоборот, любое явление может быть понято и обосновано, если оно рассматривается в его неразрывной связи с окружающими явлениями, в его обусловленности от окружающих его явлений» [1].

В своё время метафизическое отрицание взаимосвязи явлений объяснялось ограниченностью научных знаний и имело своё историческое оправдание.

Естествознание в XVI—XVIII веках ещё не дошло до признания единства природы во всём её многообразии. Явления рассматривались как существующие рядом друг с другом, как независимые друг от друга и не обусловливающие друг друга.

В XVIII веке наука дробила природу и материю на многие, якобы самостоятельно существующие, вещества, изолированные и не связанные друг с другом. Признавалось существование особого вещества, дающего тепло, — теплорода; вещества, дающего холод, — хладорода; вещества, вызывающего горение, — флогистона. В основе электрических явлений видели особую электрическую

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 536.

жидкость и т. д. Так же метафизически разрывались пространство и время, материя и движение, неорганический и органический мир и т. д.

Естествознание в XVIII веке, по словам Энгельса, «было преимущественно *собирающей* наукой, наукой о законченных вещах», и лишь в XIX веке «оно стало в сущности *упорядочивающей* наукой, наукой о процессах, о происхождении и развитии этих вещей и о связи, соединяющей эти процессы природы в одно великое целое» [1].

И как философское отражение и обобщение новой ступени науки, нового исторического опыта явился выработанный материалистической диалектикой принцип связи и взаимозависимости явлений.

В «Философских тетрадях» Ленин несколькими словами показывает, какой путь проходит исторически-прогрессирующее познание человечества: «от сосуществования к каузальности (т. е. причинности. — *М. Р.*) и от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой, более общей» [2].

Действительно, если метафизический период в развитии науки был в основном периодом господства представлений о сосуществовании явлений и простейших причинных отношениях между ними, то в XIX веке начинает распространяться идея об единстве всех сил природы, об их всесторонней связи и взаимозависимости. С тех пор человеческая мысль безостановочно идёт по трудному, но триумфальному пути познания всё более сложных и глубоких форм связи и взаимодействия явлений.

Всё, что ранее казалось разорванным и самостоятельно существующим, оказалось единым, существующим лишь постольку, поскольку находится в определённых отношениях с другим. Взаимозависимость, взаимодействие, взаимообусловленность, переходы явлений друг в друга — вот что с неудержимой, стихийной силой выдвигалось в научном исследовании на первый план. Принцип единства мира стал источником могучего прогресса человеческих знаний.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. II, 1948, стр. 369.

[2] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 193.

Развитие естествознания в XX веке, революция в физике углубляли, развивали представления о связи, осуществляли тот процесс движения познания «от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой, более общей», о котором говорил Ленин.

Однако поражение метафизики не означало её исчезновения. Буржуазная философия, особенно в эпоху империализма, вопреки очевидным фактам, вопреки науке отстаивает метафизическое отрицание связи явлений, с яростью борется против принципа причинности, закономерности. Поэтому вопрос о связи явлений, о причинности и закономерности не есть академический вопрос: за различным решением его стоят различные враждебные партии в философии, и современная наука развивается в непримиримой борьбе с реакционным индетерминизмом, т. е. идеалистическим и метафизическим взглядом, отрицающим связь и закономерность явлений.

2. Причинность, причинная обусловленность явлений. Взаимодействие и всеобщая связь явлений. Природа как связное, единое целое

Простейшей формой взаимосвязи является причинная зависимость отдельных явлений.

В «Диалектике природы» Энгельс писал:

«*Причинность*. Первое, что нам бросается в глаза при рассмотрении движущейся материи, — это взаимная связь отдельных движений отдельных тел между собою, их *обусловленность* друг другом» [1].

Действительно, даже простое наблюдение чередования событий во времени подсказывает человеку, что между разными явлениями существует связь, при которой одно явление выступает как причина, другое — как следствие.

Уже первобытный человек составляет себе определённое представление о причинной связи окружающих его явлений, но это представление в значительной мере имеет фантастический характер. Он видит, например, что молния убивает человека, но, не зная причин этого, наде-

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1950, стр. 182.

ляет явления природы духовной силой и ставит их действия в связь со своими поступками. Вместе с тем потребности существования толкают его к установлению реальных причинных связей, и практическая деятельность подсказывает ему, по крайней мере в пределах обыденного житейского опыта, истинные причинные соотношения между некоторыми предметами.

Неправильны поэтому те буржуазные теории, которые отрицают представление о причинной связи явлений в первобытном мышлении. Один из буржуазных исследователей первобытного общества, Леви-Брюль, создал целую концепцию, согласно которой мышление первобытных людей принципиально отличается от современного мышления. В отличие от логического строя мышления «цивилизованного» человека оно, по этой концепции, пралогично, т. е. не отражает естественной причинной связи явлений. Леви-Брюль считает, что первобытное мышление совершенно безразлично к естественным причинам.

Это — ложная, извращающая действительность теория, стремящаяся отделить какой-то принципиальной гранью «цивилизованного» человека от первобытных народов, направленная к оправданию порабощения отсталых народностей империалистическими хищниками.

Конечно, первобытный человек далёк от научного понимания причинных связей вещей. Но если бы он игнорировал причинную связь и не познавал её хотя бы в примитивной форме, он не мог бы существовать, добывать средства пропитания.

Дело не в каком-то особом, «пралогическом» строе мышления первобытного человека, а в узости, бедности практической основы его жизни, которая не может служить источником глубокого познания причинности.

Одного наблюдения недостаточно для того, чтобы получить правильное представление о действительных причинах явлений и предметов.

Только практическая деятельность и научное познание, основанное на практике, на эксперименте, способны дать истинное разумение причинности, связывающей между собой явления природы. Чем шире практическая и в первую очередь производственная, промышленная деятельность

человека, тем глубже он познаёт причины явлений, тем быстрее прогрессирует научное познание.

Что же такое причинность?

Причинность — это такая обусловленность двух явлений, при которой одно явление служит основанием для возникновения другого. Причина вещи есть, таким образом, одна из форм её связи с другими вещами. Два явления или две вещи выступают по отношению друг к другу как причина и следствие. Солнце, например, нагревает камень. Понять, почему камень становится тёплым, можно лишь, узнав причину этого, т. е. поставив камень и излучаемое солнцем тепло в их естественную и объективную связь. Непонимание причинной связи и обусловленности явлений обесценивает познание, делает непонятным, откуда берётся то или иное явление, почему оно существует и т. д.

Игнорирование причинной связи явлений ведёт к нелепому религиозному представлению о том, что всё в природе и обществе подчинено какой-то высшей цели. Идеалистическая философия это нелепое представление перерабатывает в целое учение, которое называется телеологией. Согласно этому «учению» каждое явление существует не в силу определённых объективных причин, не благодаря связи и взаимодействию с другими явлениями, а как результат действия какой-то таинственной и мистической силы, направляющей всё развитие к заранее установленной цели. Так, земля с точки зрения этого «учения» создана для того, чтобы человек мог на ней жить, солнце возникло ради того, чтобы приносить человеку тепло, и т. д. Телеологизм есть выражение и оправдание религиозной идеи создания мира богом.

Наука каждым шагом своим вперёд опровергала это поповское «учение» и вскрывала истинные причины тех или иных явлений. Дарвинизм нанёс смертельный удар по телеологическим представлениям, согласно которым приспособленность растений и животных к окружающей их среде есть продукт целенаправленной деятельности «высшего творца». Дарвин показал, что эта целесообразная приспособленность в действительности является результатом длительного развития органического мира. Мичурин-

ская биология, учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности подняли учение Дарвина на высшую ступень и полностью раскрыли причины этой относительной целесообразности в природе и поражающего человека соответствия между органическими формами и окружающими их внешними условиями.

Учение о причинности и телеологизм — непримиримые враги.

Вера в чудеса, суеверия и предрассудки, религия основаны на отрицании или затемнении причинных связей и отношений, существующих между предметами, на телеологизме. Маркс, например, говорит о «капиталистической религии повседневной жизни». Называя капитал «темной вещью и мистерией», Маркс имеет в виду то обстоятельство, что при капиталистическом способе производства действительные общественные отношения и их причинная обусловленность настолько затемнены, что реальный мир выглядит, как «завороженный, искаженный и наголову поставленный мир». Так, процент, получаемый рантье на свой капитал, кажется результатом чудесного свойства денег создавать богатство из ничего. На самом деле, процент есть часть прибавочной стоимости, создаваемой в результате эксплуатации рабочих. Незнание действительной причины возникновения процента превращает его в факт иррациональный, сверхъестественный.

Это объясняет нам, почему буржуазные реакционеры в философии и науке атакуют принцип детерминизма, принцип причинности. Их цель и заключается в том, чтобы сделать невозможным научное познание мира. Они всячески пытаются затемнить действительные связи явлений, а для этого нет «лучшего» пути, чем путь отрицания объективной причинности, отрицания детерминизма.

Только причинное объяснение природы есть научное объяснение. Великий русский физиолог И. П. Павлов писал:

«Наше объективное объяснение есть истинно-научное, т. е. всегда обращающееся к причине, всегда ищущее причину» [1]

[1] *И. П. Павлов,* Полное собрание трудов, т. III, кн. 1, 1951, стр. 171.

В противоположность этому единственно верному научному объяснению мира английский физик-идеалист Э. Шредингер пишет:

«Соотношение причина-следствие, как уже это сказал Юм, не является чем-либо, что мы находим в природе, но оно касается лишь формы нашего мышления о природе. Мы имеем полную свободу оставить эту форму или изменить её, в зависимости от того, насколько нам это удобно, т. е. смотря по тому, становится ли проще описание природы».

В современном зарубежном естествознании эта идеалистическая и метафизическая точка зрения широко распространена. Для «обоснования» её усиленно эксплуатируются трудности, связанные с новой областью исследования мира мельчайших частиц материи.

Используя тот факт, что в области микромира движение частиц — электронов, протонов и т. п. — происходит по законам, отличающимся от законов макромира, т. е. мира крупных тел, современные идеалисты в науке делают вывод об отсутствии причинности, о недетерминированности движения электронов.

Например, английский астроном Джинс говорит о «свободе воли» электрона, движение которого-де не обусловлено никакой причинностью. Так буржуазные философы и физики используют своеобразие атомных явлений для атак на причинность, для примирения науки и религии.

Особенно эксплуатируется идеологами империализма отрицание причинности в общественных вопросах. Если явления недетерминированы, то не трудно такие факты, как бедствие масс в капиталистических странах, кризисы, войны и т. п., вывести не из их действительной причины — капиталистического строя, а из чего угодно, лишь бы затушевать истинную связь между причиной и следствием и тем самым ослепить массы.

За буржуазными философами покорно следуют правые социалисты. Как верные слуги буржуазии они черпают из гнилого источника буржуазной философии всё то, что необходимо им для борьбы против коммунизма. В частности они используют идеалистическое отрицание

причинности в микромире как средство доказательства того, что и в политике нет никакой причинной обусловленности.

В журнале немецких правых социалистов-шумахеровщев некий Густав Питш предпринял специальный экскурс в квантовую механику с целью доказать, что политика имеет дело со многими неизвестными величинами, «которые не поддаются точному определению согласно законам причинности». Поэтому, заявляет он, политика должна опираться не на познание объективных причинных связей событий, а на нравственность, должна быть «выражением свободного духа» и т. п.

Таким образом, отрицание причинности объединяет всех современных реакционеров — от откровенных идеологов империализма до преданных слуг буржуазии из лагеря реформистов.

Но как бы буржуазные философы ни проклинали причинную связь явлений, последняя от этого не исчезнет. Эту связь открывает нам наука, эту связь даёт нам практика, являющаяся самым верным критерием истинности или ложности тех или иных взглядов.

«Но мы находим, — писал Энгельс в «Диалектике природы», — не только то, что за известным движением следует другое движение, мы находим также, что мы в состоянии вызвать определенное движение, создав те условия, при которых оно происходит в природе; мы находим даже, что мы в состоянии вызвать такие движения, которые вовсе не встречаются в природе (промышленность), — по крайней мере, не встречаются в таком виде, — и что мы можем придать этим движениям определенные заранее направление и размеры. *Благодаря этому,* благодаря *деятельности человека* и обосновывается представление о *причинности,* представление о том, что одно движение есть *причина* другого» [1].

Таким образом, в объективном мире господствует причинная связь явлений, раскрытие которой является прямой задачей науки.

Однако было бы заблуждением думать, что данное явление может быть или только причиной, или только

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, 1950, стр. 182.

следствием, что то, что в данном случае выступает как причина, само не может быть следствием другого явления, а то, что сейчас выступает как следствие, в свою очередь не может быть причиной других явлений. Такая точка зрения была бы метафизической. Для метафизика данное явление может быть или причиной, или следствием. Метафизик не видит перехода их друг в друга, благодаря чему они меняются местами и причина становится следствием, а следствие — причиной. Метафизик упрощает действительную картину связи явлений, не видит более сложной формы связи, взаимодействия явлений.

В самом деле, для того чтобы понять какое-нибудь явление, мы выясняем причину, породившую его. Например, мы устанавливаем, что определённый экономический базис есть причина возникновения и существования данной общественной надстройки. Базис — это причина, надстройка — следствие. Если к этим понятиям причины и следствия подойти, как к застывшим и негибким, не способным переходить друг в друга, то мы не увидим всей сложности и подвижности диалектических связей между базисом и надстройкой. Базис порождает данную надстройку. Но разве надстройка безразлична для базиса? Разве она в свою очередь не воздействует на базис, помогая ему укрепиться? Конечно, в этом взаимодействии решающей силой является базис, но и надстройка играет огромную активную роль.

«Надстройка, — указывает товарищ Сталин, — порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы» [1].

Враги марксизма нередко обвиняли марксистов в том, что, выдвигая в качестве главной причины общественного

---

[1] *И. В. Сталин,* Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 7.

прогресса развитие экономических отношений, они якобы считают идеологические отношения простым следствием, не играющим никакой роли в истории общества. Как типичные метафизики, отделяющие причину от следствия китайской стеной, они не могли дойти до понятия диалектического взаимодействия.

Отвечая противникам марксизма, Энгельс писал:

«Чего всем этим господам нехватает, так это диалектики. Они постоянно видят здесь причину, там — следствие. Они не видят, что это пустая абстракция... что весь великий процесс происходит в форме взаимодействия (хотя взаимодействующие силы очень не равны: экономическое движение среди них является гораздо более сильным, первоначальным, решающим), что здесь нет ничего абсолютного, а все относительно» [1].

То, что в одной связи является причиной, то в другой связи выступает как следствие, и наоборот. Так, например, рост техники в наших колхозах является одной из причин, вызвавших необходимость укрупнения колхозов, слияния мелких колхозов в крупные хозяйства: крупная социалистическая техника не может иметь простора в мелких колхозах.

Но в свою очередь укрупнение колхозов явится причиной ещё более быстрого развития техники социалистического земледелия, вызовет дальнейший рост квалифицированных колхозных кадров, ибо сама форма крупных общественных хозяйств создаёт для этого широкую возможность и требует ещё более высокого развития техники и культуры. Иначе говоря, то, что было следствием, диалектически превращается в причину, и наоборот. Причина и следствие меняются местами, переходят друг в друга.

Таким образом, каждое явление благодаря существованию взаимодействия выступает то как причина, то как следствие. Но и это ещё не исчерпывает всей сложности связей в объективном мире. Взаимодействие в природе и обществе гораздо шире, глубже, универсальнее, чем взаимодействие двух явлений.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные письма, 1947, стр. 431.

В объективной действительности в силу сцепления причин и следствий и их взаимодействия существует *всеобщая связь и взаимозависимость явлений.* Каждое явление связано прямо или косвенно с другими явлениями. Устанавливая непосредственную причину какого-нибудь отдельного явления, мы несколько упрощаем действительную связь, ибо мы вырываем данное явление из его всеобщей связи с другими явлениями.

Понятия причины и следствия не передают всей полноты связей явлений, их универсальности. Ленин писал в работе «Материализм и эмпириокритицизм», что «человеческое понятие причины и следствия всегда несколько упрощает объективную связь явлений природы, лишь приблизительно отражая ее, искусственно изолируя те или иные стороны одного единого мирового процесса» [1].

Ленин говорил, что каузальность есть «лишь малая частичка всемирной связи», что причина и следствие суть «лишь моменты всемирной взаимозависимости, связи (универсальной), взаимосцепления событий, лишь звенья в цепи развития материи» [2].

Это же положение подчёркивал и Энгельс в «Анти-Дюринге»:

«Мы видим далее, что причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю; но как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами; то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот» [3].

Таким образом, в природе и обществе существует теснейшая и неразрывная связь между явлениями, предметами, процессами, которую человеческое познание отражает неточно, неполно, лишь постепенно приближаясь к

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, изд. 4, стр. 143.
[2] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 136, 134.
[3] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, 1950, стр. 22.

познанию наиболее сложных, всеобщих её форм, к открытию законов природы.

Из этого следует чрезвычайно важный вывод о том, что природа есть *единое связное целое*. В понимании природы как единого целого — коренное отличие диалектики от метафизики.

Для метафизика природа, как и общество, — не единое целое, а механическая сумма отдельно существующих явлений Неудивительно, что метафизик, скажем, останавливается, как перед непроходимым рвом, перед границей, отделяющей органическую природу от неорганической. Рассматривая явления вне связи друг с другом, не понимая, что природа едина во всех своих частях, что она — связное, единое целое, метафизик не может перешагнуть этот «ров».

Для диалектика, берущего явления в их связи и обусловленности, природа выступает как единое целое, где всё находится в многоразличных отношениях друг к другу и в процессе взаимодействия. Раз всё связано между собой, то каждое явление, каждый процесс есть лишь частичка целого. И только с точки зрения этого целого можно понять отдельное, единичное Вырывать отдельные явления из их связи с другими явлениями, с целым — всё равно, что при стремлении вырастить из семени растение изолировать его от света, воздуха, воды и других естественных условий, с которыми процесс произрастания связан.

Вот почему товарищ Сталин, характеризуя диалектику, пишет, что она рассматривает природу «как связное, единое целое».

Связь и взаимодействие в природе как едином целом чрезвычайно сложны, многообразны, всесторонни:

связь и взаимодействие звёздных систем, находящихся друг от друга на трудно вообразимых расстояниях; связь и взаимодействие тел внутри отдельных систем (например, в нашей солнечной системе); связь и взаимодействие различных тел в одном из звеньев этих систем (например, на нашей планете); связь и взаимодействие молекул в теле; связь и взаимодействие атомов в молекуле; связь и взаимодействие ядра и электронов в атоме; связь и взаимодействие частиц в ядре атома;

связь и взаимодействие различных форм движения материи: механическое движение тел, лучистая энергия, теплота, электричество, соединение и разложение химических элементов, взаимная обусловленность этих форм друг другом, переход их друг в друга;

связь и взаимодействие между неорганической и органической природой, между растениями и животными и внешними условиями их существования; связь и взаимодействие внутри самого органического мира, внутривидовые и межвидовые связи и отношения и т. д.

Ещё более сложную картину всеобщих связей и опосредствований мы находим в общественной жизни. Великая заслуга марксистской теории общественного развития состоит в том, что она навсегда покончила с господствовавшими до неё представлениями об обществе и различных сторонах общественной жизни, как о механическом агрегате не связанных между собой явлений.

Во всех своих проявлениях общество, как и природа, есть связное, единое целое. Все его стороны, все процессы, происходящие в нём, взаимно связаны друг с другом, вытекают друг из друга. Люди организованы в общество не в силу каких-либо случайностей, а потому, что жить, производить средства своего существования они могут, лишь будучи объединены в общество. С отношениями, складывающимися между людьми в процессе производства средств существования, самым тесным образом связаны остальные их общественные отношения: политические, правовые, идеологические.

Маркс и Энгельс вскрыли взаимозависимость и взаимодействие самых различных сторон общественной жизни, каковы, например, экономические условия жизни людей и формы их сознания.

Трудно и невозможно понять, почему изменяется та или иная сторона общества, если рассматривать эту сторону вне связи с целым, не как часть целого. Поставленное же в свою естественную и закономерную связь с общим, отдельное может получить своё рациональное объяснение.

Всё сказанное о причинности, взаимодействии, всеобщей связи явлений приводит к очень важному для науки и для практической деятельности людей выводу, который мы сейчас и рассмотрим, — к выводу о *закономерности явлений*, о *закономерном характере действительности*. Положение марксистской диалектики о связи и взаимозависимости явлений есть положение о том, что в природе и обществе господствуют определённые закономерности, которым подчинены все процессы.

3. Закономерность и необходимость в природе и обществе. Необходимость и случайность. Необходимость и свобода

Своим пониманием закономерного характера развития природы и общества диалектика коренным образом отличается от буржуазной метафизики, как старой, так и новейшей, для которой, по выражению И. В. Сталина, действительность есть хаотическое, случайное скопление предметов. Отрицание причинной связи явлений имеет своим неизбежным логическим следствием отрицание закономерности.

Являются ли природа и общество беспорядочным, хаотическим нагромождением процессов и событий, в которых нет объективной необходимости, закономерности, или в природе и обществе господствуют определённые закономерности, осуществляющиеся с естественной необходимостью, — решение этого коренного вопроса всякой философии непосредственно зависит от того или иного решения вопроса о причинности, о связи и взаимообусловленности предметов.

В том и состоит корень ненависти буржуазных философов к принципу детерминизма, всеобщей связи, что стоять на позициях научного детерминизма — значит признавать наличие в природе и обществе независимых от сознания человека объективных законов, закономерности.

В самом деле, что такое закон, закономерность? Закон есть выражение внутренней существенной связи яв-

лений. Закон, писал К. Маркс, есть внутренняя и необходимая связь между двумя явлениями [1].

То же говорит В. И. Ленин: «...понятие *закона* есть ***одна*** из ступеней познания человеком *единства* и *связи,* взаимозависимости и цельности мирового процесса» [2].

Только установив связь, единство явлений, то существенное, общее, что свойственно им, мы можем установить и их закон, их закономерность. Закономерными мы считаем такие явления, которые необходимым, естественным образом вытекают из всей совокупности условий. Например, экономические кризисы при капитализме закономерны, причинно обусловлены анархией капиталистического производства, всем экономическим строем буржуазного общества. Закономерный характер имеет, скажем, смена дня и ночи, так как она обусловлена вращением земли вокруг своей оси. Следовательно, закономерность есть выражение детерминированности явлений, их связи и взаимодействия. Не будь такой причины, как противоречия капиталистического способа производства, не было бы и кризисов. Не будь такой причины, как вращение земли, не было бы и закономерной смены дня и ночи. Но если та или иная причина существует, то неизбежно, т. е. закономерно, возникают и её следствия.

Поэтому закономерность в природе и обществе есть не что иное, как такое сцепление причин и следствий, такая связь явлений, которые обусловливают определённое, совершающееся с естественной необходимостью, течение событий.

Только познание объективных закономерностей создаёт науку. Не случайно до марксизма не существовало науки об обществе. Домарксовская философия не могла вскрыть законов общественного развития. Марксизм впервые показал, что основой общественного развития являются изменения в способе производства. С изменениями в способе производства закономерно изменяются все стороны общественной жизни. Смена общественно-экономических формаций, переход от первобытно-общинного

---

[1] См. *К. Маркс,* Капитал, т. III, 1950, стр. 233.
[2] *В. И. Ленин,* Философские тетради. 1947, стр. 126.

строя к рабовладельческому, от рабовладельческого — к феодальному, от феодализма — к капитализму и, наконец, совершающийся в нашу эпоху процесс уничтожения капитализма и строительства коммунистического общества — всё это обусловлено законом, согласно которому изменения, совершающиеся в способе производства, необходимо ведут к изменению общественного строя.

Буржуазные философы боятся, как огня, познания объективных законов истории и боятся по вполне понятной причине: закономерный ход истории неумолимо отвергает капиталистический способ производства как изживший себя и тормозящий дальнейший прогресс человеческого общества.

«Раз понята связь вещей, — писал Маркс, — рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится еще до того, как они развалятся на практике. Следовательно, тут уже безусловный интерес господствующих классов требует увековечения бессмысленной путаницы» [1].

В. И. Ленин в статье «Еще одно уничтожение социализма», написанной по поводу попытки Струве дискредитировать идею закона, обобщил это явление как характерную черту всей современной буржуазной философии.

«Изгнание *законов* из науки, — писал Ленин, — есть на деле лишь *протаскивание законов религии*» [2]. «Отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития, загородить *лес* — деревьями, вот классовый смысл того модного буржуазного скептицизма, той мертвой и мертвящей схоластики, которые мы видим у г-на Струве» [3].

Эти слова Ленина с особенной силой звучат сегодня, когда все дороги ведут к коммунизму, когда объективная закономерность общественного развития, объективная историческая необходимость вплотную привели к ломке

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные письма, 1947, стр. 209.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 20, изд. 4, стр. 182.
[3] Там же, стр. 179.

старого, отжившего капиталистического строя. Сотни миллионов людей ныне борются под знаменем коммунизма. Вслед за СССР на путь строительства социализма вступили страны народной демократии. Великая освободительная революция произошла в Китае.

Пытаясь спрятаться от неумолимых законов исторического развития, современная буржуазная философия объявляет их «несуществующими». Многочисленные философские течения и теченьица под пёстрыми и крикливыми вывесками «персонализма», «неореализма», «прагматизма», «логического эмпиризма» и т. п. преследуют одну цель: доказать, что мир сам по себе лишён всякой закономерности, что только человек своим «опытом» вносит порядок в него. Вся эта буржуазная ярмарка философских школок, каждая из которых восхваляет свой гнилой товар как «откровение», выбивается из сил, чтобы подпереть рушащееся здание капитализма, отсрочить час его гибели.

Буржуазные философы широко пользуются одним излюбленным мотивом, который они выставляют как самый «сильный» довод против тезиса марксизма о необходимости и закономерности. Этот мотив таков: если явления природы и общества сцеплены между собой причинно-следственной связью, то, очевидно, всё в мире происходит с абсолютной необходимостью и любое явление, любое событие предопределено заранее. С точки зрения детерминизма и закономерности, говорят они, весь мир якобы подобен механизму, в котором одни колёсики и рычаги приводят в действие другие, эти в свою очередь — новые и т. д. и т. д. и в котором нет места сознательному историческому творчеству.

Но этот довод буржуазной философии против марксизма, как и все остальные, бьёт мимо цели. Цель этого довода — дискредитировать идею необходимости, чтобы протащить идеалистическую «свободу воли».

Джинс, английский астроном, идеалист, заявил:

«Повидимому, смертельная безысходность цепи, связывающей причину со следствием, исчезла, и мы стоим перед возможностью свободы, о которой мы не имели до сих пор понятия».

Такое отождествление закономерности и необходимости с «смертельной безысходностью цепи, соединяющей причину со следствием», типично для современной буржуазной мысли. Цепь, соединяющая исторические причины с их следствиями, «смертельна» лишь для тех классов и общественных форм, которые отжили свой век и тормозят поступательное развитие общества.

В домарксистской философии наиболее ярко выразили метафизический взгляд на необходимость французские материалисты. Они рассуждали так: всякое явление причинно обусловлено, следовательно, нет вовсе причин, которые не имели бы существенного значения. А так как явления связаны между собой, то самая незначительная причина способна вызвать благодаря сцеплению причин и следствий грандиозные последствия для судеб человечества и мира.

«Если мы станем судить о причинах по их следствиям, — писал Гольбах, — то во вселенной нет вовсе незначительных причин. В природе, в которой всё связано, в которой всё находится во взаимодействии... нет ни одного атома, который не играл бы важной и необходимой роли...» [1]

С этой точки зрения Гольбах подходил и к историческим явлениям.

«Излишек едкости в жёлчи фанатика, — писал он, — разгорячённость крови в сердце завоевателя, дурное пищеварение у какого-нибудь монарха, прихоть какой-нибудь женщины — являются достаточными причинами, чтобы заставить предпринимать войны, чтобы посылать миллионы людей на бойню, чтобы разрушать крепости, превращать в прах города, чтобы погружать народы в нищету и траур, чтобы вызывать голод и заразные болезни и распространять отчаяние и бедствие на длинный ряд веков» [2].

Таким образом, с этой точки зрения, всё, что ни происходит,— необходимо, и любые отношения и связи между историческими явлениями одинаково важны и существенны. Никаких случайностей в природе и истории нет.

[1] *Поль Гольбах,* Система природы, 1940, стр. 147.
[2] Там же.

Подобная точка зрения отрицает закономерность природы и общества. Ибо если любой атом играет «важную и необходимую роль», то самые случайные явления и события, на деле не имеющие никакого значения, отождествляются с действительно необходимыми условиями и процессами. Такое понимание необходимости Энгельс назвал абстрактной необходимостью и показал, что подобная необходимость однозначна со случайностью.

«Согласно этому воззрению, — писал он, — в природе господствует лишь простая, непосредственная необходимость. Что в этом стручке пять горошин, а не четыре или шесть, что хвост этой собаки длиною в пять дюймов, а не длиннее или короче на одну линию, что этот цветок клевера был оплодотворен в этом году пчелой, а тот — не был, и притом этой определенной пчелой и в это определенное время, что это определенное, унесенное ветром семя одуванчика взошло, а другое — не взошло, что в прошлую ночь меня укусила блоха в 4 часа утра, а не в 3 или в 5, и притом в правое плечо, а не в левую икру, — все это факты, вызванные не подлежащим изменению сцеплением причин и следствий, незыблемой необходимостью, и притом так, что уже газовый шар, из которого произошла солнечная система, был устроен таким образом, что эти события должны были случиться именно так, а не иначе»[1].

Ясно, что подобное понимание необходимости имеет мистический оттенок, и Энгельс имел полное право сказать, что с необходимостью такого рода мы ещё не выходим за рамки религиозного взгляда на мир. Механический детерминизм, следовательно, неизбежно ведёт к фатализму.

Некоторые современные буржуазные реакционеры не прочь воспользоваться таким пониманием «необходимости», чтобы доказать, что войны всегда были и будут, что неизменное сцепление причин и следствий имеет своим результатом вечное повторение и смену периодов мира периодами войн и т. п.

Наряду с теорией механического детерминизма широкое распространение в буржуазной философии имеет

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, 1950, стр. 173.

и точка зрения абсолютной случайности. Всё случайно, всё зависит от случайного — удачного или неудачного — стечения обстоятельств. Тот факт, что история развивалась до сих пор так, а не иначе, что в данную эпоху господствует такой порядок, а не иной, — всё это плод чистейшей случайности.

Буржуазная философия вертится в этом заколдованном кругу абстрактной механической необходимости и столь же абстрактной случайности.

Как же решает этот вопрос, имеющий столь важное значение для правильного, научного понимания закономерностей природы и общества, марксистская диалектика?

Прежде всего марксистская диалектика исходит из признания существования наряду с необходимостью объективной случайности. Механические детерминисты совершенно неправильно относят случайность к области субъективного и связывают её с незнанием причин, вызвавших данное явление.

В действительности случайность существует объективно и не зависит от того, знаем ли мы причины явления или не знаем. В отличие от необходимости, которая представляет устойчивую, закономерную связь явлений, случайностью мы называем то, что не вытекает закономерно, с внутренней неизбежностью из данного процесса и что может сложиться так или как-нибудь иначе. Например, цена товара на капиталистическом рынке закономерно, необходимо определяется его стоимостью, т. е. количеством общественно-необходимого труда, затраченного на его производство. Но тот факт, что такого-то числа в такой-то день товар попадает на рынок и оказывается, что на рынке подобных товаров больше, чем покупателей, и что поэтому он продаётся несколько ниже своей стоимости, этот факт — чистейшая случайность. Нам могут быть известны причины, почему сегодня на рынке меньше или больше товаров, но случайный характер колебаний цен от этого не исчезнет.

Но если товары станут продаваться ниже стоимости, их перестанут производить, количество их на рынке уменьшится, и в результате цены поднимутся. Таким образом, необходимость возьмёт своё.

В исторических событиях мы также должны отличать случайность от необходимости.

Известно, например, что непосредственным поводом для начала первой мировой войны был выстрел в австрийского эрцгерцога. Но кто на основании этого факта счёл бы, что война была вызвана именно этим выстрелом, тот смешал бы чисто случайные, десятистепенные явления с решающими, существенными, необходимыми. Выстрела могло бы и не быть, а войны при капитализме есть закономерное явление, вызываемое всеми противоречиями капиталистического строя.

Необходимость того или иного исторического события вызывается коренными причинами общественного развития. История, говорит И. В. Сталин, «не делает чего-либо существенного без особой на то необходимости» [1]. Поэтому только учёт этих коренных причин даёт возможность научно объяснить ход истории.

В то время как случайность имеет своей сферой внешние связи, поверхность, где сталкиваются и перекрещиваются самые различные процессы и события, необходимость имеет своей сферой внутренние, решающие, существенные связи и отношения, обусловливающие закономерное, естественно-необходимое течение событий и процессов.

Легко поэтому понять, что наука, ограничивающая себя сферой случайностей, не имеет права называться наукой.

Отсюда следует вывод: научно познавать природу значит познавать её в её *необходимости,* в её закономерном развитии. Поэтому наука — *враг случайностей.* Познание не может основываться на случайностях. Это значило бы свести существенное, необходимое, закономерное к несущественному, к внешнему. Случайное потому и не поддаётся предвидению, что оно не вытекает с необходимостью из данного хода процесса и представляет временную, неустойчивую связь явлений, которая сегодня существует, а завтра — нет. Там, где невозможно предвидеть основное течение процессов, там нет науки, нет научного познания, там не может быть сознательного

[1] *И. В. Сталин,* Марксизм и вопросы языкознания, 1951, стр. 10.

действия. Всякое научное познание характеризуется именно тем, что оно, объясняя законы явлений, позволяет предвидеть ход того или иного процесса и влиять на него.

Научное познание, научное исследование требует строго различать необходимость и случайность, вскрывать в кажущемся хаосе явлений необходимость, закономерность. Ленин это показывает на простом примере: «Иван есть человек, Жучка есть собака...» и т. д. «*Уже з д е с ь,*— говорит Ленин, — есть элементы, зачатки, понятия *необходимости,* объективной связи природы etc. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь, ибо говоря: Иван есть человек, Жучка есть собака, *это* есть лист дерева и т. д., мы *отбрасываем* ряд признаков, как случайные, мы отделяем существенное от являющегося и противополагаем одно другому» [1].

Без такого противопоставления существенного несущественному, необходимого случайному нельзя найти закономерностей в развитии, т. е. наука невозможна.

Яркий пример научного подхода к природе, основывающегося на познании закономерности, необходимости, даёт нам мичуринская биология. И, наоборот, пример ненаучного подхода, основывающегося на чистейшей случайности, даёт менделистско-морганистская лженаука.

Морганистско-вейсманистская концепция целиком основывается на отрицании закономерного характера развития органической природы, представляя природу как хаос случайностей.

Вейсманизм-морганизм противоестественно и незаконно разделяет организм на две сущности: на обычное тело и некое таинственное наследственное вещество. Вейсманисты утверждают, что это наследственное вещество бессмертно и неизменно и поэтому изменения живого тела не влияют на него. Внешние условия существования организма, воздействуя на тело организма, с точки зрения вейсманизма, не оказывают никакого влияния на наследственность. Отсюда делается вывод, что в развитии организмов нет никакой закономерности, ибо наследственное вещество не имеет своей причины, оно ничем причинно не обусловлено, бессмертно.

[1] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 329.

Чем же объяснить в таком случае изменения организмов, многообразие видов и т. д.? На этот вопрос морганистско-вейсманистская лженаука отвечает, что неизменные наследственные частицы, гены, случайно сочетаясь друг с другом, дают различные комбинации, что и определяет разнообразие в живой природе. Менделисты даже проводят аналогию между изменением организмов и игрой в кости или в карты.

«По менделизму, — пишет морганист Меллер, — жизнь подобна игре карт, каждый из нас держит в руках карты, называемые генами, содержащие полколоды: два туза, две двойки, две тройки и т. д. Одного туза, одну двойку, одну тройку мы унаследовали от нашей матери, а по одному от нашего отца и т. д.»

Таким образом, вейсманизм-морганизм отрицает закономерность в изменении организмов, в превращении одного вида в другой, объявляя источником изменчивости организмов чисто случайное сочетание генов, и утверждает, что управлять этим процессом принципиально невозможно.

Вейсманистско-морганистская биология имеет реакционный политический характер. Её положения о неизменности наследственности, о независимости наследственного вещества от среды питают расистские принципы в социологии и политике, всевозможные теории о «полноценных» и «неполноценных» расах. Буржуазные реакционеры в политике используют эту лжебиологию для «доказательства» необходимости угнетения одних наций и классов другими, для подведения «научной» базы под империалистический разбой.

На совершенно иных основаниях покоится мичурическая биология.

Мичуринская биология не разрывает тело и «бессмертное» якобы вещество наследственности, она вообще не признаёт никакого бессмертного наследственного вещества, считая, что любая клетка тела имеет свойство наследственности.

В противовес вейсманизму мичуринская биология рассматривает организм в неразрывном единстве с внешними условиями его существования и учит, что наследствен-

ность есть не что иное, как концентрат внешних условий, освоенных организмом в ряде предшествующих поколений. Рассматривая наследственность как производное от внешних условий существования, мичуринская биология делает вывод о том, что изменение внешних условий существования организма, изменение типа обмена веществ является причиной изменения самого организма, изменения его наследственности. Значит, человек, изменяя условия существования организмов, может целенаправленно воздействовать на их наследственность, добиваясь определённых, нужных ему результатов.

Следовательно, человек может творить новые формы из старых, не дожидаясь случая, который может дать в его распоряжение природа.

Вот почему Мичурин беспощадно клеймил менделистов как лжеучёных. Он называл их «жалкими селекционерами-кладоискателями», а их работу — «глупым кладоискательством».

Природа, говорил он, производит случайные изменения в течение тысячелетий. Человек не может ждать этих случайностей. Он активно вмешивается в природу с целью приспособления её к своим нуждам.

«Во всех своих работах, — писал Мичурин, — я преследую только эту цель и в крайнем случае лишь между делом, очень редко допускаю искание случайностей» [1].

Мичуринская биология есть выражение революционно-практического подхода к действительности, направленного на активное изменение и преобразование природы в интересах трудящегося человечества. Она опровергает и разоблачает расистские принципы вейсманистско-морганистской «биологии». Всем своим учением мичуринская биология способствует освобождению человека от рабской зависимости, от случайностей и капризов природы, помогает ему сделаться подлинным господином природы. И не случайно поэтому мичуринская биология развилась в стране социализма, где под руководством коммунистической партии народ по-революционному преобразует природу.

[1] *И. В. Мичурин,* Итоги шестидесятилетних работ, Сельхозгиз, 1950, стр. 79.

Устанавливая, что подлинно научное познание есть познание предметов в их необходимости, марксистская диалектика, однако, не возводит стены между необходимостью и случайностью, а показывает их взаимосвязь, взаимопроникновение, их диалектическое единство. Случайность всегда так или иначе связана с необходимостью, являясь формой её проявления, а необходимость в свою очередь имеет своим дополнением случайность, пробивает себе дорогу сквозь все случайности.

Ленин указывал, что закон есть отражение существенного в массе явлений, «существенного в движении...» [1]

В законе многообразные явления действительности взяты лишь с их существенной стороны, и поэтому в законе явления «очищены» от всего случайного, несущественного, что присуще каждому из них. Но закон, необходимость (что в общем одно и то же) не есть нечто такое, что находится вне явлений действительности, что существует самостоятельно, независимо от отдельных явлений. Необходимость, законы движения всегда реализуют себя в массе явлений, через посредство массы явлений, из которых каждое имеет свои индивидуальные особенности, подвержено разным случайным влияниям, отклонениям от общего. Это можно видеть на том же простом примере: «Иван есть человек».

Общие биологические свойства и особенности человеческого рода — это та «необходимость», тот закон, которые проявляются в каждом существе, к нему принадлежащем. Но «человеческое» как закон, как необходимость проявляется в отдельных индивидуумах, в Иване, Петре, Степане и т. д., по-разному. У каждого из индивидуумов есть своё особое, несущественное, случайное по отношению к общему. Но это случайное связано с необходимостью, является формой проявления необходимости.

Поэтому-то нет и не может быть никакой пропасти, отделяющей эти противоположности. Случайность действует и проявляется в рамках необходимых, закономерных процессов. В свою очередь эти последние, проявляясь, «обрастают» всякого рода случайностями, имеют, по

[1] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 127.

выражению Энгельса, своим «дополнением» случайность. Случайное в одной связи, — например, град по отношению к растущему растению, — есть необходимое в другой связи, — тот же град по отношению к атмосферным явлениям. То, что первоначально было случайным, может стать необходимым, и наоборот. Так, например, Маркс в «Капитале» показывает, что единичная или случайная форма стоимости с ростом товарного обмена становится всеобщей необходимой формой, а отсутствие обмена, бывшее в условиях первобытно-общинного строя необходимостью, становится в условиях товарного производства случайным фактом, пережитком.

Если бросить общий взгляд на арену исторических событий (речь идёт о капиталистическом обществе; в социалистическом обществе, как увидим дальше, дело обстоит иначе), то кажется, что здесь царствует случайность. Одни люди преследуют одни цели, другие — иные цели, все эти разные стремления перекрещиваются, взаимодействуют, «а общий итог этого множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир — это именно и есть история» [1]. И действительно, на поверхности истории много случайного. Уже одно то обстоятельство, что люди сами делают историю, открывает случайности дверь в эту область.

Маркс указывал, что история выглядела бы мистично, если бы случайности не играли в ней никакой роли. Он отмечал, например, значение такой случайности, как характер людей, стоящих во главе движения. Такого рода случайность, несомненно, имеет влияние на ход истории, но это влияние ограничено определёнными рамками: от неё зависит лишь «ускорение или замедление» развития событий.

Все такого рода случайности можно понять лишь в связи с коренными необходимыми процессами как форму проявления необходимости, «дополнение» к ней.

«Таким образом, — говорит Энгельс, — получается, что, в общем и целом, случайность одинаково господствует

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, 1948, стр. 371—372.

и в области исторических явлений. Но где на поверхности происходит игра случайности, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы» [1].

Как видим из всего сказанного, марксистское понимание необходимости коренным образом противоположно как метафизическим учениям о механическом детерминизме, ведущим к фатализму, так и идеалистическим теориям случайности.

Вопрос о необходимости и закономерности в применении к истории общества встаёт также в форме вопроса о соотношении необходимости и свободы, объективной исторической закономерности и сознательной деятельности людей.

Существование в развитии общества исторической необходимости, независимой от человеческого сознания, нисколько не означает сведения роли людей к нулю, отрицания свободы деятельности, как это пытаются изобразить противники марксизма. В обществе действуют люди, и жизнь общества меньше всего похожа на некий механизм, в котором «сцепление зубцов» предопределяет всё движение. Но деятельность людей определяется не идеалистической «свободой воли», а общими историческими закономерностями, в основе которых лежит необходимость. Последняя не только не ограничивает свободную (в научном смысле этого слова) деятельность людей, но является единственной объективной основой, на которой только и возможна осознанная свобода действий.

Истинный смысл идеалистической теории, пропагандирующей «свободу воли», ярко демонстрируют современные реакционные школки буржуазной философии. Одна из таких школок, выступающая под замысловатым названием «экзистенциализм», провозглашает: «Нет детерминизма. Человек свободен». Глава этой школки, небезызвестный Сартр, в специальной статье доказывает, что поступки людей ничем не детерминированы: истина складывается из действий людей. Если, поясняет он, люди

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, 1948, стр. 371.

решают жить при фашизме — значит фашизм есть истина. (Правда, чтобы прикрыть реакционную наготу своей «философии», он лицемерно добавляет, что если люди захотят жить при другом строе, то тогда этот другой строй станет «истиной».) Таким образом, современное издание идеалистической «свободы воли» есть проповедь свободы фашизма.

Подлинно свободная деятельность людей есть такая деятельность, которая базируется на знании объективных законов природы и общества, которая выражает и реализует историческую необходимость.

Марксистская диалектика рассматривает свободу и необходимость в их органической взаимосвязи и взаимодействии. Чем глубже и полнее люди осознают историческую необходимость, чем больше они опираются в своей деятельности на знание объективных законов развития, тем свободнее и сознательнее их деятельность. И, наоборот, чем более свободна и сознательна в этом смысле их деятельность, тем быстрее реализуется объективная историческая необходимость, тем быстрее ход истории.

Поэтому марксизм своей теорией о закономерном характере действительности не только не принизил роль людей, роль классов, групп, личностей, но впервые в истории философии поднял эту роль на небывалую высоту.

«Идея детерминизма, — писал Ленин в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», — устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю. Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся слагается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей. Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех? в чем состоят гаран-

тии того, что деятельность эта не останется одиночным актом, тонущим в море актов противоположных?» [1]

Ответ на эти вопросы совершенно ясен: личности обеспечен успех, когда она действует в соответствии с исторической необходимостью, и, наоборот, её деятельность останется «одиночным актом, тонущим в море актов противоположных», когда она опирается на «побасенку о свободе воли».

Подлинно великими являются те люди (таковы вожди пролетариата), которые действуют не вопреки, а в соответствии с исторической необходимостью, и, когда такие люди возглавляют общественное движение, ход истории убыстряется.

В статье «Против бойкота» Ленин показывает, что коренное отличие марксизма от всякого рода лжесоциалистических теорий заключается именно в признании огромной роли сознательной революционной деятельности масс.

«Марксизм отличается от всех других социалистических теорий, — писал Ленин, — замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий» [2].

Эту же сторону марксистского учения подчёркивает и развивает И. В. Сталин.

Разоблачая анархистов, утверждавших, будто марксизм считает человеческие стремления и волю «иллюзией», И. В. Сталин писал: «...кто вам сказал, будто, по мнению Маркса и Энгельса, «человеческие стремления и воля не имеют значения»?.. Почему же тогда Маркс старался в социалистическом духе развить «волю и стремления» пролетариев, для чего он вёл пропаганду среди них, если он не придавал значения «стремлениям и воле»?.. Правда, по мнению Маркса, «воля и стремления» людей черпают своё содержание из экономического положения,

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, изд. 4, стр. 142.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 13, изд. 4, стр. 21—22.

но разве это значит, что сами они не оказывают никакого влияния на развитие экономических отношений?»[1]

Таким образом, марксизм-ленинизм признаёт огромную роль субъективной стороны общественного развития. Если люди, классы, партии правильно отражают объективно-необходимые, закономерные процессы и способствуют их реализации, то в этом случае объективные процессы развития истории ускоряются. Великим примером деятельности, способствующей ускорению прогрессивного развития человечества, является деятельность партии Ленина — Сталина, организатора Октябрьской социалистической революции и победы социализма в СССР.

Если люди, классы и партии действуют наперекор исторической необходимости, объективные процессы общественного развития замедляются. Но историческая необходимость сильнее деятельности реакционных классов и партий, стремящихся задержать прогрессивный ход истории. Рано или поздно она опрокидывает эти классы и партии, отбрасывая их прочь со своей дороги.

В наш век такой исторической необходимостью является коммунизм, борьба за коммунистический строй жизни. И подлинно свободны в своей деятельности те классы и партии, те люди, которые отдают свои силы этой великой борьбе.

4. Новый характер связей и закономерностей в советском социалистическом обществе по сравнению с капиталистическим обществом

Мы изложили общие положения марксистской диалектики о связи явлений, о необходимости и закономерности, о необходимости и случайности в природе и обществе. Однако следует учесть, что в различных исторических условиях связь и закономерность явлений имеют различный характер, проявляются по-разному. Товарищ Сталин учит нас не догматически подходить к тем или иным общим принципам, а вскрывать ту конкретно-историческую

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 1, стр. 328.

форму, которую они принимают в определённых исторических условиях.

Особенно это важно в свете того всемирно-исторического перелома в развитии общества, который знаменует собой победа социализма в СССР. В этих новых условиях все объективные законы диалектического развития проявляются по-новому, и задача состоит в том, чтобы познать новые по сравнению с капитализмом формы действия этих законов.

Вскрывая внутреннюю связь различных сторон капиталистического процесса производства, Маркс в «Капитале» отмечает тот факт, что эта связь устанавливается в результате постоянного её нарушения, что она навязывается людям стихийно, как слепая сила, которая им не подвластна. Люди не устанавливают сознательно связь между различными отраслями производства, между производством и потреблением, она, эта связь, появляется лишь в итоге перекрещивания и сплетения массы стихийных действий.

Маркс пишет: «...при капиталистическом производстве пропорциональность отдельных отраслей производства выступает из диспропорциональности как постоянный процесс, так как здесь взаимная связь производства как целого навязывается лицам, действующим в производстве, как слепой закон, а не как закон, который, будучи постигнут их коллективным разумом и потому подвластен ему, подчиняет процесс производства их общему контролю» [1].

Из этого характера взаимных связей вытекает и характер законов капиталистического способа производства. Маркс и Энгельс называют их *слепо действующими* законами. Историческая необходимость действует в бесплановом анархическом обществе, как слепая сила, подчиняющая себе волю людей:

«...взаимосвязи представляются агентам производства как непреодолимые, стихийно господствующие над ними законы природы и проявляются по отношению к ним как слепая необходимость» [2].

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. III, 1950, стр. 267.
[2] Там же, стр. 844.

Так, например, закон стоимости проявляется как равнодействующая массы стихийно складывающихся цен, которые колеблются, то поднимаясь выше стоимости, то опускаясь ниже её. Так же действуют и другие законы капитализма, например закон средней нормы прибыли. Эти законы пробивают себе дорогу сквозь массу случайностей. Каждое отдельное явление, например цена товара, прибыль того или иного капиталиста, имеет, по видимости, чисто случайную природу. И только рассмотрение массы явлений показывает, что за этими случайностями скрывается необходимость. Внутренний закон, говорит Маркс, «прокладывающий себе дорогу в этих случайностях и регулирующий их, становится видимым лишь тогда, когда они охватываются в больших массах» [1].

Поэтому при капиталистическом способе производства случайность занимает большое место как в развитии производства и обращения, так и в жизни людей. Необходимость здесь проявляется в форме случайностей, как тенденция, как среднее массы явлений. «Разумное и естественно необходимое проявляется лишь как слепо действующее среднее» [2].

Всякое нарушение отношений между производством и потреблением, диспропорции в развитии отдельных отраслей производства исправляются не сознательной волей людей, а стихийно, в виде разрушительных экономических кризисов, которые являются следствием этого нарушения связей и стихийным механизмом их насильственного восстановления.

Совсем другой тип связи, закономерности, необходимости устанавливается с уничтожением капитализма и победой социализма. Советская социалистическая экономика — это плановая экономика, в которой нет места анархии производства, это экономика, основанная на общественной собственности на средства производства. В советском социалистическом обществе взаимная связь производства и всех сторон общественной жизни уже не

---

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. III, 1950, стр. 841.

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1947, стр. 209.

навязывается извне как слепой закон, как результат игры стихийных сил, не контролируемых людьми.

Связь и пропорциональность всех сторон и частей социалистической экономики, её целостность выступает не как результат, а как исходный пункт. Советское государство сознательно регулирует развитие экономики, направляет всё её движение, распределяя общественный труд и ресурсы в соответствии с интересами целого.

Показывая неизлечимые болезни капиталистического способа производства, товарищ Сталин говорит о преимуществах советского строя:

«Наш строй не страдает этими болезнями, потому что власть в наших руках, в руках рабочего класса, потому что мы ведём плановое хозяйство, планомерно накопляем ресурсы и правильно распределяем их по отраслям народного хозяйства. Мы свободны от неизлечимых болезней капитализма. В этом наше отличие, в этом наше решающее преимущество перед капитализмом» [1].

Вследствие этого объективные законы в советском социалистическом обществе утратили характер слепых сил. Они уже не складываются как равнодействующая массы случайностей, и исторической необходимости здесь не приходится пробивать себе дорогу сквозь эти случайности. Они проявляются и реализуются в форме сознательной деятельности людей, государства, коммунистической партии. Вооружённая знанием законов общественного развития, опираясь на преимущества социалистического общественного строя, коммунистическая партия намечает планы развития хозяйства на длительные сроки и мобилизует массы на их выполнение. В буржуазном обществе стремления людей, как правило, расходятся с получаемыми результатами. В советском обществе стремления людей совпадают с результатами их деятельности. Все стремления и помыслы народа, государства, партии направлены на то, чтобы как можно быстрее осуществить историческую необходимость нашего времени — построение коммунистического общества.

---

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 13, стр. 33.

В буржуазном обществе погоня за прибылью, конкуренция между различными капиталистами и капиталистическими объединениями отнюдь не преследуют цели обобществления производства, концентрации производства, однако игра стихийных сил приводит именно к такому «неожиданному» результату. Возникает глубочайшее противоречие между капиталистическими производственными отношениями и новым характером производительных сил — противоречие, разрешаемое социалистической революцией.

В советском обществе партия и государство сознательно направляют развитие промышленности и сельского хозяйства, чтобы достигнуть изобилия продуктов и на основе развития экономики осуществить постепенный переход от социализма к коммунизму.

Благодаря новому характеру закономерностей, благодаря тому, что историческая необходимость сознательно реализуется, роль случайностей в советском обществе сводится к минимуму. Это и понятно. Случайность находит себе широкое поприще там, где господствуют стихия, анархия. Там, где стихия не играет уже существенной роли, там и случайность не имеет для себя широкого поля деятельности.

Коммунизм как высший общественный строй не может базироваться на случайностях ни в организации общества, ни в отношении общества к природе. Пятнадцатилетний план революционного преобразования природы, принятый партией и правительством и ныне успешно осуществляемый, строительство крупнейших гидростанций и каналов на Волге, Украине, на Дону и в Туркмении имеют своей целью обезопасить социалистическое земледелие от случайностей, губящих труды людей, подчинить природу человеку. Осуществляется знаменитый мичуринский девиз: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у неё — наша задача».

Характер законов при капитализме, выступающих как слепая сила, господствующая над людьми и не контролируемая ими, отодвигает на задний план роль сознательной деятельности людей. Напротив, в советском социалистическом обществе роль сознательной деятельности людей

выдвигается на первый план, и от неё зависит успешное развитие всех сторон общественной жизни. Чем выше социалистическая сознательность людей, тем быстрее осуществляется историческая необходимость.

«Реальность нашего производственного плана, — говорит И. В. Сталин, — это миллионы трудящихся, творящие новую жизнь. Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план» [1].

В советском обществе историческая необходимость не навязывается обществу насильно. Осознанная и сознательно реализуемая, она проявляется в свободной деятельности партии, государства, народа. Советское общество совершило тот скачок из царства необходимости в царство свободы, о котором говорил ещё Энгельс. Этот скачок означает не исчезновение объективной необходимости, а сознательное и свободное осуществление её, возможное благодаря плановой организации хозяйства, планомерному преобразованию природы.

Но именно свободное и сознательное осуществление исторической необходимости во стократ усиливает роль субъективных сил общества, роль руководства. В советском обществе такой руководящей силой, направляющей всё развитие хозяйства, политики, культуры, является коммунистическая партия. Она указывает народу назревшие исторические потребности, намечает конкретные пути их осуществления, мобилизует и вдохновляет народ на решение очередных задач. И партия потому может с успехом выполнять свою руководящую роль, что она борется под знаменем марксистско-ленинской теории.

«Сила марксистско-ленинской теории, — говорит И. В. Сталин, — состоит в том, что она дает партии возможность ориентироваться в обстановке, понять внутреннюю связь окружающих событий, предвидеть ход событий и распознать не только то, как и куда развиваются события в настоящем, но и то, как и куда они должны развиваться в будущем» [2].

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 13, стр. 80

[2] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 339.

5. Всесторонность анализа явлений. Диалектика и софистика

Из положений марксистской диалектики о причинности и всеобщей связи явлений, о закономерности и необходимости вытекают очень важные выводы как для научного познания, так и для практической деятельности партии пролетариата.

Одним из таких выводов является требование всестороннего анализа явлений. Если все явления связаны между собой и находятся в состоянии взаимодействия, если каждое явление и природа в целом есть единство разнообразных сторон и качеств, то понятно, что только тот подход к действительности, который основан на всестороннем анализе явлений, может быть назван подлинно научным подходом. Всякий иной подход, подход, игнорирующий ту или иную важную сторону, грань, качество явления, метафизически искажает истину. Поэтому важнейший вывод для познания, вытекающий из диалектического учения о природе как связном, едином целом, заключается в требовании всесторонности анализа, в недопустимости однобокого, одностороннего подхода к явлениям.

Всесторонность исследования — важнейший принцип диалектики. Ленин даёт точную и глубокую формулировку этого диалектического принципа. Он пишет: «*Совокупность всех* сторон явления, действительности и их (взаимо)*отношения* — вот из чего складывается истина» [1].

Истина как результат рассмотрения совокупности всех сторон действительности и их связи, взаимодействия — это ленинское положение замечательно верно и точно передаёт одно из существеннейших требований марксистского диалектического метода.

В другом месте Ленин эту же свою мысль передаёт следующим образом:

«Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования».

[1] *В. И. Ленин.* Философские тетради, 1947, стр. 169.

Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения»[1].

В работах Ленина мы находим резкую критику метафизически одностороннего подхода к общественно-политическим вопросам. Ленин вскрывает всю разницу между диалектикой и софистикой; суть последней он, между прочим, видит в том, что односторонне выхватывается какое-нибудь одно явление или одна сторона явления. Софистика (от греческого слова: измышление, хитрость) означает, по выражению Ленина, «суть дела обходить увертками». Обойти суть дела софисты ухитряются тем, что выдвигают на первый план второстепенные стороны вопроса, загораживая ими сущность дела. Ленин, например, разоблачает реформистское понимание Каутским империализма только как определённой политики капитализма. Империализм есть, с точки зрения Каутского, лишь политика, которая не неизбежна и которую можно устранить критикой, пожеланием, требованием заменить её иной политикой. Каутский сознательно, софистически выхватывал одну из сторон современного капитализма — империалистическую политику, игнорируя её связь с «целым», т. е. с экономическими основами этой политики, с монополистическим характером новейшей стадии капитализма. Это нужно было Каутскому для того, чтобы доказать, будто можно «отменить» империалистическую политику, не затрагивая основ современного капитализма.

Софистическое выхватывание отдельных сторон и фактов из живого целого является излюбленным приёмом всякого рода врагов марксизма.

«В области явлений общественных,— пишет Ленин,— нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 32, изд. 4, стр. 72.

их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже» [1].

Ленин подчёркивал, что «необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела. Это ведь бывает... чаще, чем кажется» [2].

Яркую и глубокую критику оппортунизма за его софистически односторонний подход к действительности мы находим в работах товарища Сталина. Противопоставляя метафизике и софистике диалектический метод анализа явлений, товарищ Сталин даёт классические образцы всестороннего подхода к решению вопросов.

Вспомним, например, сталинскую критику понимания правыми оппортунистами нэпа. Правые оппортунисты, разъяснял товарищ Сталин в речи «О правом уклоне в ВКП(б)», произнесённой в апреле 1929 г., сознательно замазывали «двусторонность» нэпа. «Когда мы вводили нэп в 1921 году, мы направляли тогда её остриё против военного коммунизма, против такого режима и порядков, которые исключают *какую бы то ни было* свободу частной торговли. Мы считали и считаем, что нэп означает *известную* свободу частной торговли». Это — одна сторона нэпа.

Но нэп имеет и другую сторону. «Дело в том, что нэп вовсе не означает *полной* свободы частной торговли, *свободной* игры цен на рынке. Нэп есть свобода частной торговли в *известных* пределах, в *известных* рамках, *при обеспечении регулирующей роли государства на рынке.* В этом именно и состоит вторая сторона нэпа. Причём

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 23, изд. 4, стр. 266.
[2] Там же, стр. 266—267.

эта сторона нэпа более важна для нас, чем первая её сторона»[1].

Правые оппортунисты софистически брали лишь первую сторону нэпа, игнорируя вторую. Понятно, к каким практическим следствиям приводило это одностороннее понимание новой экономической политики. Если нэп есть лишь свобода торговли, то нужно развязать капиталистическую стихию и предоставить ей полную свободу. Это была политика реставрации капитализма.

Товарищ Сталин, опираясь на диалектическое понимание истины как совокупности всех сторон явления и их связи и взаимоотношения, разоблачил политику правых и её метафизическую теоретическую основу. Он взял нэп как связное, единое целое и показал весь вред превращения одной части, стороны явления в целое.

Чрезвычайно ярок и показателен в этом отношении также подход товарища Сталина к вопросу о факторах, определяющих ход и исход войны.

Всякая война и особенно современная война есть сложное и многогранное явление. Война — это целый комплекс условий и сторон, тесно связанных между собой и взаимно обусловливающих друг друга. Правильно анализировать войну, её ход и развитие, её перспективы — значит видеть войну как целое, не игнорируя ни одной существенной стороны её. Образец такого диалектического всестороннего анализа представляет работа товарища Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза».

С первого дня войны товарищ Сталин твёрдо и уверенно заявил, что в войне победа будет за нами. На чём основывалась эта уверенность? На всестороннем учёте решающих условий, от которых зависит победа в войне, и возможности для Советского государства добиться полного преимущества с точки зрения этих решающих условий по сравнению с гитлеровской Германией. Эти условия товарищ Сталин назвал постоянно действующими факторами войны. К их числу он отнёс прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий,

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 12, стр. 43.

вооружение армии, организаторские способности начальствующего состава. Каждый из этих факторов бесспорно определял ход и исход войны, но не в отдельности, не изолированно, а в своём взаимодействии с другими факторами. Армия может иметь первоклассное вооружение, но если начальствующий состав не способен организовать ведение войны, как этого требует современное военное искусство, обесценивается и такой фактор, как вооружение. Армия может иметь высокий моральный дух, но если она плохо вооружена, ей трудно добиться победы в современной войне.

Следовательно, только учёт всех сторон, из которых складывается ход войны, только рассмотрение войны как связного, единого целого позволяет правильно предвидеть её перспективы, правильно организовать силы и руководить государством и армией.

В соответствии с этим товарищ Сталин наметил задачи, которые стали боевой программой народа и армии, тыла и фронта. И реализация этой программы принесла блистательную победу нашему государству, нашей Советской Армии.

Из приведённых примеров можно видеть, какое практическое значение имеет выполнение требования марксистского диалектического метода брать явления в их связи и взаимодействии, подходить к действительности, как к единому, связному целому.

6. Диалектика и эклектика. Ленин и Сталин об основном, решающем звене

Каждая вещь, по выражению Ленина, находится в многоразличных отношениях с другими вещами. Однако не все они имеют одинаковое значение: есть отношения существенные, менее существенные и даже совсем не существенные. Мы уже указывали, что связи между явлениями могут быть необходимыми и случайными. Строгое разграничение необходимых и случайных связей, существенных и несущественных отношений является важным

требованием марксистского диалектического метода. Пренебрежение этим требованием неизбежно ведёт к подмене диалектики эклектикой.

Между тем диалектика враждебна не только софистике, игнорирующей связь всех сторон явлений, но и эклектике, которая механически соединяет все стороны, не умея выделить самые существенные и решающие связи и отношения.

Прекрасное определение сущности эклектики дал Ленин: «Логика формальная... берет формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим. Если при этом берутся два или более различных определения и соединяются вместе совершенно случайно... то мы получаем эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета и только» [1].

Таким образом, эклектика есть чисто произвольное и случайное соединение разных сторон предмета или процесса, соединение, в котором игнорируется различие между важными и неважными сторонами, не выделяются существенные связи и отношения предмета. Эклектик механически соединяет разные стороны и свойства предмета и рассуждает по принципу: «с одной стороны», «с другой стороны», «с третьей стороны» и т. д. Если материалист говорит, что первенствующую роль в обществе играют материальные условия жизни, а идеалист, напротив, говорит, что такую роль играют идеи, то эклектик произвольно соединяет и ту и другую точки зрения, заявляя, что как то, так и другое имеет значение.

Ясно, что эклектика вредна для познания. Эклектик с грехом пополам видит связь и взаимодействие различных сторон предмета, но не видит основы взаимодействия, неспособен выделить в каждом данном случае решающее, основное звено в цепи событий и задач.

Вот некоторые факты из истории нашей партии, которые показывают, что диалектика прямо противоположна эклектике и что эклектицизм всегда был наряду с

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 32, изд. 4, стр. 72.

софистикой характернейшей чертой всякого рода оппортунизма.

Вспомним дискуссию о профсоюзах, которая имела место в нашей партии в 1920—1921 гг.

Эта дискуссия началась с вопроса о том, какую роль должны играть профсоюзы в период перехода на мирное хозяйственное строительство, какими методами они должны работать. В борьбе с троцкистами, которые, выставляя тезис о том, что профсоюзы должны быть административно-техническим аппаратом управления производством, требовали «огосударствления профсоюзов», Ленин теоретически обосновал роль профессиональных союзов как школы коммунизма, школы государственного управления.

Ленин вёл борьбу не только с троцкистами, но и с так называемой «буферной группой» Бухарина, которая прикрывала и защищала троцкистов и которая заявила, что профсоюзы — и то и другое: и аппарат управления хозяйством и школа воспитания. При этом представители «буферной группы» пытались «логически» обосновать свои взгляды. Ленин подверг резкой критике это «логическое» обоснование, показав, что диалектика подменяется «мертвым и бессодержательным эклектицизмом». Ленинская критика и ленинский подход к вопросу представляют классический образец диалектического анализа, образец применения диалектического требования о выделении существенного, важного из сети многоразличных связей явлений.

Стремясь обвинить Ленина в «односторонности», противники его привели пример со стаканом: нельзя-де говорить о стакане, что он или инструмент для питья, или стеклянный цилиндр, — он и то и другое. Так же обстоит дело и с профсоюзами: они и аппарат государства и школа коммунизма.

Ленин ответил «популярным», по его собственному выражению, «объяснением того, что такое эклектицизм в отличие от диалектики».

«Стакан, — сказал он, — есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества или стороны,

и бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и «опосредствований» со всем остальным миром. Стакан есть тяжелый предмет, который может быть инструментом для бросания. Стакан может служить как пресс-папье, как помещение для пойманной бабочки, стакан может иметь ценность, как предмет с художественной резьбой или рисунком, совершенно независимо от того, годен ли он для питья, сделан ли он из стекла, является ли форма его цилиндрической или не совсем, и так далее и тому подобное» [1].

Показав, что стакан имеет много свойств и что его связи с другими предметами многоразличны, Ленин далее подчёркивает, что не все эти свойства и связи одинаково важны и существенны в тот или иной момент.

«Если мне нужен стакан сейчас, как инструмент для питья, то мне совершенно не важно знать, вполне ли цилиндрическая его форма и действительно ли он сделан из стекла, но зато важно, чтобы в дне не было трещины, чтобы нельзя было поранить себе губы, употребляя этот стакан, и т. п. Если же мне нужен стакан не для питья, а для такого употребления, для которого годен всякий стеклянный цилиндр, тогда для меня годится и стакан с трещиной в дне или даже вовсе без дна и т. д.» [2]

Дело в том, что «меняется назначение стакана, употребление его, *связь* его с окружающим миром» [3]. Поэтому «вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку» [4].

Под этим подлинно диалектическим углом зрения Ленин подходит и к вопросу о роли профсоюзов.

Ленин всё внимание обращает на то, чтобы при всём многообразии роли профсоюзов найти самое существенное с точки зрения объективных условий периода социалистического строительства, с точки зрения практических

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 32, изд. 4, стр. 71—72.
[2] Там же, стр. 72.
[3] Там же.
[4] Там же.

задач борьбы за социализм. Такой диалектический подход к вопросу привёл Ленина к известному выводу, что профсоюзы есть школа коммунизма.

«Не «с одной стороны, школа, с другой нечто иное», а *со всех сторон... профсоюзы суть школа,* школа объединения, школа солидарности, школа защиты своих интересов, школа хозяйничанья, школа управления» [1].

Враги марксизма своё предательство делу рабочего класса всегда пытались прикрыть подменой диалектики эклектикой, софистикой. Так действовали не только оппортунисты внутри нашей партии, но и весь международный оппортунизм. Ленин и Сталин неустанно разоблачали эту подмену диалектики эклектикой и в процессе борьбы с оппортунизмом оттачивали оружие марксовой диалектики.

Эклектика — типичное проявление боязни проникнуть в сущность действительности и познать её законы, т. е. внутренние, органические связи. Это — излюбленное средство буржуазной социологии, которая стремится заменить познание законов эмпирическим и эклектическим описанием явлений и фактов.

Противопоставление диалектики эклектике вскрывает одну из важнейших особенностей диалектики — именно её *конкретность.* Эклектика боится определённости, точности, ясности понятий и решений. Она расплывчата и туманна. Диалектика, напротив, от начала до конца конкретна. Ей нетерпим дух колебаний, двусмысленности. Выясняя существенное и важное в массе явлений, она помогает уверенно формулировать точные и ясные понятия, верно отражающие действительность.

«Диалектика конкретна и революционна..., — указывает Ленин. — Эклектика и софистика Каутских и Вандервельдов, в угоду буржуазии, смазывают все конкретное и точное в классовой борьбе...» [2]

Отличать диалектику от эклектики тем более важно, что только диалектическое требование о выделении существенных связей и отношений явлений даёт возможность в практической деятельности правильно видеть и наме-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 32, изд 4, стр. 74—75.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 28, изд. 4, стр. 300.

чать «решающее», «основное», «особое», по выражению Ленина и Сталина, звено в цепи задач. Эклектический подход к действительности не даёт такой возможности. Раз все стороны процесса одинаково важны, то как определить основное звено в цепи задач? Если профсоюзы «и то, и другое, и третье», то где критерий, который позволил бы указать основное звено в многообразных задачах профсоюзов? Только диалектика, не механически объединяющая все стороны явления, а рассматривающая их с точки зрения главного и существенного, позволяет точно и конкретно намечать основную задачу, обеспечивающую выполнение всех остальных задач.

«Недостаточно, — писал Ленин, — быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще. Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, причем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты, и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной цепи» [1].

Товарищ Сталин, указывая главные условия, обеспечивающие правильность тактического руководства, также подчёркивает важность нахождения «в каждый данный момент того особого звена в цепи процессов, ухватившись за которое можно будет удержать всю цепь и подготовить условия для достижения стратегического успеха» [2].

Товарищ Сталин показывает, что, например, в период образования нашей партии таким основным звеном было создание общерусской политической газеты, в первые годы нэпа таким главным звеном было развитие торговли и т. д.

Говоря о наших планах развития хозяйства и культуры, товарищ Сталин также подчёркивает необходимость определить главное звено. Так, о первом пятилетнем плане товарищ Сталин говорил: «Чтобы осуществить

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 27, изд. 4, стр. 244.
[2] *И. В. Сталин,* Соч., т. 6, стр. 163.

такой план, нужно, прежде всего, найти основное звено плана, ибо только найдя основное звено и ухватившись за него, — можно было вытянуть все остальные звенья плана.

В чём состояло основное звено пятилетнего плана?

Основное звено пятилетнего плана состояло в тяжёлой промышленности с её сердцевиной — машиностроением» [1].

В период постепенного перехода от социализма к коммунизму, когда победа социализма создала все необходимые объективные условия для успешного движения с низшей стадии на высшую стадию коммунизма, одним из таких решающих и основных звеньев является борьба за преодоление пережитков капитализма в сознании людей, коммунистическое воспитание трудящихся. XVIII съезд ВКП(б) указал, что эта задача в ряду других задач, связанных с коммунистическим строительством, является решающей.

В современной борьбе двух лагерей — лагеря мира, демократии и социализма и лагеря империализма — основным звеном является борьба за мир, против американо-английских поджигателей войны.

Диалектика, следовательно, требует в совокупности условий и задач видеть главное, основное, за что нужно всеми силами ухватиться, чтобы добиться практического успеха.

7. Исторический подход к явлениям. Конкретность истины

В свете диалектического положения о связи и взаимозависимости явлений особо важное значение приобретает вопрос об историческом подходе к явлениям, о диалектическом принципе историзма.

Товарищ Сталин в своей работе «О диалектическом и историческом материализме» показывает, что из положения диалектического метода о связи и взаимообуслов-

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 13, стр. 174—175.

лчности явлений вытекает необходимость исторического подхода к явлениям.

«Если нет в мире изолированных явлений, если все явления связаны между собой и обусловливают друг друга, то ясно, что каждый общественный строй и каждое общественное движение в истории надо расценивать не с точки зрения «вечной справедливости» или другой какой-либо предвзятой идеи, как это делают нередко историки, а с точки зрения тех условий, которые породили этот строй и это общественное движение и с которыми они связаны».

«Все зависит от условий, места и времени.

Понятно, что без такого *исторического* подхода к общественным явлениям невозможно существование и развитие науки об истории, ибо только такой подход избавляет историческую науку от превращения ее в хаос случайностей и в груду нелепейших ошибок» [1].

Почему без исторического подхода к общественным явлениям невозможна наука об истории, легко увидеть, если противопоставить диалектический метод метафизическому методу.

В противовес диалектическому методу метафизический метод антиисторичен.

Типично метафизическим было, например, представление об истории русских народников — сторонников субъективного метода в социологии. Известный теоретик народничества Михайловский так формулировал задачу историка:

«В основе исследования будет лежать субъективное начало желательности и нежелательности, субъективное начало потребности». «Признав нечто желательным или нежелательным, социолог должен найти условия осуществления этого желательного или устранения нежелательного».

Исходным пунктом такого примитивного подхода к истории человечества служит представление о том, что в истории общества нет никакой внутренней связи и что каждый её этап не обусловлен закономерно предыдущим,

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 539, 540.

не связан с определёнными историческими условиями. С точки зрения такого взгляда на историю нетрудно было вообразить, что если капитализм в России конца XIX века был кому-нибудь «нежелателен», а «желательно» было, наоборот, сохранение общинного начала, то всё зависело от этого субъективного желания.

Подобное воззрение на общество представляет историю человечества не как единый закономерный процесс, а как некое явление, в котором все элементы и части хаотично перемешаны, так что можно по-разному, в зависимости от желаний, складывать и сочетать их друг с другом.

Но такая, с позволения сказать, философия ничего общего не имеет с наукой. Она скорее напоминает рассуждения Агафьи Тихоновны из «Женитьбы» Гоголя, которая затруднялась сделать выбор среди женихов, претендовавших на её сердце и руку. В каждом женихе она видела и хорошие и плохие черты:

«Уж как трудно решиться, так просто рассказать нельзя, как трудно. Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да, пожалуй, приставить к этому ещё дородности Ивана Павловича, я бы тогда тотчас же решилась. А теперь поди, подумай! Просто голова даже стала болеть!»

Но Агафья Тихоновна понимала, что такое соединение невозможно. Субъективные же социологи твёрдо полагали, что возможно противоестественное и произвольное соединение кусочков общественных организмов, существовавших в разные исторические эпохи.

Ленин писал по поводу этой философии:

«И в самом деле, как это просто! Хорошее «брать» отовсюду — и дело в шляпе! От средневековых форм «взять» принадлежность средств производства работнику, а от новых (т. е. капиталистических) форм «взять» свободу, равенство, просвещение, культуру. И разговаривать не о чем! Субъективный метод в социологии тут весь как на ладони: социология начинает с утопии — принадлежность земли работнику — и указывает условия осуществления желательного: «взять» хорошее оттуда-то да еще

оттуда. Философ этот чисто метафизически смотрит на общественные отношения, как на простой механический агрегат тех или других институтов, простое механическое сцепление тех или других явлений. Он вырывает одно из таких явлений — принадлежность земли земледельцу в средневековых формах — и думает, что его можно точно так же пересадить во всякие другие формы, как кирпич переложить из одного здания в другое»[1].

Но дело в том, что такая пересадка невозможна. Её можно производить в голове философа, но не в самой действительности.

В самом деле, почему возможно было существование работников с самостоятельными средствами производства до капитализма? Ответ на этот вопрос нужно искать в исторически обусловленном в феодальную эпоху уровне производительных сил. Когда изменились производительные силы, столь же закономерно изменились и производственные отношения: средства производства перешли в руки класса капиталистов, большинство же крестьян, ремесленников и прочих производителей заполнило ряды рабочего класса. Более того, капитализм возник в тесной связи с теми процессами, которые происходили в феодальном обществе, ибо мелкое товарное производство — основа, на которой рождается капитализм. Таким образом, из отношений, при которых возможно было существование производителей со своими средствами производства, закономерно возникли новые отношения, отрицающие прежние. Ясно, что стремление субъективных социологов сохранить отжившие формы в новых исторических условиях было утопией. Следовательно, только исторический подход к общественной жизни, подход, учитывающий связь данного общественного явления с породившими его историческими условиями, позволяет установить закономерный характер каждой ступени общественного развития и делает возможным существование общественной науки.

Маркс задолго до наших дней предвидел неизбежность перехода от капитализма к социализму. Силу предвидеть на многие десятилетия вперёд дало Марксу

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, изд. 4, стр. 171—172.

понимание истории общества как единого закономерного процесса, в котором все части и стороны связаны между собой, исторический подход к условиям жизни общества. Маркс открыл, что существование капиталистического способа производства связано с определённым исторически обусловленным уровнем производительных сил. Колоссально развивая производительные силы общества, капитализм сам изменяет те исторические условия, при которых только и возможно его существование. Новый уровень производительных сил на известном историческом этапе неизбежно вызывает новый способ производства — социалистический.

Вот почему без исторического подхода нет и не может быть науки; наука об обществе превращается «в груду нелепейших ошибок».

Следует особо остановиться на вопросе о значении исторического подхода в политике, в практической деятельности партии пролетариата. Характернейшей чертой теории и практики оппортунистических и ревизионистских партий и течений всегда было пренебрежение к историческому анализу конкретной обстановки. Тот или иной лозунг, та или иная тактика борьбы рассматривались и оценивались оппортунистами вне связи с меняющимися историческими условиями. Больше того, оппортунисты сознательно прибегают к софистическим уловкам, смысл которых обычно состоит в перенесении лозунгов и тактики, соответствующих одним условиям, в другие исторические условия, в которых эти лозунги и тактика теряют всякий смысл, становятся вредными.

Так, оппортунисты из II Интернационала, когда разразилась первая мировая война, продолжали твердить истины, бывшие верными в прошлую историческую эпоху, в эпоху буржуазных национально-освободительных войн, начавшуюся в 1789 г. и продолжавшуюся до 1871 г. В империалистической войне они выставляли лозунг «защиты отечества», ссылаясь на тот факт, что и Маркс и Энгельс выдвигали такой лозунг в ряде войн, имевших национально-освободительный характер. Ленин и большевики разоблачили этот софизм, основанный на недопустимой подмене одной исторической обстановки другой. Нельзя рас-

сматривать этот лозунг вне связи с конкретными условиями, в которых он выдвигается. Когда народ отстаивает свою национальную независимость от чужеземных поработителей, тогда лозунг «защиты отечества» — передовой, прогрессивный лозунг, поднимающий массы на борьбу. Когда одна группа империалистических хищников борется против другой за право эксплуатировать колониальные народы, тогда лозунг «защиты отечества» становится изменой интересам трудящихся масс. То, что вчера, в одних исторических условиях,— истина, сегодня, в изменившейся ситуации, становится ложью. Понятие о предмете, отвлекающееся от этой живой исторической среды, становится пустой абстракцией. Поэтому диалектика говорит: «Нет отвлечённой истины, истина всегда конкретна».

Только тогда, когда понятие конкретно, т. е. наполнено определённым историческим содержанием, оно истинно. Если же оно не считается с историческими условиями, не отражает их, то такое понятие не может быть истинным.

Сила политики большевистской партии всегда основана на трезвом и глубоком учёте меняющейся исторической обстановки. Никакая другая страна, кроме России, никакая другая партия, кроме большевистской партии, не знали такого обилия и многообразия форм революционной борьбы, бурного течения событий, быстрой смены одной тактики другой, таких крутых исторических поворотов, какие имели место в русском революционном движении. И если партия и её вожди Ленин и Сталин вывели народы России на широкую дорогу строительства нового мира, то это объясняется умелым руководством, учитывающим на каждом новом этапе борьбы складывающуюся историческую ситуацию и определяющим тактику и лозунги в результате конкретного анализа обстановки.

Ленин учил партию:

«Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, — самое важное, чтобы подойти к

этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи...» [1]

«Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса, — говорил Ленин в другом месте, — является постановка его в *определенные* исторические рамки...» [2]

Ленин писал, что для того, чтобы определить лозунг непосредственно предстоящей борьбы, «надо учесть *конкретную* историческую ситуацию, проследить все развитие и весь последовательный ход революции, вывести наши задачи не из принципов программы только, а из *предыдущих* шагов и этапов движения. Только такой анализ будет действительно историческим анализом, обязательным для диалектического материалиста» [3].

Возьмём какой угодно отрезок истории нашей партии, и мы увидим, как партия, возглавляя борьбу масс, конкретно воплощала это требование марксистско-ленинской диалектики в своих лозунгах.

Когда наша страна ещё только стояла перед труднейшей проблемой индустриализации страны, когда она испытывала страшный голод в технике, партия и её вождь товарищ Сталин выдвинули лозунг: «Техника решает всё». Этот лозунг имел глубокое историческое содержание, он выражал тот исторический этап, когда наша страна из аграрной должна была превратиться в страну индустриальную.

Но, когда эта проблема была решена, старый лозунг перестал соответствовать новым назревшим историческим условиям и потребностям. Из лозунга, способствующего развитию индустрии, он мог, если бы к нему подходить не исторически, а метафизически, стать лозунгом, задерживающим её развитие. Новые условия выдвинули на первый план проблему кадров, способных использовать созданную технику. И в 1935 г. товарищ Сталин даёт новый лозунг: «кадры решают всё». В речи на выпуске академиков Красной Армии товарищ Сталин

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, изд. 4, стр. 436.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, изд. 4, стр. 373.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 11, изд. 4, стр. 96.

говорил: «...Упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой. Вот почему старый лозунг — «техника решает все», являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники, — должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что «кадры решают все»» [1].

Таков вообще диалектический характер общественной истории: каждый новый этап её приносит с собой своеобразные условия, без точного учёта которых невозможно правильно строить политику. К тому же надо учесть, что историческая ситуация нередко меняется с чрезвычайной быстротой, и только тот, кто способен поспевать за всеми изменениями исторической ситуации, может чувствовать себя на прочной основе фактов.

Игнорирование исторического подхода к явлениям неизбежно имеет своим следствием догматизм и талмудизм, неспособность творческого подхода к науке. Между тем догматизм и талмудизм — опаснейшие враги марксизма.

В работе «Марксизм и вопросы языкознания» товарищ Сталин ещё и ещё раз ставит этот вопрос, показывая, что без учёта требования марксистской диалектики исторически подходить к явлениям марксизм из творческой науки превращается в науку догматическую.

«Начётчики и талмудисты, — пишет И. В. Сталин, — рассматривают марксизм, отдельные выводы и формулы марксизма, как собрание догматов, которые «никогда» не изменяются, несмотря на изменение условий развития общества. Они думают, что если они заучат наизусть эти выводы и формулы и начнут их цитировать вкривь и вкось, то они будут в состоянии решать любые вопросы, в расчёте, что заученные выводы и формулы пригодятся им для всех времён и стран, для всех случаев в жизни. Но так могут думать лишь такие люди, которые видят букву марксизма, но не видят его существа, заучивают тексты выводов и формул марксизма, но не понимают их содержания» [2].

---

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 490.

[2] *И. В. Сталин,* Марксизм и вопросы языкознания, 1951, стр. 54.

Догматическому и талмудистскому представлению о марксизме товарищ Сталин противопоставляет творческое понимание марксизма. «Марксизм,—говорит товарищ Сталин, — является врагом всякого догматизма». Развитие и смена исторических условий обогащают марксизм новым опытом, новыми данными, в силу чего отдельные формулы, выводы марксизма не могут не заменяться новыми выводами и формулами. Например, товарищ Сталин показывает, что изменившиеся исторические условия в эпоху империализма и пролетарских революций потребовали замены положения Маркса и Энгельса о том, что социалистическая революция не может победить в одной, отдельно взятой, стране, что она может победить лишь в результате общего удара во всех или в большинстве цивилизованных стран, новой теорией о невозможности одновременной победы социализма во всех странах и возможности его победы первоначально в нескольких и даже в одной стране.

Честь открытия этой новой теории принадлежит В. И. Ленину. Ленин смело, как подлинный революционер науки, пошёл на замену устаревшей формулы Маркса и Энгельса новой формулой, ибо она, эта новая формула, была неизбежным выводом из применения марксизма к новой исторической обстановке.

Гениальное открытие Ленина имело и имеет огромнейшее практическое значение. Оно явилось теоретическим источником величайшего во всей истории человеческого общества события — уничтожения строя капиталистического рабства и построения социализма на одной шестой части земного шара. Ленинская теория вооружила рабочий класс и большевистскую партию уверенностью в возможности построения социализма в нашей стране.

«Что было бы с партией, с нашей революцией, с марксизмом, — говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — если бы Ленин спасовал перед буквой марксизма, если бы у него нехватило теоретического мужества откинуть один из старых выводов марксизма, заменив его новым выводом о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой, стране, соответствующим новой исторической обстановке? Партия блуждала

бы в потемках, пролетарская революция лишилась бы руководства, марксистская теория начала бы хиреть. Проиграл бы пролетариат, выиграли бы враги пролетариата» [1].

Этот пример ярко показывает, какое значение для творческого развития марксизма, для успешной практической борьбы за социализм имеет исторический подход к действительности.

Не менее яркий пример представляет развитие товарищем Сталиным марксистской теории государства. Энгельс, исходя из того предположения, что социализм может победить одновременно во всех цивилизованных странах, сделал вывод, что после победы социалистической революции государство должно отмереть. Следуя букве, а не духу учения Энгельса, игнорируя требование марксистской диалектики о конкретно-историческом анализе вопросов, талмудисты и начётчики считали, что после победы Октябрьской революции в СССР надо вести дело к отмиранию пролетарского государства. Но такое догматическое понимание марксизма могло бы иметь опаснейшие практические последствия. Без диктатуры пролетариата нельзя было строить и построить социализм, нельзя было организовать защиту дела социализма от капиталистических стран, окружавших страну победившей пролетарской революции. То, что верно в одних условиях,—когда пролетариат победил во всех странах, — становится опаснейшей ошибкой в других условиях, — когда пролетариат победил в одной, отдельно взятой, стране.

Творчески развивая марксизм, И. В. Сталин заменил устаревшую формулу новой марксистской формулой, согласно которой при наличии капиталистического окружения «страна победившей революции должна не ослаблять, а всемерно усиливать своё государство, органы государства, органы разведки, армию, если эта страна не хочет быть разгромленной капиталистическим окружением» [2].

Это положение товарища Сталина имело и имеет для судеб нашей революции, для построения социализма и коммунизма в нашей стране такое же важное значение,

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 341.

[2] *И. В. Сталин,* Марксизм и вопросы языкознания, 1951, стр. 50.

как и ленинско-сталинская теория о возможности построения социализма в одной стране. Ибо без укрепления Советского государства невозможно было бы построить социализм, отстоять его в жестокой войне с гитлеровскими захватчиками, невозможно было бы строить ныне коммунизм и обеспечить это строительство от покушений новейших, американо-английских, претендентов на мировое господство.

Показывая историческую обусловленность каждой из этих двух формул о государстве, товарищ Сталин указывает, что талмудисты и начётчики могут считать их взаимоисключающими и выдвинуть либо одну, либо другую как абсолютно правильную для всех времён и эпох. Но на деле «обе эти формулы правильны, но не абсолютно, а каждая для своего времени: формула советских марксистов — для периода победы социализма в одной или нескольких странах, а формула Энгельса — для того периода, когда последовательная победа социализма в отдельных странах приведёт к победе социализма в большинстве стран и когда создадутся, таким образом, необходимые условия для применения формулы Энгельса»[1].

Эта постановка вопроса И. В. Сталиным исчерпывающе показывает значение исторического подхода к явлениям.

* *
*

Подведём краткие итоги изложения вопроса о связи и взаимозависимости явлений в природе и обществе. Эти итоги могут быть сведены к следующим основным положениям:

1. Метафизическое отрицание связи явлений противоречит науке, установившей единство и связь явлений природы. Учение марксистского диалектического метода о связи и взаимозависимости явлений, обобщающее достижения науки и отражающее один из основных и наиболее общих законов природы и общества, есть коренное условие правильного познания и подхода к действительности.

---

[1] *И. В. Сталин,* Марксизм и вопросы языкознания, 1951, стр. 51.

2. Марксистская диалектика рассматривает природу не как хаотическое нагромождение явлений, а как связное, единое целое.

Требуя изучения явлений с точки зрения их внутренней, органической связи и взаимообусловленности, диалектический метод даёт возможность понимать их необходимость и закономерность и тем самым не только правильно оценивать настоящее, но и предвидеть будущее.

Марксистская диалектика даёт единственно правильное решение вопроса о случайности и необходимости, она учит тому, что наука — враг случайностей. Вместе с тем она показывает объективную взаимосвязь необходимости и случайности.

3. Важнейшими требованиями марксистского диалектического метода являются требования всесторонности анализа. Диалектика противоположна софистике, строящей свои выводы на выхватывании отдельных сторон явлений. Вместе с тем диалектика направлена и против эклектицизма в познании, который механически и произвольно соединяет различные стороны, не умея выделить решающие, существенные связи и отношения предметов.

4. Связь и взаимозависимость, существующие между предметами, обусловливают необходимость исторического подхода к действительности, анализа явлений с точки зрения их связи с историческими условиями, породившими их. Только тогда, когда наши понятия наполнены историческим содержанием, они могут быть конкретными, истинными понятиями. Истина конкретна, а не отвлечённа.

5. Положение марксистского диалектического метода о связи и взаимообусловленности явлений имеет огромное значение для практической деятельности партии пролетариата. Оно позволяет видеть историческое своеобразие каждого этапа борьбы, определять тактику и выдвигать лозунги, соответствующие конкретным условиям развития общества, намечать основное звено в сумме задач и проявлять всю необходимую гибкость в руководстве борьбой народных масс.

ГЛАВА III

ДВИЖЕНИЕ И РАЗВИТИЕ В ПРИРОДЕ И ОБЩЕСТВЕ

Вторая черта марксистского диалектического метода, говорящая о том, что природа и общество находятся в состоянии непрерывного движения и изменения, обновления и развития, тесно связана с первой чертой. Из противоположного решения вопроса о связи и взаимозависимости предметов и явлений в природе и обществе вытекает и противоположное решение вопроса о движении, изменении и развитии.

Метафизические теории, отрицающие связь и взаимодействие явлений, не могут отстаивать принцип развития и изменения природы и общества, так как движения, развития вне связи и взаимодействия предметов не может быть.

Напротив, диалектический взгляд на природу, как на единую систему тел и явлений, связанных между собой и обусловливающих друг друга, необходимо ведёт к выводу, что развитие и изменение являются всеобщим законом природы и общества. Мы говорим, например, что капиталистическое общество связано с предшествующим ему строем феодализма, и вне этой связи нельзя понять, каким образом и откуда возник капитализм. Но что означает эта связь двух ступеней истории человеческого общества? Она и означает развитие, изменение общества.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно указывали на внутреннюю связь между этими двумя законами диалектики.

В «Диалектике природы» Энгельс писал: «Вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом тело все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом... В том обстоятельстве, что эти тела находятся во взаимной связи, уже заключено то, что они воздействуют друг на друга, и это их взаимное воздействие друг на друга и есть именно движение. Уже здесь обнаруживается, что материя немыслима без движения» [1].

Ленин писал, что связь и взаимозависимость явлений дают единый закономерный мировой процесс движения.

Товарищ Сталин в своей работе «О диалектическом и историческом материализме», изложив диалектические положения о связи и взаимозависимости явлений, переходит к рассмотрению той черты марксистского диалектического метода, которая говорит о движении, развитии. Товарищ Сталин даёт сжатую, но яркую и глубокую характеристику противоположности метафизического метода и марксистского диалектического метода в этом вопросе.

«В противоположность метафизике,— говорит товарищ Сталин, — диалектика рассматривает природу не как состояние покоя и неподвижности, застоя и неизменяемости, а как состояние непрерывного движения и изменения, непрерывного обновления и развития, где всегда что-то возникает и развивается, что-то разрушается и отживает свой век.

Поэтому диалектический метод требует, чтобы явления рассматривались не только с точки зрения их взаимной связи и обусловленности, но и с точки зрения их движения, их изменения, их развития, с точки зрения их возникновения и отмирания» [2].

---

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, 1950, стр. 45.
[2] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 537.

1. Противоположность метафизического и диалектического понимания движения

При характеристике метафизического метода нужно иметь в виду, что метафизика не просто отрицает движение и развитие. Лишь наиболее грубые разновидности метафизики прямо отрицают всякое движение. Как замечает Ленин в своей статье «Карл Маркс», после тех великих открытий, которыми был ознаменован XIX век и которые навязывали принцип развития самым закоренелым метафизикам, отрицать движение и развитие стало особенно трудно. Поэтому как в прошлом, так и особенно в настоящее время метафизики сплошь и рядом прибегают к словесному признанию движения и развития, выхолащивая его конкретное содержание.

Движение признавалось и тогда, когда господствовал метафизический метод. В сочинениях философов XVII и XVIII веков движение принимается как нечто само собой разумеющееся.

Однако само понимание движения чрезвычайно обеднялось, не поднималось выше механических представлений о движении как перемещении тела в пространстве. Движение сводилось лишь к его механической форме, законы которой распространялись на все явления мира.

Такой взгляд на движение, разумеется, не был случайностью. Из всех наук в то время самое широкое развитие получила механика. Потребности практики: мореплавания, промышленности, производства оружия для ведения войн, строительства и т. д. — выдвинули на первый план задачу выяснения законов механического движения. Механика имела огромное значение для прогресса наук и практической жизни.

Кроме того, как указывал Энгельс, изучение природы движения «должно было исходить от низших, простейших форм его и должно было научиться понимать их прежде, чем могло дать что-нибудь для объяснения высших и более сложных форм его» [1].

---

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, 1950, стр. 44.

Такой простейшей формой движения и является механическое движение. Именно с него и началось изучение природы движения. Но из этого обстоятельства вытекала очень существенная ограниченность в понимании движения. Всякое движение сводилось к перемещению тела, к изменению его местоположения, ибо механика имеет дело лишь с этой формой движения.

Философы XVII и XVIII столетий, обобщая науку своего времени, следующим образом формулировали сущность движения.

Французский философ XVII века Декарт писал, что движение — это «перемещение одной части материи или одного тела из соседства тех тел, которые его непосредственно касались и рассматривались как бы покоящимися, в соседство других тел» [1].

Английский философ-материалист XVII века Гоббс утверждал, что «движение есть непрерывная перемена места, т. е. оставление одного места и достижение другого места» [2].

Французский философ-материалист XVIII века Гольбах определял движение таким образом:

«Движение — это усилие, с помощью которого какое-нибудь тело изменяет или стремится изменить свое местоположение, т. е. вступить последовательно в соответствие с различными частями пространства или же изменить свое расстояние по отношению к другим телам» [3].

Это типичные для XVII и XVIII столетий высказывания о движении. Как видим, движение понимается только как механическое движение, как перемещение тел в пространстве.

Но перемещение тел в пространстве — это движение готовых и неизменных тел. При перемене места телом в нём не возникает внутренних изменений: тело остаётся тем же. Таким образом, движение рассматривается как движение готовых, раз навсегда данных, не способных изменяться тел.

---

[1] *Р. Декарт,* Соч., т. I, 1914, стр. 49.
[2] *Т. Гоббс,* Избранные сочинения, 1926, стр. 77.
[3] *П. Гольбах,* Система природы, Соцэкгиз, 1940, стр. 13.

Солнечная система, например, с точки зрения этих представлений находится в движении, но сама она, раз возникнув, остаётся неизменной. Так, Ньютон полагал, что движение планет вокруг солнца происходит по собственным законам природы, но возможность появления такого гармонического движения объяснял вмешательством мудрого творца — бога. «Изящнейшее соединение Солнца, планет и комет, — писал он, — не могло произойти иначе, как по намерению и по власти могущественного и премудрого существа».

Солнечная система, как и природа в целом, не рассматривалась как результат развития, и всякое движение ограничивалось законом, согласно которому равное порождает равное. Считалось, что природа способна лишь воспроизводить себя, но изменяться, порождать новое она не может.

Вот как Энгельс характеризует эту метафизическую точку зрения:

«Согласно этому взгляду, природа, каким бы путем она сама ни возникла, раз она уже имеется налицо, оставалась всегда неизменной, пока она существует. Планеты и спутники их, однажды приведенные в движение таинственным «первым толчком», продолжали кружиться по предначертанным им эллипсам во веки веков или, во всяком случае, до скончания всех вещей. Звезды покоились навеки неподвижно на своих местах, удерживая друг друга в этом положении посредством «всеобщего тяготения». Земля оставалась от века или со дня своего сотворения (в зависимости от точки зрения) неизменно одинаковой. Теперешние «пять частей света» существовали всегда, имели всегда те же самые горы, долины и реки, тот же климат, ту же флору и фауну, если не говорить о том, что изменено или перемещено рукой человека. Виды растений и животных были установлены раз навсегда при своем возникновении, равное порождало всегда равное... В природе отрицали всякое изменение, всякое развитие»[1].

Не только природа, но и жизнь человеческого об-

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, 1950, стр. 6.

щества рассматривалась также статично, вне развития и изменения.

Общественная наука XVII—XVIII веков была столь же метафизической, как и наука о природе. Человеческое общество рассматривалось как часть природы, подчинённая её общим законам. Господствовало представление о существовании неизменной природы человека, и та или иная общественная форма расценивалась с точки зрения того, соответствует она «вечным» и «естественным» потребностям людей или не соответствует. Правда, при ближайшем рассмотрении оказывалось, что «вечная» и «непреходящая» природа человека у всех идеологов, рассуждавших о ней, наполнена конкретным классовым содержанием. И если идеологи буржуазии считали частную собственность неотъемлемой частью человеческой природы, то социалисты-утописты, напротив, отрицали частную собственность на том основании, что она противоречит человеческой природе. Однако и те и другие делали «природу человека» исходным пунктом своих рассуждений.

Мораль непосредственно выводилась из природы человека; она понималась натуралистично, как функция физического устройства человеческого организма. Понятия «зла» и «добра», «нравственного» и «антиморального» поступка считались вечными понятиями, всегда имеющими одно и то же содержание. Понятно, что социологи, исходившие из метафизических принципов вечности и неизменности человеческой природы, не могли понять законов исторического развития.

Распространение в XIX веке новых принципов в науке, рассматривающих природу в её развитии и изменении, нанесло метафизике серьёзный удар. Но метафизика с её неподвижными категориями и понятиями не исчезла, она лишь приспособилась к новым веяниям времени. Подделываясь под эти новые веяния, метафизики стали на словах признавать «развитие», а на деле проповедовать самые отсталые метафизические взгляды.

Это можно продемонстрировать на примере реакционного направления в биологии — вейсманизма-морганизма

Август Вейсман в книге «Лекции по эволюционной теории» с первых же строк на словах признаёт «развитие»: «Для нас теперь несомненно, — пишет он, — что современный живой мир развился, а не возник внезапно». Но вслед за этим признанием «развития» в книге Вейсмана излагается теория от начала до конца метафизическая, трактующая развитие как движение на какой-то неизменной, раз навсегда данной основе. Вейсман считает, что животное или растение состоят из двух видов клеток — телесных и зародышевых. Первые — смертны, вторые — бессмертны. Зародышевая плазма какого-нибудь вида, говорит Вейсман, никогда не создаётся вновь, она передаётся из поколения в поколение, не претерпевая никаких изменений.

Таким образом, с точки зрения этой теории, изменить существующее, творить новые органические формы невозможно, ибо наследственность постоянна и неизменна. Тем самым даже словесное признание развития сводится на нет, ибо наследственность по этой «теории», возникнув однажды каким-то чудесным путём, остаётся всегда неизменной. Иначе говоря, попрежнему протаскивается религиозная идея творения.

То же утверждает Морган. Он немало болтает о развитии и изменении. Но весь смысл его «развития» заключён в следующих строках:

«Теория наследственности Менделя постулирует, что ген является постоянным».

Буржуазный физик-идеалист Э. Шредингер в своей написанной в 1944 г. книге «Что такое жизнь с точки зрения физики?» также подчёркивает неизменность, постоянство, как наиболее характерную черту организмов растений и животных:

«Простой факт, что мы говорим о наследственных особенностях, указывает, что мы признаём это постоянство почти абсолютным».

Такова истинная цена «признания развития» современными метафизиками. Развитие нередко «признаётся», о нём говорят, но оно понимается как развитие *без изменения,* без исчезновения старого и возникновения нового.

Не только данные науки, принёсшие неоспоримую

победу принципу развития, заставляют метафизиков рядиться в одежды сторонников «развития». Эта маскировка вызывается реакционными целями борьбы против всепобеждающего революционного учения марксизма-ленинизма, против неукротимо прогрессирующего революционного движения угнетённых масс. В этой борьбе объединились прямые идеологи буржуазии, реакционные буржуазные учёные и предатели рабочего класса из числа различных лжесоциалистов.

Следует отметить, что реформизму и оппортунизму вообще принадлежит особая «честь» разработки и распространения метафизических взглядов на развитие.

Реформизм и оппортунизм в рабочем движении был прямой попыткой приспособить революционное учение пролетариата о развитии общества, о законах этого развития к интересам буржуазии, выхолостить из него его душу, превратить грозное оружие борьбы пролетариата против буржуазии в мирное средство «постепенного», «эволюционного» развития.

Товарищ Сталин вскрыл социальные корни этого факта. Указав на то, что между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лениным — с другой, лежит «целая полоса безраздельного господства оппортунизма II Интернационала», товарищ Сталин характеризует этот исторический период как время относительно мирного развития капитализма.

«Это был период сравнительно мирного развития капитализма, период, так сказать, довоенный, когда катастрофические противоречия империализма не успели еще вскрыться с полной очевидностью, когда экономические стачки рабочих и профсоюзы развивались более или менее «нормально», когда избирательная борьба и парламентские фракции давали «головокружительные» успехи, когда легальные формы борьбы превозносились до небес и легальностью думали «убить» капитализм, — словом, когда партии II Интернационала обрастали жиром и не хотели думать серьёзно о революции, о диктатуре пролетариата, о революционном воспитании масс»[1].

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 6, стр. 80.

Отсюда характерные черты политики реформистов и оппортунистов — филистерство, узколобие, политиканство, ренегатство, социал-шовинизм, социал-пацифизм. Эти черты были возведены в ранг целого мировоззрения, целой «философии развития» без изменения, «развития» на основе существующего капиталистического строя.

Перед марксистами встала задача разоблачить этих мнимых сторонников развития и показать коренное отличие диалектической концепции развития от всякого рода метафизических концепций. Решение этой задачи выпало на долю Ленина и Сталина.

Уже основоположникам марксизма пришлось вести борьбу против оппортунистов и реформистов, против мелкобуржуазных философов, выступавших со всякого рода плоскими идеями «развития». Но всё же главная их задача состояла в разрушении веками воздвигавшегося здания метафизического мировоззрения, отрицавшего развитие и изменение в природе и обществе. В эпоху Ленина и Сталина главная задача заключалась уже не в том, чтобы вести борьбу против метафизики, прямо отрицавшей развитие, — эта метафизика была уже в основном разрушена, уничтожена, — а в том, чтобы разоблачать новейшие маскирующиеся фразами о «развитии» разновидности метафизики.

В ряде работ Ленин отмечает эту особенность новейших метафизических теорий. В своём конспекте гегелевских лекций по истории философии Ленин замечает: «С «принципом развития» в XX веке (да и в конце XIX века) «согласны все». — Да, но это поверхностное, непродуманное, случайное, филистерское «согласие» есть *того рода* согласие, которым душат и опошляют истину» [1].

Ленин показывает отличие между научной теорией развития и антинаучной «теорией развития», которая «душит и опошляет истину»: научная теория понимает развитие как смену старого новым, как отмирание старого и нарастание нового; антинаучные же теории боятся под-

[1] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 239.

нять руку на старое, отмирающее, узаконивая его вечное существование.

В статье «Карл Маркс» Ленин также подчёркивает эту мысль:

«В наше время идея развития, эволюции, — пишет Ленин, — вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля. Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции» [1].

Об этом же Ленин говорит в своём знаменитом фрагменте «К вопросу о диалектике», в котором он даёт развёрнутое определение коренной противоположности двух концепций развития: метафизической и диалектической.

Товарищ Сталин в работе «Анархизм или социализм?» также противопоставляет «диалектически понятое развитие» метафизическим теориям развития. В борьбе против врагов марксизма — меньшевиков, троцкистов, бухаринцев и пр. — И. В. Сталин всесторонне разработал вопрос о том, как надо понимать развитие, движение с единственно научных позиций марксистской диалектики.

Обобщение Лениным и Сталиным новейших достижений естествознания в произведениях «Материализм и эмпириокритицизм», «Анархизм или социализм?», «О диалектическом и историческом материализме» и других даёт неоценимые руководящие идеи для правильного понимания развития в природе.

Эти идеи помогают советским учёным и передовым учёным в других странах преодолевать остатки метафизического взгляда на сложные вопросы современной науки и успешно вести борьбу против реакционных метафизических теорий. В физике — это борьба против метафизического понимания природы мельчайших частиц материи и законов их движения. В астрономии — это борьба против поповских теорий о начале и конце вселенной, о неизбежном прекращении движения во вселенной. В биологии — это борьба против вейсманизма-морганизма, против

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, изд. 4, стр. 38.

вирховианства с его метафизическим пониманием клетки и законов её развития и т. д.

Ещё острее идёт эта борьба в области общественных теорий. Здесь, как, впрочем, нередко и в области естествознания, реакционеры от науки в прямой форме отрицают развитие, отстаивают застой и движение вспять. Стремясь защитить гибнущий капиталистический строй от революционного натиска масс, идеологи современного империализма, а также прислужники империализма из лагеря правых социалистов проповедуют самые реакционные, антинародные теории, чтобы запугать массы и дезориентировать их в развернувшейся борьбе за мир, демократию и социализм. Учёные мракобесы по аналогии с пророчествами о неизбежной гибели вселенной распространяют насквозь лживую идею о том, что человечество якобы «исчерпало себя», что люди должны уступить место каким-то другим существам, что развитие общества зашло в непреодолимый тупик. Сочиняются теории о неизбежном движении вспять, о возврате к периоду «дикости» и т. д. и т. п.

Особенно благоприятную почву эти варварские «теории» находят в современной империалистической Америке. Некий «философ» из США Фримэн заявляет:

«Продвижение в физическом и умственном отношении, которое подняло человека от дочеловеческого к человеческому уровню и от примитивного варварства к цивилизации, не является таким, которое должно быть поддержано».

Подобная «философия» является господствующей в США — разница состоит лишь в том, что одни клоуны буржуазной науки выступают с открытым забралом, а другие прикрывают свою дикарскую наготу фиговым листком американской «демократии».

Марксистская диалектика своим учением о развитии развенчивает буржуазных шарлатанов от науки, даёт научное понимание развития, необходимое каждому исследователю природы и общественной жизни, вооружает коммунистические партии всех стран в их борьбе за революционное преобразование мира.

В чём же сущность диалектической теории развития?

2. Диалектика о движении и развитии. Отмирание старого и нарастание нового — закон развития

Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин учат, что развитие в природе и обществе не есть повторение старого, что движение происходит не в каких-то неизменных рамках, а совершается путём смены старого новым, путём уничтожения того, что отжило свой век, и утверждения нового, прогрессивного, революционного. Не движение готовых и неизменных тел, как думают метафизики, а *изменение* самих тел, исчезновение, разрушение старого, не соответствующего более изменившимся условиям, и возникновение нового, более прогрессивного, — вот что является главным в развитии природы и общества, вот как нужно понимать развитие в объективной действительности.

В «Диалектике природы», «Анти-Дюринге» и других произведениях Энгельс дал глубокую критику механистических теорий движения и разработал марксистскую диалектическую концепцию движения. Он показал, что механистическая теория ведёт к разрыву материи и движения, лишает материю собственной творческой силы, перенося эту силу на сверхъестественное существо, на бога. Понимая движение лишь как перемещение в пространстве, эта теория не видит других, более сложных форм движения, несводимых к механическому движению. Между тем движение «обнимает собою все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением» [1].

Движение, пишет Энгельс, — это «не одно только грубое механическое движение, не одно только перемещение; это — теплота и свет, электрическое и магнитное напряжение, химическое соединение и разложение, жизнь и, наконец, сознание» [2].

Не понимая, что все процессы, совершающиеся в природе, включая самые сложные, каковы органическая

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, 1950, стр. 44.
[2] Там же, стр. 16.

жизнь и её высший продукт — мышление, есть различные формы движения материи, механистическая концепция неизбежно приходит к необходимости выдумывать особые «невесомые материи», «силы», «жидкости», якобы лежащие в основе таких явлений, как электричество, теплота, жизнь и т. д.

Обобщая открытия естествознания, Энгельс показал, что наука в своём развитии изгоняла эти таинственные сущности, оставляя одну лишь движущуюся материю, существующую в различных формах. В связи с этим Энгельс особенно высоко оценил открытие закона превращения энергии, ибо этот закон неопровержимо доказал, что ничего, кроме движущейся материи, превращающейся из одних форм в другие, не существует.

Ещё М. В. Ломоносов сформулировал закон сохранения энергии и на основании этого закона отверг идею о теплороде и других таинственных материях. Он исходил из того, что свойства тел зависят от свойств и характера движения материальных частиц, из которых состоят тела.

В 40-х годах XIX столетия закон сохранения и превращения энергии был сформулирован в более полном виде (Майер и др.). Значение этого закона Энгельс видел именно в том, что он положил конец всякого рода «силам» и особым «материям». Благодаря этому закону, писал Энгельс, «различные физические силы — эти, так сказать, неизменные «виды» физики — превратились в различно дифференцированные и переходящие по определенным законам друг в друга формы движения материи» [1].

В другом месте «Диалектики природы» Энгельс так оценивает значение закона превращения энергии для понимания сущности движения:

«Теперь было доказано, что́ все бесчисленные действующие в природе причины, которые до сих пор вели какое-то таинственное, не поддававшееся объяснению существование в виде так называемых сил — механическая сила, теплота, излучение (свет и лучистая теплота), электричество, магнетизм, химическая сила соединения и раз-

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1950, стр. 10.

ложения, — являются особыми формами, способами существования одной и той же энергии, т. е. движения. Мы не только можем показать происходящие постоянно в природе превращения энергии из одной формы в другую, но даже можем осуществлять их в лаборатории и в промышленности» [1].

Характерной чертой каждой формы движения и движения в целом является изменение, переход одного в другое, уничтожение старого и возникновение нового; «...любая форма движения, — говорит Энгельс, — оказалась способной и вынужденной превращаться в любую другую форму движения» [2].

Только такая, диалектическая концепция движения, базирующаяся на философском обобщении данных науки, даёт руководящую нить для понимания того, как материя в процессе своего развития породила все сложные явления современной природы.

Творчески развивая идеи Маркса и Энгельса, Ленин и Сталин глубоко и всесторонне разработали проблему движения, обобщив новые данные естествознания о материи и движении.

Борясь против новейших разновидностей метафизики, на словах признающих развитие, Ленин всюду, где он говорит о развитии, настойчиво обращает внимание на момент перехода, превращения старого в новое. «Если все развивается, — пишет он, — значит все переходит из одного в другое, ибо развитие заведомо не есть простой, *всеобщий* и вечный *рост*, *увеличение* (respective уменьшение) etc.» — Раз так, то надо «*точнее* понять эволюцию, как возникновение и уничтожение всего, взаимопереходы» [3].

Здесь Ленин говорит о качественном изменении в развитии, но об этом речь будет итти далее. Сейчас важно обратить внимание на то, что Ленин понимает развитие как «переход одного в другое», как процесс обновления существующего путём замены старого новым. Об этом же

---

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1950, стр. 155.
[2] Там же, стр. 178.
[3] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 239.

Ленин говорит в фрагменте «К вопросу о диалектике», где он показывает, что только диалектическая концепция даёт ключ к верному пониманию развития как уничтожения старого и возникновения нового [1].

О том же говорит и товарищ Сталин в работе «Анархизм или социализм?»:

«...жизнь нельзя считать чем-то неизменным и застывшим, она никогда не останавливается на одном уровне, она находится в вечном движении, в вечном процессе разрушения и созидания. Поэтому в жизни всегда существует *новое* и *старое, растущее* и *умирающее...*» [2]

Там же товарищ Сталин даёт следующую характеристику сущности этого великого закона жизни — закона развития, изменения:

«Диалектика говорит, что в мире нет ничего вечного, в мире всё преходяще и изменчиво, изменяется природа, изменяется общество, меняются нравы и обычаи, меняются понятия о справедливости, меняется сама истина, — поэтому-то диалектика и смотрит на всё критически, поэтому-то она и отрицает раз навсегда установленную истину, следовательно, она отрицает и отвлечённые «догматические положения, которые остаётся только зазубрить, раз они открыты...»» [3]

В произведении «О диалектическом и историческом материализме» И. В. Сталин вскрывает главное в диалектической теории развития, показывая, что в природе «всегда что-то возникает и развивается, что-то разрушается и отживает свой век». Товарищ Сталин говорит, что «отмирание старого и нарастание нового является законом развития...» [4]

Всё развитие науки, весь ход человеческой истории подтверждает диалектическое понимание развития. В работе «Анархизм или социализм?» товарищ Сталин писал, что дух диалектики пронизывает всю современную науку. Достижения науки за последние десятилетия

---

[1] См. *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 327—328.
[2] *И. В. Сталин*, Соч., т. 1, стр. 298.
[3] Там же, стр. 304.
[4] *И. В. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 540.

прекрасно подтвердили справедливость этого положения.

Диалектический материализм учит, что неотъемлемым свойством материи является движение. Как нет материи без движения, так нет и движения без материи, материя и движение органически, неразрывно связаны друг с другом.

Ещё задолго до великих открытий, сделанных в XX веке и великолепно подтвердивших положения диалектического материализма о неразрывной связи материи и движения, творцы марксистской философии требовали рассматривать движение, изменение как внутреннее присущее материи качество. Современная физика подкрепляет это требование новейшими достижениями и фактами. Одним из таких фактов является открытие закона эквивалентности, соотносительности массы и энергии.

Раньше масса и энергия рассматривались в отрыве друг от друга. Масса представлялась как нечто неизменное и постоянное, считалась независимой от движения. Теперь физика связывает их воедино, показывая, что скорость движения оказывает самое непосредственное влияние на массу: увеличение скорости движения электрона имеет своим следствием рост его массы. Таким образом, было установлено, что всякая масса обладает соответственным количеством энергии, а всякая энергия обладает соответствующим количеством массы. Согласно закону эквивалентности массы и энергии последние связаны между собой соотношением, при котором энергия равна массе, помноженной на квадрат скорости света ($E = mc^2$).

Раньше закон сохранения вещества и закон сохранения энергии рассматривались как самостоятельные законы. Современная физика их объединяет в один закон сохранения массы и энергии, ибо рассматриваемые независимо друг от друга они приводят к ошибочным выводам.

Эти новые достижения науки являются естественнонаучным обоснованием того положения диалектического материализма, что движение есть внутреннее свойство материи, неотъемлемое от неё.

Современная физика, далее, блестяще подтверждает и то положение диалектического материализма, что нет и не может быть в природе ничего неизменного, неспособного к превращениям.

Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» дал гениальный анализ той революции, которую переживало естествознание с конца XIX века. Опираясь на диалектику, Ленин сумел предвосхитить пути развития физики на много десятилетий вперёд и сделать ряд указаний, которые дальнейшим ходом развития физики полностью подтвердились.

После открытия электрона и протона некоторые физики объявили их «последними» кирпичиками мироздания, неспособными уже ни к каким внутренним изменениям и превращениям. Ленин решительно выступил против того, чтобы считать новые элементарные частицы материи неизменными. Он указал, что и то, что сегодня известно о строении атома, не есть предел, и выразил уверенность, что в дальнейшем наука откроет ещё более сложное строение материи.

Вот это гениальное ленинское предвидение, сделанное в «Материализме и эмпириокритицизме»:

«Неизменно, с точки зрения Энгельса только одно: это — отражение человеческим сознанием... независимо от него существующего и развивающегося внешнего мира. Никакой другой «неизменности», никакой другой «сущности», никакой «абсолютной субстанции» в том смысле, в каком разрисовала эти понятия праздная профессорская философия, для Маркса и Энгельса не существует. «Сущность» вещей или «субстанция» *тоже* относительны; они выражают только углубление человеческого познания объектов, и если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня — дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих *вех* познания природы прогрессирующей наукой человека. Электрон так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна...» [1]

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, изд. 4, стр. 249.

Эти слова были написаны Лениным в 1908 г. И что же? Дальнейшее развитие физики показало, насколько прав был Ленин. Рухнула гипотеза о существовании эфира. Мир атома оказался, как и предполагал Ленин, неизмеримо более сложным, чем это думали в то время [1]. Вместо двух частиц—ядра и электрона—атом оказался состоящим из ряда частиц. Помимо протонов и электронов обнаружены такие частицы, как нейтрон, позитрон и другие.

И самое главное — современная физика показала, сколь неосновательны предположения о неизменности и непревращаемости элементарных частиц. Полностью оправдались слова Ленина: «Разрушимость атома, неисчерпаемость его, изменчивость всех форм материи и ее движения всегда были опорой диалектического материализма» [2]. Сейчас все элементарные частицы — электрон, протон, позитрон и другие рассматриваются как изменяющиеся, как способные к превращениям. Так, установлен факт превращения пары — электрона и позитрона — в свет, в два кванта гамма-лучей, и, наоборот, гамма-лучи в известных условиях могут превратиться в позитрон и электрон. Превращения претерпевает и мезотрон, который после кратковременного существования распадается на электрон и нейтрино.

Иначе говоря, нет неизменной материи. Материя во всех своих видах и формах подчиняется закону вечного изменения и превращения.

«Итак, — говорил по этому поводу академик С. И. Вавилов, — дойдя как будто до вершины победного развития, атомизм, как таковой, т. е. как учение о неделимых и неразрушимых элементарных частицах, в сущности говоря, оказался побежденным: он заменился теорией строения вещества из частиц... изменяющихся, превращаемых и исчезающих» [3].

---

[1] Нужно отметить, что ещё Энгельс, руководствуясь диалектическим методом и некоторыми данными науки, предсказал, что «атомы отнюдь не являются чем-то простым, не являются вообще мельчайшими известными нам частицами вещества» *(Ф. Энгельс,* Диалектика природы, 1950, стр. 216).

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, изд. 4, стр. 268.

[3] «Под знаменем марксизма» № 2, 1941 г., стр 108.

Современные метафизики, отстаивающие безнадёжное дело фидеизма, используют открытия физики для того, чтобы «уничтожить» столь ненавистную идеалистам материю. Факт превращения света в вещество, и наоборот, они трактуют как рождение материи из «ничего» и как уничтожение материи, превращение её в «чистую» энергию. Они не хотят признать, что мы имеем здесь дело с примером превращения одного вида движущейся материи в другой вид движущейся материи, т. е. с примером, полностью соответствующим взгляду диалектического материализма на движение и развитие.

Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» разоблачил смысл этого положения о «чистом» движении, «чистой» энергии без материи. Наука открыла новые, неведомые ранее формы движения материи — формы, связанные с движением мельчайших материальных частиц. Идеалисты поспешили именно эту необычность новых форм движения материи использовать для того, чтобы провозгласить, будто материя «исчезла».

«Электричество, — пишет Ленин, — объявляется сотрудником идеализма, ибо оно разрушило старую теорию о строении материи, разложило атом, открыло новые формы материального движения, настолько непохожие на старые, настолько еще неисследованные, неизученные, необычные, «чудесные», что можно протащить толкование природы, как *нематериального* (духовного, мысленного, психического) движения» [1].

Диалектическое понимание движения помогло Ленину опровергнуть софистические хитросплетения идеалистов, пользующихся любым поводом, чтобы протащить фидеизм. Ленин показал, что считать открытие новых форм движения доводом в пользу идеализма можно лишь тогда, когда движение материи понимается механистически. В ответ на обычный фокуснический аргумент махистов о том, что открытие новых форм движения якобы опрокидывает старые механистические представления, а вместе с ними отбрасывает и материю, Ленин заявлял:

«Мир есть движущаяся материя, ответим мы, и законы

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, изд. 4, стр. 270.

движения этой материи отражает механика по отношению к медленным движениям, электромагнетическая теория — по отношению к движениям быстрым...» [1]

Да, говорил Ленин, все эти новые формы материи и движения «много мудренее старой механики, но все это есть движение материи в пространстве и во времени» [2].

Диалектический закон развития и изменения подтверждается не только физикой, но и любой другой областью современной науки — биологией, геологией, физиологией и т. д.

Передовая мичуринская биология опрокинула метафизические представления о развитии растений и животных, исключающем изменение, возникновение нового. Свою теорию развития живой природы она строит на прочном фундаменте диалектической концепции, понимая развитие как возникновение нового, как изменение.

«Люди советской науки, — пишет академик Лысенко,— хорошо знают, что развитие предполагает появление нового из старого, одних форм из других. А все теории наследственности, построенные по типу «плоть от плоти», или «хромосома от хромосомы», или «ген от гена», приводят к выводу, что нового на свете ничего не появляется, что всё на свете дано изначала» [3].

Бесспорной заслугой советской науки является то, что она не боится поднять руку на отжившие, но господствующие ещё в тех или иных областях естествознания метафизические теории, тормозящие движение науки вперёд, и заменяет их современными теориями, базирующимися на прочном фундаменте диалектического материализма.

Ярким примером в этом отношении может служить борьба О. Б. Лепешинской против вирховианства и её открытия в области учения о клетке. Господствовавшая в течение целого века клеточная теория Вирхова считала, что клетка есть последний элемент всего живого и за её пределами нельзя предполагать никакой жизнедеятельности. Утверждая, что клетка может развиваться лишь из

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т 14, изд. 4, стр. 268.
[2] Там же.
[3] *Т. Д. Лысенко.* Агробиология, изд. 4, 1948, стр. 329.

предшествующей клетки путём деления, эта теория отнимала всякую возможность решить научно вопрос о происхождении жизни, ибо клетка со своей сложной структурой не могла возникнуть сразу из неорганической природы. Оставалось лишь предположить, что клетка, т. е. жизнь, существовала вечно или что её создал бог.

Теория Вирхова служила питательным источником для вейсманистско-морганистских взглядов на живую природу. Одна какая-то первоначальная клетка бесконечно разматывает свои возможности и повторяется в новых клетках. Есть рост, но нет развития, нет изменения, нет уничтожения старого и возникновения нового.

Лепешинская подошла к проблеме клетки с позиций диалектической теории развития; «...в основе наших работ, — заявляет она, — лежит изучение явлений в их движении и в их развитии...» [1]

Исследуя клетку как явление, имеющее свою историю развития, свои стадии возникновения и изменения, Лепешинская экспериментально доказала, что клетка происходит не только от клетки путём деления, но возникает из живого вещества, не имеющего ещё структуры клетки, из доклеточных форм живого вещества. Интересно отметить, что ещё Энгельс высказывал предположение о развитии клетки из бесструктурного белка, предположение, которое ныне полностью подтвердилось.

Открытие О. Б. Лепешинской имеет важное значение для дальнейшего исследования вопроса о происхождении жизни. Установление того факта, что клетка образуется из доклеточного живого вещества, опровергает метафизическую идею, будто первичной формой жизни является такое сложное, неизвестно каким путём возникшее образование, как клетка. Это ориентирует на диалектический подход к вопросу, на необходимость раскрытия всей сложности развития от неорганического к органическому, от простейших форм живого к сложным.

Новый подход к клетке целиком согласуется с мичуринской биологией.

---

[1] *О. Б. Лепешинская*, Происхождение клеток из живого вещества и роль живого вещества в организме, 1950, стр. 109.

«Работы Лепешинской, показавшие, что клетки могут образовываться и не из клеток, — пишет академик Лысенко, — помогают нам строить теорию превращения одних видов в другие» [1]. Так, например, при превращении пшеницы в рожь необходимо предполагать такой процесс, при котором в недрах тела организма данного вида из вещества, не имеющего клеточной структуры, возникают крупинки тела другого вида. «Эти крупинки вначале также могут не иметь клеточной структуры, из них уже потом формируются клетки и зачатки другого вида» [2].

Следовательно, и это выдающееся достижение советской науки проникнуто духом диалектики и опирается на понимание развития как изменения, как отмирания старого и нарастания нового.

Что же сказать о развитии человеческого общества, где по сравнению с природой изменения происходят особенно быстро и интенсивно? Вся история общества даёт нам пример диалектического развития, такого развития, в котором старое уступает место новому, сменяется новым.

Вспомним ту характеристику, которую даёт товарищ Сталин основному, определяющему элементу общественной жизни — производству.

«*Первая особенность* производства, — пишет товарищ Сталин, — состоит в том, что оно никогда не застревает на долгий период на одной точке и находится всегда в состоянии изменения и развития, причем изменения в способе производства неизбежно вызывают изменение всего общественного строя, общественных идей, политических взглядов, политических учреждений, — вызывают перестройку всего общественного и политического уклада» [3].

Вот почему жизнь общества, как и природу, нельзя понять, если не подходить к ней, как к процессу, как к совокупности развивающихся и изменяющихся явлений. В общественной жизни, как и в природе, нужно рассматривать все явления в их развитии и изменении, в их возникновении и отмирании.

[1] См. «Литературная газета» от 13 сентября 1951 г.
[2] Там же.
[3] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 551.

Этот закон движения, развития в обществе находит своё особенно яркое и наглядное выражение в наше время, когда отживший капитализм рушится и на смену ему идёт новый, единственно прогрессивный в современных исторических условиях строй — социализм, когда сотни миллионов людей борются под знаменем демократии и социализма за новую жизнь, без эксплуатации и угнетения, без разрушительных войн и кризисов.

Труды Ленина и Сталина дают замечательные образцы диалектического подхода к сложным общественным явлениям, подхода с точки зрения теории развития.

Приведём только один пример.

В период борьбы партии с троцкистами по вопросу о возможности построения социализма в нашей стране товарищ Сталин разоблачал врагов ленинизма, которые пытались доказать неизбежность раскола между рабочим классом и основной массой крестьянства — середняками. Сознательно фальсифицируя ленинизм, троцкисты метафизически подходили к середняку как к некоей застывшей и неизменной «вещи в себе». Для того чтобы замаскировать свою контрреволюционную позицию, они ссылались на Ленина, который в 1906 г. предсказывал возможность отхода части середняков от революции после победы *буржуазной* революции; из этого они делали вывод, что после победы *социалистической* революции неизбежен раскол между пролетариатом и средним крестьянством.

Товарищ Сталин, срывая маску с троцкистов, показал, что большевики всегда рассматривали среднее крестьянство в его развитии. Одно дело середняки в период буржуазной революции, другое дело середняки в период социалистической революции, и совсем иначе, наконец, стоит вопрос после победы социалистической революции. Если в период пролетарской революции середняк колебался, выжидал и партия проводила политику его нейтрализации, то после упрочения Советской власти он стал поворачивать в сторону Советов. Поэтому в *новый период*, в ноябре 1918 г., Ленин выдвинул лозунг о том, чтобы по отношению к среднему крестьянству стать на почву прочного союза.

Метафизический подход к среднему крестьянству, рассматривающий его вне развития, говорил товарищ Сталин, неизбежно ведёт к фальсификации ленинизма. «А вывод? Вывод такой, что надо быть диалектиком, а не фокусником» [1].

Быть диалектиком — это и значит стоять на точке зрения развития, изменения и соответствующим образом подходить к явлениям природы и общества. Быть диалектиком — это значит не просто признавать развитие, но развитие как «отмирание старого и нарастание нового...» *(Сталин)*. А в применении к обществу это означает, что, «если отмирание старого и нарастание нового является законом развития, то ясно, что нет больше «незыблемых» общественных порядков, «вечных принципов» частной собственности и эксплоатации, «вечных идей» подчинения крестьян помещикам, рабочих капиталистам.

Значит, капиталистический строй можно заменить социалистическим строем, так же, как капиталистический строй заменил в свое время феодальный строй» [2].

Учение марксистской диалектики о развитии должно быть полностью применено и к мышлению, к познанию. Мышление, познание есть отражение действительности, воспроизведение в сознании людей объективного внешнего мира. Понятно, что раз объективная действительность находится в состоянии беспрерывного развития и изменения, то и мышление человека лишь тогда будет верной копией действительности, когда оно само будет развиваться и отражать все изменения, происходящие в реальном мире.

Ленин указывал, что основная беда метафизиков в теории познания заключается в неумении «применить диалектики к Bildertheorie (т. е. теории отражения. — *М. Р.*), к процессу и развитию познания» [3]. Наоборот, силу марксистской философии Ленин видел в применении диалектической теории развития к познанию; «...если *все* развивается, — говорит Ленин, — то относится-ли сие к самым общим *понятиям* и *категориям* мыш-

---

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 8, стр. 347.
[2] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 540.
[3] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 330.

ления? Если нет, значит, мышление не связано с бытием. Если да, значит есть диалектика понятий и диалектика познания, имеющая объективное значение» [1].

Возьмём, например, такое понятие, как капитализм. Было бы глубокой ошибкой рассматривать это понятие как нечто раз навсегда данное, неизменное. В живой реальной жизни капитализм развивается, изменяется, имеет различные стадии и этапы. Конечно, на любой своей стадии капитализм не перестаёт быть капитализмом, однако существует очень важное различие между старым, промышленным, и новым, империалистическим, капитализмом. Без учёта этого различия невозможно было бы правильно ориентироваться в той новой обстановке, которая сложилась с конца XIX в., с момента возникновения империалистической стадии капитализма, и правильно строить политику коммунистической партии. Известно, что метафизический подход к капитализму, нежелание понять его новые особенности в период империализма, был характерен для оппортунистических партий II Интернационала, для их предательской политики. Только Ленин и Сталин раскрыли в своих трудах эти новые особенности и наполнили понятие «капитализм» тем содержанием, которое соответствует новому этапу в его развитии.

Важное значение применения диалектической теории развития к мышлению, к познанию заключается ещё в том, что само мышление, само познание нужно рассматривать как *процесс*. Познание имеет свои определённые ступени, стадии, оно переходит с одной ступени на другую, добиваясь всё более глубокого раскрытия сущности явлений. Ленин так формулирует процесс познания истины: «От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности» [2].

Посредством наших органов чувств или, как говорит Ленин, живого созерцания, мы добываем тот фактический материал, который на высшей ступени мы обобщаем с

[1] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 239.
[2] Там же, стр. 146.

помощью абстрактного мышления, и в результате формулируем понятия, законы, позволяющие раскрывать сущность вещей. Практика, будучи исходным пунктом и основой всего процесса познания, вместе с тем является заключительным этапом процесса познания, ибо она даёт единственно научный критерий истинности или ложности наших знаний.

Познание есть процесс и в том смысле, что объективная истина не может быть познана сразу. «В теории познания, как и во всех других областях науки, — учит Ленин, — следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание,* каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным»[1]. Всякая научная истина относительна, неполна, ибо ограничена данными историческими условиями познания. Каждый новый шаг в развитии науки и практики расширяет возможности познания, уточняет добытые ранее истины, вносит в наши знания новые крупицы абсолютной истины. Понятно, что, только рассматривая познание в развитии, можно творчески подходить к науке и не догматизировать тот или иной её результат.

Следовательно, и в вопросах теории познания стоять на правильных позициях — значит рассматривать познание в его движении и развитии, значит руководствоваться всеобщим диалектическим законом развития и изменения.

3. Движение и покой

Метафизики, выступая против диалектической теории развития, ссылаются обычно на то, что в природе и обществе существует покой, равновесие и что это якобы служит опровержением диалектической теории непрерывного изменения, вечного обновления мира. Для метафизиков покой, равновесие есть исходный пункт состояния материи. С точки зрения метафизики покой, равновесие

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, изд. 4, стр. 91.

абсолютны, в то время как движение относительно, временно, преходяще.

Каково же действительно соотношение между движением и покоем? Этот вопрос чрезвычайно важен не только для опровержения метафизической теории, но и для правильного, диалектического понимания движения, развития, изменения.

Из истории философии, древнегреческой в частности, известны философы, которые не признавали в развитии момента покоя, равновесия, устойчивости. Представители этой теории (например, Кратил) утверждали, что так как всё движется, изменяется, развивается, то вообще ничего определённого о явлениях и предметах сказать нельзя. Раз явление находится в беспрерывном развитии, то оно каждую минуту меняет свою сущность. Пока мы собираемся определить сущность явления, оно уже изменится, перестанет быть тем, чем было, станет другим. Такая точка зрения, конечно, нелепа, она вульгаризирует диалектику.

Стоит отметить, что в буржуазной философии имеет место возрождение такого взгляда на движение. Французский философ-идеалист Бергсон заявлял, что тело меняет свою форму «каждый момент». Более того, он утверждал, что «формы вообще не существует, так как форма представляет нечто неподвижное... Форма — это мгновенный вид какого-либо процесса».

Но из такого взгляда на природу логически вытекает невозможность существования вещей. Всякая вещь имеет форму. Содержание без формы невозможно, оно превратилось бы в нечто аморфное, расплывчатое. Если бы форма вещей менялась «каждый момент», существование было бы невозможно. Если бы стол и лежащая на нём бумага, на которую автор подобной точки зрения заносит свои мысли, и, очевидно, сам автор, как и всякий человек, имеющий определённую форму, действительно в каждое мгновение менялись, то вряд ли мы знали бы что-нибудь об этой оригинальной теории. Невозможно было бы сидеть за устойчивым столом, писать на прочной бумаге и оформлять свои мысли в какие-то определённые и ясные понятия и суждения. В действительности форма вещей

реально существует и притом не претерпевает в каждый момент существенных изменений, поэтому и вещи существуют как вещи, которыми можно пользоваться.

Этот релятивизм в понимании идеалистами и метафизиками природы вещей находит своё отражение и в теории познания. Он особенно типичен для всей гносеологии буржуазной философии эпохи империализма. В борьбе с махизмом Ленин глубоко раскрыл враждебную науке и научному познанию сущность этого релятивизма. На том основании, что познание находится в беспрерывном движении и истины, им добываемые, имеют характер относительных истин, идеалисты и метафизики делают вывод, что в научном познании нет и не может быть ничего устойчивого, твёрдого, абсолютного, что всё условно. Они утверждают, что познание не есть отражение объективного внешнего мира и что вообще внешнего мира не существует, так как ничего, кроме своих ощущений, человек знать не может. Таким образом, релятивизм используется как орудие отрицания материального мира, отрицания объективной истины.

Марксистская диалектика показывает, что факт относительности научных знаний нисколько не означает, будто в наших знаниях нет ничего устойчивого, незыблемого, абсолютного. Каждая научная истина, будучи относительной, неполной в силу исторической ограниченности наших знаний на данном этапе, вместе с тем содержит в себе крупицу абсолютной истины, ибо она отражает существующий вне нас объективный мир. Ленинское положение «относительность всякого знания и абсолютное содержание в каждом шаге познания вперед»[1] прекрасно вскрывает диалектический характер познания.

Марксистская диалектика в теории познания борется как против догматизма, который абсолютизирует каждую истину, каждую ступень в познании, так и против релятивизма, который исключает всякий момент абсолютного в познании.

Отрицание момента покоя, устойчивости, в объективной действительности также направлено на сохранение

[1] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 154.

идеалистических позиций. Стоит напомнить, что кратиловское понимание движения использовал ярый враг материализма, древнегреческий философ Платон, который рассуждал так: если в природе нет ничего прочного, устойчивого, то это — недействительный мир, мир теней, наряду с которым должен существовать и существует «истинный» мир, мир идей, характеризующийся прочностью, неизменностью, абсолютным постоянством.

На самом деле движение не исключает момента покоя. Всё дело только в том, чтобы правильно, диалектически понять природу покоя. Движение имеет разные формы. В те моменты, — а эти моменты могут охватывать и небольшие и огромные (в природе особенно) периоды времени, — когда происходящие в предмете процессы не затрагивают, не меняют его существенным образом, предмет находится в состоянии известного покоя, равновесия. Стол, на котором я пишу, несомненно, претерпевает в каждый момент изменения благодаря самым различным влияниям — я опираюсь на него, вожу рукой по нему, на него воздействует свет, температура воздуха и т. д. и т. д. Но от всех этих изменений он не перестаёт быть столом, не теряет своей формы. Это и есть состояние известного покоя. Все вещи и явления в мире в те или иные периоды находятся в состоянии такого покоя.

Всякий покой, однако, относителен, временен. Не говоря уже о том, что покой, например, стола относителен по той причине, что вместе со всем земным шаром он движется вокруг солнца, он относителен ещё и в более глубоком смысле этого слова: пройдёт какое-то время, и стол рассыплется, превратится в прах, перестанет быть столом. Следовательно, нет и не может быть абсолютного покоя. Лишь движение абсолютно. В известные моменты времени движение уничтожает, разрушает состояние покоя любого явления.

Абсолютизация покоя, отрицание движения как основы и постоянного фактора всего существующего или, наоборот, отрицание покоя и кратиловское понимание движения одинаково искажают действительные законы природы. От абсолютного покоя нет перехода к движению. От движе-

ния в понимании Кратила, Бергсона нет перехода к относительному покою предметов.

Буржуазная философская мысль легко попадает в эти одинаково запутывающие метафизические сети и не может найти из них выхода. Сторонники абсолютного покоя, для того чтобы объяснить начало движения материи, прибегают к таинственному первотолчку, к богу. Философы, отрицающие всякий покой, логически приходят к отрицанию существования объективного мира, к субъективному идеализму. А эклектики и позитивисты типа Спенсера, решая вопрос о движении и покое, находят успокоение в... невозможности его решить. Они покой превращают в абсолютную «неподвижность», а движение — в нечто абсолютно непрерывное. Воздвигнув перед собой непреодолимую стену, они стоят в изумлении перед её неприступностью. Так, например, Спенсер говорит, что «самое медленное движение отделено непроходимой пропастью от неподвижности».

Ясно, что только марксистская диалектика, правильно устанавливающая соотношение между покоем и движением, считающая движение абсолютным, а покой относительным, способна решить этот вопрос. С точки зрения диалектики нет никакой трудности в понимании перехода от покоя к движению и от движения к покою. Ибо нет абсолютного покоя, а относительный покой сам есть форма движения, но такого движения, которое, как мы уже сказали, существенно не изменяет предмета. Переход такого покоя в движение, или, вернее, одной формы движения в другую, очень прост.

Эти общие положения марксистской диалектики о соотношении между покоем и движением имеют огромное методологическое значение для развития науки, в то время как метафизическая теория покоя убивает науку, толкает человеческое познание к антинаучным теориям. На метафизическом представлении о покое и движении основаны широко распространённые в буржуазной философии и науке мистические, реакционные теории о начале и конце мира. Одной из таких теорий является теория так называемой «тепловой смерти» вселенной.

Эта «теория» основывается на том, что энергия имеет тенденцию, превращаясь в теплоту, равномерно рассеиваться в мировом пространстве. Естественные процессы характеризуются переходом энергии от теплого тела к холодному. Обратные процессы перехода тепла от холодного тела к горячему, как гласит второй закон термодинамики, сами собой не происходят.

Из этого делается вывод: энергия в конце концов равномерно распределится и излучится в мировое пространство. Это и будет «тепловой смертью» вселенной. Всё, что порождено материей, всё богатство форм её движения уничтожится, чтобы больше никогда не возникнуть.

Этот вывод сформулировал ещё в XIX веке физик Клаузиус. Он писал, что вселенная неизбежно достигнет такого положения, при котором «не происходило бы больше никаких дальнейших изменений и мир находился бы в состоянии мёртвого покоя».

Современные идеалисты, метафизики на разные лады перепевают этот «вывод» о неизбежной гибели вселенной. Вот, например, высказывания упоминавшегося уже Джинса и английского физика Эддингтона: «Вселенная не может существовать вечно: рано или поздно должно наступить время, когда её последний эрг энергии достигнет наивысшей ступени на лестнице падающей полезности, и в этот момент активная жизнь вселенной должна будет прекратиться» *(Джинс)*.

«Вся вселенная достигнет теплового равновесия в будущем, в срок, который не бесконечно удалён» *(Эддингтон)*.

Тезис о том, что вся вселенная некогда придёт в состояние «тепловой смерти», является результатом незаконного переноса второго закона термодинамики, действительного в применении к изолированным системам, на всю вселенную. Поповская выдумка о конце вселенной на основе рассеяния энергии даёт ещё один пример того, как ценные достижения науки, имеющие большое практическое значение, используются в интересах защиты религии и воспитания в массах страха перед «неведомыми силами», апатии перед «неизбежным концом».

Теория «тепловой смерти» вселенной означает, что мир должен был иметь начало. В самом деле, если рассеяние энергии — неизбежная конечная судьба мира, то вначале, очевидно, мир должен был быть средоточием энергии. Но откуда же и по каким законам мир вначале сконцентрировал в себе колоссальное количество энергии? Энгельс, который в «Диалектике природы» подверг резкой критике эту вздорную теорию, иронически говорит: «мировые часы сначала должны быть заведены...» [1]

Многие «учёные» в Америке, Англии и других капиталистических странах открыто говорят о начале и конце вселенной.

Вот образчик такого рода идеалистического мракобесия: «Таким образом, — пишет некий Линкольн Барнет,— вселенная идёт к своему концу в виде «тепловой смерти», или, выражаясь языком специалистов, состояния «максимальной энтропии». Когда вселенная через несколько миллиардов лет после нас достигнет этого состояния, *все совершающиеся в природе процессы прекратятся (!)*. Во всём пространстве установится одна и та же температура. Невозможно будет использовать какую бы то ни было энергию, так как вся она будет распределена совершенно ровно во всём мироздании. Не будет ни света, ни жары, ни тепла, — ничего, кроме *вечного, непреодолимого застоя*» (подчёркнуто мною. — *М. Р.*).

Как видим, подобные «теории», не имеющие никакого отношения к науке, зиждятся на предположении о возможности абсолютного покоя, «вечного, непреодолимого застоя».

Энгельс в «Диалектике природы», исходя из диалектического понимания соотношения движения и покоя, вскрывает антинаучность подобных теорий. Могут погибать и погибают, говорит Энгельс, отдельные солнца, звёзды, но не может погибнуть материя и её неотъемлемое свойство — движение.

«...Сколько бы миллионов солнц и земель, — говорил Энгельс, — ни возникало и ни погибало; как бы долго ни длилось время, пока в какой-нибудь солнечной системе

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1950, стр. 229.

и только на одной планете не создались условия для органической жизни; сколько бы бесчисленных органических существ ни должно было раньше возникнуть и погибнуть, прежде чем из их среды разовьются животные со способным к мышлению мозгом, находя на короткий срок пригодные для своей жизни условия, чтобы затем быть тоже истребленными без милосердия, — у нас есть уверенность, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов никогда не может быть утрачен и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время» [1].

Метафизические и религиозные теории современных ретроградов о том, что вселенная некогда возникла и с тех пор идёт к своему концу, опровергаются фактами. И в этом заслуга советской науки, борющейся против метафизических теорий застоя и неподвижности. Советский астрофизик В. А. Амбарцумиан открыл звёздные ассоциации, которые образовались всего лишь несколько миллионов лет тому назад и возраст которых во много раз меньше возраста земли. Процесс образования звёздных ассоциаций в Галактике, указывает Амбарцумиан, продолжается и сейчас.

«Мы приходим к неизбежному выводу, — пишет советский учёный, — что звёзды в открытых скоплениях (ассоциациях) формируются в процессе возникновения этого скопления (ассоциации)» [2].

Один уже этот факт опрокидывает религиозные теории буржуазных астрономов, ибо он доказывает, что и в настоящее время происходит образование звёзд, т. е. концентрация энергии, и что движение во вселенной не может никогда прекратиться, не может иметь начала и конца.

Временно и преходяще существование того или иного отдельного тела или системы тел. Но никогда не может

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, 1950, стр. 18—19.

[2] *В. А. Амбарцумиан,* Эволюция звёзд и астрофизика, 1947, стр 15.

наступить такое состояние, когда материя исчезнет или потеряет свою способность создавать многообразные явления природы, превращаться из одной формы в другую. До тех пор, пока существует материя и её основное свойство — движение, до тех пор не может наступить состояние мёртвого покоя. А так как материя и движение вечно существуют и вечно будут существовать, то нелепо представлять себе такое время, когда вселенная «умрёт».

Следовательно, только диалектическое учение о соотношении движения и покоя указывает науке правильное и необходимое для её развития направление. Метафизика неизбежно ведёт к реакционным выводам, к протаскиванию поповщины в науку.

4. Неодолимость того, что возникает и развивается

Таким образом, единственно научный взгляд на движение есть понимание движения как отмирания старого и возникновения нового, как изменения вообще. Отсюда, как показывает товарищ Сталин в своей работе «О диалектическом и историческом материализме», следует чрезвычайно важный вывод:

«Для диалектического метода важно прежде всего не то, что кажется в данный момент прочным, но начинает уже отмирать, а то, что возникает и развивается, если даже выглядит оно в данный момент непрочным, ибо для него неодолимо только то, что возникает и развивается» [1].

Марксистская диалектика устремлена в настоящее и будущее. Для неё неодолимо лишь то, что возникает и развивается, ибо только новому, прогрессивному принадлежит будущее. Поэтому марксистская диалектика сознательно ориентирует на это новое, требует видеть зерно его в настоящем.

Исторический многовековый опыт показывает, что в жесточайших битвах, из которых складывается история,

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр 537.

торжество в конечном счёте всегда будет на той стороне, силы которой растут, увеличиваются и которая выражает прогрессивные тенденции времени. Пусть новое при своём появлении будет ещё слабым, пусть оно на первых порах выглядит как непрочное по сравнению со старым, — победа так или иначе будет за ним. Старое, ещё прочно чувствующее себя, всегда кичится перед ростками нового, стремясь всеми силами их уничтожить. Когда Галилей посредством своего телескопа открыл четыре спутника Юпитера и тем самым подтвердил учение Коперника о вращении Земли вокруг Солнца, он пригласил профессоров флорентийской гимназии, придерживавшихся старых взглядов, посмотреть в трубу и убедиться в его правоте. Но профессора только высмеяли Галилея. И что же? Победило учение Коперника и Галилея. Победило в науке то, что возникало, что только начало делать первые шаги. В своё время консерваторы в науке не понимали многих открытий гениального Ломоносова, предвосхищавших развитие науки по целому ряду вопросов на полтора века, но тем не менее одержали победу идеи Ломоносова, а не идеи консерваторов.

Почему же возникающие и развивающиеся в то время идеи Коперника, Галилея, Ломоносова были неодолимыми идеями? Ответ ясен: потому, что они выражали прогрессивное развитие науки, проникающей с каждым новым десятилетием, с каждым новым веком всё глубже и глубже в тайны природы.

Когда Маркс выпустил в свет свой труд «Капитал» — великое произведение, провозгласившее неизбежность победы нового, социалистического строя, идеологи существующего, ещё очень прочного в то время, капиталистического строя пытались замолчать это произведение, полагая, что молчанием можно заглушить новые социальные идеи. Но эти идеи были не случайной мыслью, а отражали объективный ход истории: уже существовал тот класс, борьба которого была обобщена в этих новых идеях. И сколько препятствий ни воздвигалось на пути распространения и развития этих идей, как ни преследовались эти идеи, — они были неодолимы. Теперь идеи марксизма-ленинизма имеют широчайшее распростране-

ние, а в нашей Советской стране и в странах народной демократии они являются господствующими.

То же самое мы увидим и в развитии самих общественных отношений.

Маркс и Энгельс писали после революции 1848 г.:

«Трудно представить себе более решительное поражение, чем то, которое потерпела революционная партия или, вернее, потерпели революционные партии континента на всех пунктах боевой линии. Но что же из этого?.. Уже давно миновали времена того суеверного взгляда, который причиной революций считал злонамеренность кучки агитаторов. В настоящее время всякий знает, что каждый раз, когда наступают революционные потрясения, за ними всегда и повсюду стоит известная общественная потребность, удовлетворение которой тормозится отжившими учреждениями. Эта потребность может ощущаться не так еще сильно, может еще не настолько войти в общее сознание, чтобы обеспечить непосредственную победу; но всякая попытка ее насильственного подавления лишь заставляет ее выступать с возрастающей силой до тех пор, пока, наконец, она не разобьет своих оков. Поэтому, если мы разбиты, нам не остается ничего другого, как только начинать сначала»[1].

Эти слова могут служить прекрасной иллюстрацией к диалектическому положению о неодолимости всего того, что возникает и развивается. Неодолимость возникающего и развивающегося заключается в том, что за ними стоит определённая общественная потребность. Производительные силы, достигая определённого уровня, требуют соответствующей себе формы производственных отношений. И это требование не прекращается до тех пор, пока оно не будет удовлетворено. За новыми общественными потребностями стоят определённые общественные силы, классы, народы. Ведь в том и секрет огромной силы предвидения в марксизме, что он учит за каждым крупным поворотом в истории видеть определённые общественные потребности, которые должны быть в конечном счёте удовлетворены.

---

[1] *К. Маркс*, Избранные произведения, т. II, 1941, стр. 31, 32.

Глубокое определение причин, толкающих массы на революцию, на прогрессивную войну против старых, отживших форм общественной жизни и делающих их борьбу исторической необходимостью, мы находим у Ленина: «...десятки миллионов людей не идут на революцию по заказу, а идут тогда, когда настает безысходная нужда, когда народ попал в положение невозможное, когда общий напор, решимость десятков миллионов людей ломает все старые перегородки и, действительно, в состоянии творить новую жизнь» [1].

Таковы причины неодолимости того, что возникает и развивается. В самой природе развития, как изменения, как исчезновения старого и возникновения нового, заложена неодолимая сила нового, прогрессивного. Реакционная сущность метафизического мировоззрения заключается как раз в том, что оно освещает всё отжившее, борясь против всего того, что возникает и развивается.

Но было бы ошибкой представлять неодолимость и победу нового как гладкий и всегда прямолинейный процесс. Диалектика марксизма-ленинизма ничего общего не имеет со всякими плоскими теориями, которые упрощают картину объективного развития, не замечают всей её сложности, противоречивости и изображают её как прямую линию, без зигзагов и отступлений. Ленин и Сталин показали, что в основе теорий оппортунистов всегда лежало подобное представление о развитии общества: они «признавали» и «развитие» и «прогресс», но они полагали, что путь развития общества, классовой борьбы не должен знать никаких трудностей, никаких препятствий, никаких зигзагов. Они были готовы «бороться», но при условии, чтобы заранее существовала гарантия от всяких поражений и чтобы, как остроумно их высмеивал Ленин, поезд революции катился по рельсам легко и плавно, пока кондуктор не объявит этим «революционерам»: «станция социализм, вылезайте». Но так как таких революций никогда в природе не существовало и не может существовать, то все эти теории имеют прямой смысл: это теории против революции, против социализма. Философской же

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 24, изд. 4, стр. 465.

основой их является подмена диалектики метафизикой, метафизическими теориями развития.

В обществе, разделённом на враждебные классы, новое всегда рождается в борьбе против старых сил мира; и свою очередь старое выступает против нового и нередко добивается временной победы над тем, что возникает и развивается. Нельзя представлять себе дело так, что раз новое возникло, оно сразу имеет перед собой свободный путь и может свободно развиваться. Никогда в истории общества этого не бывало. Напротив, какой бы крупный отрезок истории мы ни взяли, мы всегда увидим, что новое возникало и развивалось в борьбе и в этой борьбе преодолевало трудности.

Объясняя трудности развития нашей революции, Ленин в 1918 г. писал: «Историческая деятельность не тротуар Невского проспекта, говорил великий русский революционер Чернышевский. Кто «допускает» революцию пролетариата лишь «под условием», чтобы она шла легко и гладко, чтобы было сразу соединенное действие пролетариев разных стран, чтобы была наперед дана гарантия от поражений, чтобы дорога революции была широка, свободна, пряма, чтобы не приходилось временами, идя к победе, нести самые тяжелые жертвы, «отсиживаться в осажденной крепости» или пробираться по самым узким, непроходимым, извилистым и опасным горным тропинкам, — тот не революционер, тот не освободил себя от педантства буржуазной интеллигенции, тот на деле окажется постоянно скатывающимся в лагерь контрреволюционной буржуазии, как наши правые эсеры, меньшевики и даже (хотя и реже) левые эсеры» [1].

Понятно, почему Ленин так резко квалифицировал непонимание сложности диалектического развития истории и почему он оценивал это непонимание политически. Меньшевики потому и были в политике гоголевскими маниловыми, а не революционерами, что дожидались того времени (которое на деле никогда не пришло бы), когда откроется лёгкий путь для революции в нашей стране. Но,

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 28, изд. 4, стр. 50.

указывая на сложность и зигзагообразность исторического развития, Ленин в то же время жестоко бичевал меньшевиков за их оппортунистическую боязнь признать необходимость и закономерность прямого, революционного пути к победе над силами старого мира, когда история создаёт для этого необходимые предпосылки. Разоблачая софистические ссылки реформистов-меньшевиков на зигзагообразность исторического развития, Ленин говорил, что, когда история ставит на решение борющихся сил вопрос о выборе прямого или зигзагообразного пути, марксисты должны уметь разъяснять массам «предпочтительность прямого пути, должны уметь помогать массам в борьбе за выбор прямого пути, давать лозунги такой борьбы и так далее» [1].

Непонимание сложности развития разоружает перед лицом действительности и заставляет при малейшем изломе истории, при первом зигзаге, который она делает в своём движении вперёд, впадать в панику, кричать о гибели революции, о том, что «не надо было браться за оружие», и т. п. Вспомним, как товарищ Сталин бичевал правых оппортунистов за капитуляцию перед трудностями. «Появилась у нас где-либо трудность, загвоздка, — говорил товарищ Сталин на XVI съезде партии, — они уже в тревоге: как бы чего не вышло. Зашуршал где-либо таракан, не успев еще вылезть как следует из норы, — а они уже шарахаются назад, приходят в ужас и начинают вопить о катастрофе, о гибели Советской власти» [2].

Нетрудно понять, что наша партия, наш народ не имели бы тех грандиозных успехов в своей исторической борьбе за социализм, если бы Ленин и Сталин не воспитывали их в духе понимания всей сложности развития, в духе борьбы за преодоление всех и всяческих трудностей движения вперёд.

Однако, подчёркивая сложность развития, не надо забывать главного — неодолимости всего того, что возникает и развивается. Как бы сложна ни была линия

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 13, изд. 4, стр. 8.
[2] *И. В. Сталин*, Соч., т. 13, стр. 14.

истории, сколько бы зигзагов и изломов она ни делала, она неустанно развивается вперёд и только вперёд.

Ленин требовал проводить красную нить через все зигзаги развития истории, чтобы видеть её начало, продолжение и будущее, чтобы не запутаться в сложной и пёстрой картине развития, особенно в трудные моменты борьбы, чтобы не снизу, так сказать, а сверху смотреть на историю, стоять на вышке, с которой линия развития, как она ни зигзагообразна, представляется как линия, идущая вперёд.

В 1927 г., в беседе со студентами университета имени Сун Ят-сена, товарищ Сталин, оценивая смысл контрреволюционного переворота Чан Кай-ши и перспективы китайской революции, говорил:

«Движение революции нельзя рассматривать, как движение по сплошной восходящей линии. Это книжное, не реальное представление о революции. Революция движется всегда зигзагами, наступая и громя старые порядки в одних районах, терпя частичные поражения и отступая в других районах. Переворот Чан Кай-ши есть один из тех зигзагов в ходе китайской революции, который понадобился для того, чтобы очистить революцию от скверны и двинуть её вперёд по пути мощного аграрного движения» [1].

Ещё немало трудностей и зигзагов пришлось преодолеть с тех пор китайской революции, но в конечном счёте народная революция одержала величайшую победу. Трудности и испытания, временные поражения и отступления только закалили коммунистическую партию Китая, и под её руководством китайский народ добился своего освобождения.

История складывается из многих битв, но неудачи отдельных битв не могут отменить конечного торжества возникающего и развивающегося. История делает зигзаги и изломы, но не для того, чтобы итти назад или застрять на месте. Всякий исторический зигзаг, излом относителен, имеет частный характер, а движение вперёд,

---

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 9, стр. 260.

развитие, неодолимость нового, прогрессивного имеет абсолютный, всеобщий характер.

Так бывает и в природе: не сразу весна побеждает зиму. В разгар тёплых весенних дней вдруг неожиданно снова забушует вьюга. Но бессильна она остановить победное шествие весны.

Зима ещё хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет,
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая,
И снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу,
И лишь румяней стала,
Наперекор врагу

(Тютчев).

Наперекор врагу развиваются и прогрессивные силы истории: временные поражения закаляют эти силы, сплачивают их для нового прыжка вперёд. Поэтому, сколько бы рогаток ни ставили уходящие с исторической арены классы всему возникающему и развивающемуся, победа в конечном счёте принадлежит новому, прогрессивному.

В последние годы история дала много великих уроков, прекрасно подтверждающих этот закон. В войне Советского Союза против фашистской Германии с огромной наглядностью проявились все силы нового, социалистического строя, их неодолимость в борьбе против тёмных, реакционных сил старого общества.

В силу неблагоприятных условий, сложившихся для СССР в начале войны, немецко-фашистской армии удалось временно занять значительную часть советской территории. Фашизм уже провозгласил свою «победу».

Но как раз в этот момент история ещё раз — и, может быть, на сей раз в наиболее ярком виде — подтвердила неодолимость и жизнеспособность всего историче-

ки передового и прогрессивного. В кратчайший срок сказались все преимущества советского общественного и государственного строя, советской экономики, советской идеологии, советских вооружённых сил и военной науки над экономикой, политикой, идеологией и военной машиной фашистской реакции.

В самые тяжёлые дни войны, когда немецкие войска стояли у ворот Москвы, Сталин вдохновлял советский народ и Советскую Армию непоколебимой верой в нашу победу. В речи на параде Красной Армии 7 ноября 1941 г. товарищ Сталин сказал:

«Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков?»

Более того, в этот тяжёлый момент И. В. Сталин, обращаясь к бойцам и командирам Советской Армии, заявил:

«На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощённые народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей» [1].

За этими словами, полными оптимизма и веры в грядущую победу, стояла вся неодолимая сила советского социалистического строя, Советского государства, и голос Сталина был голосом этой неодолимой силы.

И что же? Победило Советское государство, победило то, что должно было с точки зрения исторического развития победить. Советский народ выиграл войну, ибо советский народ — неодолимая сила нового, возникающего и развивающегося.

Но неодолимость новых, прогрессивных сил истории проявилась во второй мировой войне и после неё не только на примере Советского Союза. В результате второй мировой войны фронт империализма потерпел новый громадный ущерб. Из системы капитализма выпал целый ряд государств Европы, вставших на путь социалистического строительства. Народы этих стран — Румы-

[1] *И. В. Сталин,* О Великой Отечественной войне Советского Союза. Госполитиздат, 1951, стр. 39.

нии, Чехословакии, Польши, Болгарии, Венгрии, Албании — пошли за коммунистами с полным сознанием того, что только они выведут их на дорогу новой счастливой жизни. Советский народ — их освободитель — своим опытом указывает им путь, и в неодолимой силе Советского государства они видят залог своей победы.

Новую, свободную жизнь строит великий китайский народ под руководством Китайской коммунистической партии. На путь борьбы за освобождение от империалистического рабства встали и другие народы Азии.

Результаты и итоги войны показали также, что коммунизм непобедим во всём мире. Сколько усилий потратила мировая буржуазия на то, чтобы дискредитировать коммунистов и коммунистические партии в глазах трудящихся Европы, чтобы лишить их возможности влиять на ход событий! А каков результат? Как ни преследовали коммунистов до войны и во время войны, сколько рогаток ни ставили на их пути, они вышли из войны окрепшими. В тяжелейших испытаниях показали они, что нет более последовательных защитников народных интересов, интересов демократии, чем коммунисты.

Злобные идеологи империализма и их реформистские слуги могут сколько угодно приписывать факт роста влияния коммунистических партий во всём мире «случайному стечению обстоятельств», агитации «хитрых» коммунистов и т. п. Мы же хорошо знаем, что в этом факте выражается неодолимая сила коммунизма, являющегося в наш век жизненной потребностью общественного развития.

Десятки миллионов людей сейчас видят, что нет более последовательных сторонников и борцов за мир, более решительных борцов против новой мировой войны, разжигаемой американо-английскими империалистами, чем коммунисты. Народы на собственном опыте учатся распознавать своих истинных друзей и защитников.

Ленин в своё время говорил:

«Коммунизм «вырастает» решительно из всех сторон общественной жизни, ростки его есть решительно повсюду, «зараза» (если употребить излюбленное буржуазией и буржуазной полицией и самое «приятное» для нее

сравнение) проникла в организм очень прочно и пропитала собой весь организм целиком. Если с особым тщанием «заткнуть» один из выходов, — «зараза» найдет себе другой выход, иногда самый неожиданный. Жизнь возьмет свое... Коммунисты должны знать, что будущее во всяком случае принадлежит им...» [1]

«Рост влияния коммунистов,—сказал товарищ Сталин в своём известном интервью с корреспондентом «Правды» относительно речи Черчилля, — нельзя считать случайностью. Он представляет вполне закономерное явление. Влияние коммунистов выросло потому, что в тяжёлые годы господства фашизма в Европе коммунисты оказались надёжными, смелыми, самоотверженными борцами против фашистского режима, за свободу народов».

И в заключение товарищ Сталин сделал вывод:

«Таков закон исторического развития» [2].

Так на практике реализуется положение марксистской диалектики о неодолимости того, что возникает и развивается.

5. Марксистская диалектика и чувство нового

Диалектическое понимание развития как уничтожения старого и возникновения нового предъявляет очень важное требование к нашему познанию и нашей практической деятельности. Это требование может быть сформулировано таким образом: видеть новое, возникающее, чувствовать это новое, во всяком деле смотреть вперёд и не терять перспективы движения. Если всё развивается, если явления представляют собой не мёртвые, застывшие, а движущиеся и изменяющиеся сущности, то всякое познание может быть научным лишь при условии, если оно берёт явления в их развитии, если оно не закрепощает мысли грузом старого и понимает, что старое уступает место новому.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, изд. 4, стр. 81

[2] *И. В. Сталин,* Интервью с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля 13 марта 1946 г., Госполитиздат, 1946, стр. 12.

Понятно, какое колоссальное значение для практической деятельности революционной партии пролетариата имеет эта способность чувствовать новое, видеть, куда идёт жизнь.

Товарищ Сталин назвал чувство нового драгоценным качеством большевика. Это и понятно, ибо вся политика большевистской партии направлена на то, чтобы расчистить почву для победы нового, коммунистического строя. Отсюда и важнейшее положение, сформулированное товарищем Сталиным: «Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо смотреть вперед, а не назад».

Об этом же говорил Ленин: «...марксист *первый* провидит наступление революционной эпохи и начинает будить народ и звонить в колокол еще тогда, когда филистеры спят рабским сном верноподданных» [1].

И ещё: «Перед тем, кто хочет изобразить какое-либо живое явление в его развитии, неизбежно и необходимо становится дилемма: либо забежать вперед, либо отстать. Середины тут нет. И если все данные показывают, что характер общественной эволюции именно таков, что эта эволюция зашла уже очень далеко.., если при этом точно указаны обстоятельства и учреждения, задерживающие данную эволюцию... — тогда в подобном забегании вперед нет никакой ошибки» [2].

Великим вождям пролетариата и корифеям марксистско-ленинской науки Ленину и Сталину присуще глубочайшее понимание нового, возникающего в жизни, умение выделить это новое, только-только выбивающееся из-под почвы старого, умение не только выделить это новое, но и организовать рабочий класс на борьбу за то, чтобы сделать это новое преобладающей силой. Вспомним, как Ленин подхватил инициативу рабочих масс, создавших в 1905 г. Советы рабочих депутатов, и открыл Советскую власть как новую государственную форму диктатуры пролетариата.

В 1918 г. на расчищенной Октябрьской революцией почве впервые возникли ростки нового, коммунистического отношения к труду — коммунистические суббот-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 11, изд. 4, стр. 316.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 279.

ники. На фоне того старого, что имелось тогда в нашей молодой, ещё не окрепшей республике, на фоне старого отношения к труду, воспитанного многими годами работы на капиталистов, эти первые ростки коммунистического отношения к труду были ещё очень слабы и незначительны. И тем не менее Ленин увидел и понял великую силу этих ростков и ориентировал большевистскую партию на то, чтобы ухаживать за этими ростками нового.

Меньшевики, эсеры, все идеологи буржуазии издевались над слабостью ростков нового. Отвечая меньшевикам и эсерам, Ленин писал в одной из своих статей: «Господа буржуа и их прихвостни, включая меньшевиков и эсеров, которые привыкли считать себя представителями «общественного мнения», разумеется, издеваются над надеждами коммунистов, называют эти надежды «баобабом в горшке от резеды», смеются над ничтожным числом субботников по сравнению с массовыми случаями хищения, безделья, упадка производительности, порчи сырых материалов, порчи продуктов и т. п.» [1]

«Но мы не утописты и знаем истинную цену буржуазных «аргументов», знаем также, что следы старого в нравах известное время после переворота неизбежно будут преобладать над ростками нового. Когда новое только что родилось, старое всегда остается, в течение некоторого времени, сильнее его, это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни. Издевательство над слабостью ростков нового, дешевенький интеллигентский скептицизм и тому подобное, все это, в сущности, приемы классовой борьбы буржуазии против пролетариата, защита капитализма против социализма. Мы должны тщательно изучать ростки нового, внимательнейшим образом относиться к ним, всячески помогать их росту и «ухаживать» за этими слабыми ростками» [2].

Огромное значение имела оценка товарищем Сталиным первых ростков стахановского движения, возникшего в 1935 г. на почве отсутствия эксплуатации, коренного улучшения материального положения рабочих, роста новой, социалистической техники, новых кадров. В своей речи

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 29, изд. 4, стр. 391.
[2] Там же, стр. 392.

на первом Всесоюзном совещании стахановцев товарищ Сталин, говоря о стахановцах, сказал: «Таких людей у нас не было или почти не было года три тому назад. Это — люди новые, особенные» [1].

Товарищ Сталин предвидел великую будущность стахановского движения. Он говорил, что оно призвано произвести в нашей промышленности революцию, что «оно содержит в себе первые начатки, правда, еще слабые, но все же начатки» культурно-технического подъёма советского рабочего класса, необходимого для перехода к коммунизму.

«Сегодня стахановцев еще мало, но кто может сомневаться, что завтра их будет вдесятеро больше? Разве не ясно, что стахановцы являются новаторами в нашей промышленности, что стахановское движение представляет будущность нашей индустрии, что оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического подъема рабочего класса, что оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим» [2].

Хорошо известно, что стахановское движение вскоре стало массовым, что оно сыграло огромную роль в подъёме промышленности и сельского хозяйства, что оно неуклонно ширится, растёт и крепнет.

Чувство нового особенно важное значение имеет в процессе строительства социализма и коммунизма. Здесь отмирание старого, возникновение и рост нового происходят особенно интенсивно. Творческая инициатива масс — рабочих, инженеров, колхозников — выдвигает всё новые и новые формы борьбы за высокую производительность труда. Только за последние годы в нашей промышленности появилось множество новых форм, методов, способов ускорения производственного процесса, сокращения времени, необходимого для выработки той или иной продукции, экономии материала, улучшения каче-

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 493.
[2] Там же, стр. 496.

ства продукции, продления срока службы станков и машин, передачи стахановского опыта, повышения рентабельности предприятий и т. д. Видеть это новое и способствовать его быстрому развитию — от этого в огромной мере зависит успешное осуществление задачи постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Особенность советского общества заключается в том, что всё новое, способствующее движению вперёд, быстро подхватывается и получает широкое распространение. Хотя и в нашем обществе на пути развития нового ещё встречаются рогатки и препятствия, выдвигаемые всякого рода бюрократическими элементами, но коммунистическая партия, Советское государство, борясь против этих элементов, воспитывая в характере советского человека дух новаторства, очищают место для победы нового. И это новое с непреодолимой силой разливается по всей стране. Так, например, почин мастера Краснохолмского камвольного комбината А. Чутких, создавшего бригаду отличного качества, в течение какого-нибудь месяца стал достоянием всей страны. Метод инженера Ковалёва по передаче стахановского опыта также получил быстрое распространение. Были подхвачены и получили широкое распространение новаторские дела многих и многих стахановцев—Российского, Борткевича, Назаровой и других.

Возникновение новых форм труда, развитие технологии производства, быстро прогрессирующая техника на предприятиях и в колхозах вызывают необходимость изменений в организации труда, новых методов руководства хозяйством. Неумение видеть эти новые потребности, консерватизм в руководстве, отставание в перестройке работы являются серьёзным тормозом, задерживающим наше развитие.

Коммунистическая партия прививает своим кадрам драгоценное качество подлинно большевистского руководителя — способность видеть новое, смотреть не назад, а вперёд, уметь отрешиться от привычного, но уже отжившего, способность смело вводить новое, совершенствовать беспрерывно формы и методы организации труда, формы и методы руководства.

6. Возможность и действительность. Роль практической деятельности в становлении нового

Положение марксистской диалектики о неодолимости того, что возникает и развивается, не означает, что всякое прогрессивное явление побеждает автоматически, без сознательной деятельности людей. Более того, ростки нового могут не развиться и не получить распространения, если, как говорил Ленин, не ухаживать за ними, если не помогать их росту. Новое всегда представляет на первых порах лишь *возможность* развития. Но возможность сама по себе не может превратиться в *действительность*. Опыт истории доказывает, что развитие общества, ставя на очередь дня те или иные задачи, требует разрешения их путём активной деятельности людей.

Поэтому важное значение и для познания и для преобразующей общество практической деятельности приобретает вопрос о возможности и действительности. В этих диалектических понятиях, в их взаимоотношении и переходе друг в друга отражена объективная диалектика развития.

И в природе новое вначале существует как возможность. Зерно содержит в себе лишь возможность развития растения. Превращение этой возможности в действительность зависит от ряда обстоятельств. Если эти обстоятельства налицо, такое превращение произойдёт. Но в природе превращение возможности в действительность происходит стихийно (если иметь в виду ту часть природы, на которую сознательная деятельность человека не распространяется).

В обществе превращение нового из возможности в действительность осуществляется посредством практической деятельности людей.

Отсюда вытекает огромная роль субъективных сил истории — народов, классов, партий, вождей. Марксистское учение о развитии общества, о становлении и неодолимости нового, прогрессивного в общественной жизни ничего общего не имеет с разного рода воззрениями,

исключающими или игнорирующими сознательные действия людей.

Рассматривая диалектическое взаимоотношение возможности и действительности в процессе развития, необходимо прежде всего различать возможное и действительное. Всякое смешение их способно породить серьёзные теоретические и практические ошибки. Возможность того или иного явления есть лишь необходимая предпосылка для его развития, в то время как действительность есть уже осуществлённая, реализованная возможность. Смешивать их — значит выдавать то, что должно лишь стать действительностью, за уже существующую действительность, значит недооценивать практическую борьбу за новое, за его победу.

«Именно в «методологии»... — пишет Ленин, — надо различать возможное от действительного» [1]: *«...возможность,* — говорит товарищ Сталин, — не является еще *действительностью»* [2].

Но различать их нужно, разумеется, не для того, чтобы воздвигнуть между ними метафизическую стену.

В реальной жизни при известных условиях происходит переход, превращение одного в другое. Следовательно, различать возможность и действительность нужно для того, чтобы создать все необходимые условия для превращения возможности нового в действительность.

Вспомним, как товарищ Сталин ставил вопрос о построении социализма в нашей стране.

На XVI съезде партии товарищ Сталин указывал на колоссальные возможности, которые предоставляет советский строй для борьбы за победу социализма.

«Но вот вопрос, — говорил И. В. Сталин: — сумела ли партия правильно использовать возможности, предоставляемые нам советским строем; не продержала ли она эти возможности под спудом, помешав, таким образом, рабочему классу развернуть до конца всю свою революционную мощь; сумела ли она выжать из этих возможностей

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 35, изд. 4, стр. 194.
[2] *И. В. Сталин,* Соч., т. 12, стр. 339.

всё то, что можно было выжать, для того, чтобы развернуть по всему фронту социалистическое строительство?

Советский строй даёт колоссальные *возможности* для полной победы социализма. Но *возможность* не является еще *действительностью*. Чтобы превратить возможность в действительность, необходим целый ряд условий, в числе которых линия партии и правильное проведение этой линии играют далеко не последнюю роль»[1].

Товарищ Сталин разоблачил правых оппортунистов, которые, отождествляя возможность и действительность, пытались сбить партию на путь самотёка, стихийности.

Правые оппортунисты, говорил товарищ Сталин, утверждали, что нэп обеспечивает победу социализма и что поэтому «можно не беспокоиться насчёт темпа индустриализации, развития совхозов и колхозов и т. п., так как наступление победы всё равно обеспечено в порядке, так сказать, самотёка»[2]. В действительности, однако, нэп обеспечивает лишь возможность победы социализма.

«Но возможность не является еще *действительностью*. Чтобы возможность превратить в действительность, надо, прежде всего, отбросить оппортунистическую теорию самотёка, надо перестроить (реконструировать) народное хозяйство и повести решительное наступление на капиталистические элементы города и деревни»[3].

И товарищ Сталин из всего анализа делает следующий вывод: «Выходит, таким образом, что нужно строго различать между *возможностями*, имеющимися в нашем строе, и *использованием* этих возможностей, превращением этих возможностей в *действительность*»[4].

Но в том и состоит непреодолимая сила нашей партии, что, руководствуясь марксизмом-ленинизмом, она использует все возможности и преимущества советского строя и превращает их в действительность. Если победа социализма в нашей стране стала реальным фактом, то это объясняется тем, что партия не только констатиро-

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 12, стр. 338—339.
[2] Там же, стр. 339.
[3] Там же.
[4] Там же, стр 341.

шла возможность победы социализма, но и практически боролась за осуществление этой возможности. Советский строй обеспечивал возможность победы нашего государства над фашистской Германией и Японией. Но это была только возможность победы. Она не могла стать действительностью сама собой. Всё зависело от практической, организационной деятельности.

«В истории государств, в истории стран, в истории армий, — говорит товарищ Сталин, — бывали случаи, когда имелись все возможности для успеха, для победы, но они, эти возможности, оставались втуне, так как руководители не замечали этих возможностей, не умели воспользоваться ими, и армии терпели поражение» [1].

Величие, сила нашей партии в Отечественной войне выразились в том, что она обеспечила все условия, необходимые для того, чтобы победа из возможности стала действительностью.

Товарищ Сталин, развивая марксистское учение, указал, что после победы социализма в нашей стране мы имеем возможность построить коммунистическое общество даже при условии сохранения капиталистического окружения. Вдохновлённый этой перспективой, советский народ под руководством коммунистической партии борется ныне за осуществление постепенного перехода от социализма к коммунизму. В нашей стране имеются все необходимые объективные условия для решения этой задачи. Но для того, чтобы возможность построения коммунизма превратить в действительность, требуется огромная практическая работа. В связи с этим в колоссальной степени возрастает роль социалистической сознательности, значение преодоления пережитков капитализма в сознании людей. Без полного преодоления капиталистических пережитков невозможно построить коммунизм. Коммунизм основан на таком высоком уровне производительности труда и сознательности, когда люди в полной мере проявляют своё коммунистическое отношение к труду, к общественной собственности, когда труд превращается в первую жизненную потребность и, выражаясь словами

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 13, стр. 31.

В. И. Ленина, *«необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой.*

И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе...» [1]

Понятно поэтому, какое значение для превращения возможности построения коммунизма в нашей стране в действительность имеет борьба против некоммунистического отношения к труду, к социалистической собственности, против несоблюдения государственной дисциплины, против влияния буржуазной идеологии и т. д. Практическая деятельность по коммунистическому воспитанию масс приобретает первостепенное значение. Именно на усиление этой деятельности направлены известные постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам.

Исключительная важность положения марксистской диалектики о возможности и действительности в том и состоит, что оно вскрывает всё значение субъективных сил исторического развития, значение практической деятельности для победы нового. Это значение тем более велико, что в жизни всегда имеют место различные, иногда прямо противоположные возможности.

Роль практической деятельности, практической борьбы, роль субъективных сил истории в превращении объективных возможностей в действительность ярко видна на таком актуальном вопросе, как борьба за мир, против поджигателей новой мировой войны. Марксизм твёрдо установил, что войны являются неизбежным спутником капитализма. Но марксизм никогда не стоял на той позиции, что нельзя избегнуть той или иной войны, борясь против её возникновения, против тех, кто её разжигает. В современной обстановке заложена как возможность возникновения новой мировой войны, так и вполне реальная возможность предотвращения её. За каждой из этих возможностей стоят реальные силы современного общества. За первой возможностью стоят реакционные силы импе-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, изд. 4, стр. 446.

рнализма, возглавляемые и вдохновляемые США, стремящиеся с помощью войны избегнуть очередного экономического кризиса, подавить освободительное движение народов, установить мировое господство кучки американских магнатов капитала. За второй возможностью стоят прогрессивные силы современного общества, возглавляемые и вдохновляемые СССР, силы сотен миллионов народных масс, которые стремятся к мирной созидательной работе и для которых война является бедствием. И эти силы мира несравнимо более велики, чем силы войны. Их борьба за мир может и должна предотвратить новую войну, может и должна превратить вполне реальную возможность предотвращения новой мировой войны в действительность.

С исчерпывающей ясностью эту реальную возможность предотвращения новой мировой войны показал товарищ Сталин в своей беседе с корреспондентом «Правды». Есть, говорит И. В. Сталин, агрессивные силы в Соединённых Штатах Америки, в Англии, во Франции, которые готовят новую войну, рассматривающие войну «как доходную статью, дающую колоссальные прибыли». Но народы мира борются против стремления агрессивных сил разжечь пожар новой войны.

«Чем кончится эта борьба агрессивных и миролюбивых сил?» — спрашивает товарищ Сталин и даёт ответ, ясно показывающий, что всё зависит от способности сил мира отстоять свою позицию до конца.

«Мир будет сохранён и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца. Война может стать неизбежной, если поджигателям войны удастся опутать ложью народные массы, обмануть их и вовлечь их в новую мировую войну» [1].

Поэтому, делает вывод товарищ Сталин, борьба за мир, разоблачение преступных махинаций поджигателей войны имеет теперь первостепенное значение.

---

[1] *И. В. Сталин,* Беседа с корреспондентом «Правды», 1951, стр. 14.

7. Новые черты развития в условиях советского социалистического общества

Всеобщий диалектический закон развития в новых исторических условиях советского социалистического общества приобретает новые черты, которые не могли быть свойственны старому обществу. Одной из этих важнейших черт является *ускорение развития,* новые, невиданные доселе темпы экономического, политического, культурного развития общества.

Маркс и Энгельс теоретически предвидели это ускорение развития с переходом к новой, социалистической эпохе развития общества.

Советское общество и его краткая, но полная героизма история полностью подтвердили это предвидение основоположников марксизма.

В одной из своих статей, написанных незадолго до смерти, Ленин указывал, что империалисты всего мира поставили перед собой задачу: если не удастся свергнуть революционный строй в России, то хотя бы затруднить его развитие к социализму.

«Они не свергли нового строя, созданного революцией, — писал Ленин в 1923 г., — но они и не дали ему возможности сделать сейчас же такой шаг вперед, который бы оправдал предсказания социалистов, который бы дал им возможность с громадной быстротой развить производительные силы, развить все те возможности, которые сложились бы в социализм, доказать всякому и каждому наглядно, воочию, что социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития» [1].

Но Ленин был полон веры, что советский строй, получив после гражданской войны передышку, на деле докажет небывалые возможности всестороннего развития, докажет, что социализм есть «новая, несущая необыкновенно блестящие возможности стадия развития».

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 33, изд. 4, стр. 456.

В наши дни практически доказано, что социализм есть стадия *небывало быстрого, ускоренного развития.* В своих докладах и выступлениях товарищ Сталин неоднократно подчёркивает эту новую черту советского общества: «...наш строй, Советский строй, — говорит товарищ Сталин, — даёт нам такие возможности быстрого продвижения вперёд, о которых не может мечтать ни одна буржуазная страна» [1].

В своей речи перед избирателями в 1946 г. товарищ Сталин заявил, что сейчас речь идёт уже не о том, жизнеспособен или нет советский строй, а о том, что он оказался наиболее жизнеспособным общественным строем, что «советский общественный строй является лучшей формой организации общества, чем любой несоветский общественный строй» [2].

Именно в преимуществах советского общественного строя перед строем капиталистическим коренятся причины ускоренного развития нашего общества. Социалистические производственные отношения находятся в полном соответствии с общественным характером производительных сил. Это соответствие есть могущественная сила небывало быстрого развития промышленности и сельского хозяйства. Советский строй не знает анархии производства. Плановый характер нашей экономики позволяет двигать вперёд народное хозяйство такими темпами, которые совершенно немыслимы для капитализма.

Величайшее значение для ускоренного развития имеет тот факт, что в активное участие по строительству социализма и коммунизма в нашей стране вовлечены десятки миллионов людей. Широкое участие масс в хозяйственной и общественно-политической жизни есть такая особенность советского строя, в которой Ленин видел залог необыкновенно блестящих возможностей развития при социализме; «...у нас есть такой глубокий источник сил, — говорил Ленин, — такой широкий и глубокий резервуар

---

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 13, стр. 34.

[2] *И. В. Сталин,* Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г и 9 февраля 1946 г., Госполитиздат, 1951, стр. 14.

человеческого материала, которого нет и нигде не будет ни у одного буржуазного правительства» [1].

Эту сторону вопроса подчёркивает и товарищ Сталин, указывая, что никакая власть, кроме советской, не пользуется поддержкой миллионных масс трудящихся.

Но, чтобы двигаться вперёд, выражаясь словами И. В. Сталина, «семимильными шагами», требуется «наличие *партии,* достаточно сплочённой и единой для того, чтобы направить усилия всех лучших людей рабочего класса в *одну точку,* и достаточно опытной для того, чтобы не сдрейфить перед трудностями и систематически проводить в жизнь правильную, революционную, большевистскую политику» [2].

Такой партией является коммунистическая партия, партия Ленина — Сталина. В период индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, когда надо было быстро, в невиданно короткие исторические сроки преодолеть вековую экономическую отсталость старой России, партия, указывая на необходимость ускоренного развития, ставила с точки зрения буржуазного рассудка «фантастические» задачи.

«Мы, — говорил И. В. Сталин в 1931 г., — отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [3].

Но партия не только воспитывала массы в духе необходимости ускоренного развития. Она раскрывала и использовала до дна все преимущества советского строя, позволяющие впервые в истории человечества развивать экономику и культуру небывалыми темпами. Основываясь на марксистско-ленинской теории, она указывала наиболее верные и прямые пути, ведущие к победе. Её политика была могучей чудотворной силой ускоренного развития Советской страны.

Чтобы закон ускоренного развития при советском строе увидеть «в действии», достаточно сравнить темпы

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 30, изд. 4, стр. 208.
[2] *И. В. Сталин,* Соч., т. 13, стр. 34.
[3] Там же, стр. 39.

развития промышленности в СССР и в капиталистических странах. Товарищ Сталин на XVIII съезде ВКП(б) указал, что «по темпам роста наша социалистическая промышленность стоит на первом месте в мире»[1]. Даже значительно меньший процент прироста промышленной продукции, чем тот, который имеет Советское государство, является, как указывает товарищ Сталин, недостижимым идеалом для современных капиталистических стран.

Следующая таблица наглядно демонстрирует совершенно разные темпы развития экономики в капиталистических странах и в стране социализма (на примере движения промышленной продукции за 20 лет):

	1929 г.	1933 г.	1937 г.	1946 г.	1949 г.
СССР	100	201,6	428,9	466,4	862,0
США	100	64,9	102,7	154,5	159,5
Англия	100	86,1	123,7	111,2	142,0
Франция	100	77,4	81,7	69,0	90,3[2]

Ускоренное развитие характеризует и социалистическое сельское хозяйство.

Быстрый рост экономической мощи в СССР сопровождается огромным ростом национального дохода, повышением материального благосостояния советского народа. За годы сталинских пятилеток национальный доход в Советском государстве вырос более чем в пять раз. В 1950 г. он вырос на 64% по сравнению с довоенным 1940 г.

За каких-нибудь два десятилетия мирного созидательного труда Советская страна добилась огромного прогресса и в области культуры. Народы, не имевшие ранее своей письменности, своей культуры, стали ныне

[1] *И. В. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 577.
[2] См. «Правда», 14 июня 1951 г.

народами передовой культуры. Ликвидирована неграмотность. Создана новая, советская литература, новое, советское искусство. СССР является ныне мировым центром передовой прогрессивной культуры.

Но не только ускорение является новой чертой развития в условиях советского социалистического общества.

Новой важной чертой является также *непрерывность* этого развития, непрерывность в смысле неуклонного подъёма производительных сил, материального благосостояния народа, культуры страны.

При капитализме развитие, движение вперёд неизбежно сменяется движением вспять, вызываемым периодическими кризисами, депрессиями, войнами и т. п.

Капиталистическое производство развивается циклически. Это значит, что вслед за подъёмом разражается кризис, кризис сменяется депрессией, застоем, затем начинается новый подъём производства, который сменяется новым кризисом, и т. д. Развитие производства при капитализме, следовательно, не имеет и не может иметь непрерывного характера. Только за последние три десятилетия капиталистический мир переживал глубочайшие экономические кризисы — в 1920, 1929 и 1937 гг.

Характерной чертой экономических кризисов после первой мировой войны, как указал И. В. Сталин, является то, что периоды подъёма производства становятся всё короче, уступая место депрессиям, а кризисы учащаются, приобретают всё более продолжительный и затяжной характер.

Производство в советском обществе не знает такой цикличности. В советском обществе отсутствуют экономические кризисы. Производство здесь подчинено не интересам капиталистической наживы, а целям неуклонного повышения материального и культурного благосостояния народа. Поэтому оно никогда не может быть ограничено уровнем потребления, покупательной способностью масс, как это имеет место при буржуазном строе. Производство в СССР развивается по плану, социалистической системе хозяйства чужда стихийность, анархия. В силу этого производительные силы советского общества развиваются безостановочно, непрерывно.

Буржуазные идеологи пытались обмануть массы легендой о том, что социализм означает конец всякого развития, остановку в прогрессе общества. Накануне Октябрьской социалистической революции Ленин писал в «Государстве и революции»:

«Но важно выяснить себе, как бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле *только* с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни» [1].

Жизнь, опыт советского общества развеяли в прах лживую легенду буржуазных идеологов.

Процесс постепенного перехода от социализма к коммунизму в нашей стране создаёт новые, ещё более блестящие возможности для быстрого движения вперёд. Советское общество решает ныне такие грандиозные задачи, как преобразование природы, изменение климата, повышение плодородности почвы, орошение огромных пространств земли и т. д. По постановлению правительства в течение нескольких лет должны быть созданы грандиозные гидроэлектростанции на Волге и Днепре, на Дону и Аму-Дарье, Главный Туркменский канал, Южно-Украинский и Северо-Крымский каналы, Волго-Донской канал. Одни только вновь сооружаемые четыре гидроэлектростанции дадут энергии в одиннадцать с лишним раз больше, чем то количество энергии, которое вырабатывали все электростанции царской России в 1913 г.

В речи перед избирателями в 1946 г. И. В. Сталин указал, что партия ставит перед собой задачу организовать новый могучий подъём, который позволил бы поднять уровень нашей промышленности *втрое*. На это, говорил товарищ Сталин, уйдёт, примерно, три новых пятилетки.

Такие масштабы строительства и скорость осуществления грандиозных задач по плечу лишь социалистиче-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 25, изд. 4, стр. 443.

скому обществу. В этом и проявляются новые черты развития, вызванные к жизни уничтожением капитализма и победой социалистического строя.

* *
*

Сделаем теперь основные выводы, вытекающие из всего сказанного о второй черте марксистского диалектического метода.

1. Метафизика отрицает изменение и развитие в природе и обществе, признавая в лучшем случае лишь движение готовых, неизменных тел, причём все формы движения сводятся к его простейшей форме — механическому передвижению тел в пространстве. Метафизика — теория тех классов и партий, которые боятся прогрессивного развития общества и хотят увековечить строй капиталистического угнетения.

2. Марксистская диалектика в противовес метафизическому методу понимает движение и развитие как изменение вообще, как отмирание старого и нарастание нового. Диалектика рассматривает природу не как совокупность застывших предметов, а как совокупность процессов, в которых явления и предметы находятся в состоянии беспрерывного движения, изменения. Всё развитие современной науки, весь опыт истории общества подтверждает такое понимание развития как единственно научное и соответствующее объективной действительности.

3. Из противоположного подхода метафизики и диалектики к вопросу о движении вытекает и прямо противоположное решение вопроса о соотношении движения и покоя. Для метафизики покой есть исходное состояние всего существующего, и поэтому покой рассматривается как нечто абсолютное, а движение как нечто относительное, временное.

Марксистская диалектика, напротив, рассматривает движение, изменение как абсолютный момент, а покой, равновесие как относительный. Покой с точки зрения диалектики есть лишь частный случай движения.

4. Если развитие есть изменение, процесс разрушения-созидания, уничтожения старого и возникновения нового, то всё то, что возникает и развивается, неодолимо. Неодолимость нового — величайший закон развития. Но диалектика требует понимать неодолимость нового, прогрессивного не как лёгкий, плавный, а как чрезвычайно сложный, часто зигзагообразный процесс, в котором новое, прогрессивное пробивает себе дорогу вперёд сквозь все трудности и изломы исторического развития.

5. Отсюда огромное значение приобретает чувство нового, способность видеть новое, когда оно ещё непрочно и не заняло ещё подобающего места в действительности. Чувство нового — драгоценное чувство каждого сознательного борца за социализм.

6. Новое, прогрессивное утверждается не самотёком, не стихийно, а в борьбе. Возможность победы этого нового превращается в действительность при условии сознательной борьбы народа, коммунистической партии за это превращение.

7. Победа социализма принесла с собой новые черты развития, не имевшие раньше места в старом, капиталистическом обществе. Этими чертами является небывалое ускорение развития и непрерывность развития. Эти новые черты находят своё полное объяснение в плановом характере советской экономики, в уничтожении эксплуатации человека человеком, в руководстве коммунистической партии всеми процессами строительства коммунизма.

ГЛАВА IV

РАЗВИТИЕ КАК ПЕРЕХОД КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КОРЕННЫЕ КАЧЕСТВЕННЫЕ

1. К истории вопроса

С первых шагов философской и естественно-научной мысли перед человеческим познанием возник один из труднейших вопросов: в силу каких законов материя породила богатейшее, поражающее своей сложностью и красочностью, многообразие окружающего нас мира?

И сейчас такие вопросы, как возникновение жизни из «мёртвой» материи, как процесс образования качественно многообразных видов растений и животных и т. д., являются животрепещущими вопросами, над решением которых трудятся передовые учёные.

Уже в античной философии одной из центральных проблем был вопрос о том, каково первоначало мира и как из этого первоначала возникли все качественно различные явления природы.

Греческие натурфилософы, как известно, считали первоначалом, лежащим в основе мира, материю, причём конкретную форму материи — воду, огонь, воздух и т. п. Вся трудность вопроса, однако, сводилась к тому, чтобы объяснить переход от первоначала к качественному многообразию мира. Древнегреческие натурфилософы не могли научно решить этот вопрос, ибо их представления о материи были весьма ограничены, но уже у них наметились те два направления, которые впоследствии, вплоть до нашего времени, сталкиваются между собой как две противоположные концепции развития. Первая концепция представлена такими философами, как Эмпедокл, Анаксагор, Демокрит. Другая концепция наиболее ярко выражена у Гераклита.

Гераклит учил, что вещи возникают и уничтожаются, превращаясь одна в другую. Иначе говоря, возникновение качественного многообразия мира он считал результатом не простого количественного изменения, роста, а уничтожения старого и возникновения нового.

Напротив, Эмпедокл, Анаксагор, Демокрит сводили различия, существующие между явлениями, к чисто количественному соединению и разъединению каких-то вечных и неизменных атомов, «элементов» или «стихий».

Ленин в «Философских тетрадях» отмечает эти две разные концепции, указывая, что «превращение одни понимают в смысле наличности мелких качественно-определенных частиц и роста (respective уменьшения) [соединения и разъединения] их. Другое понимание (Гераклит) — превращение *одного* в *другое*» [1].

В одном из древних свидетельств о точке зрения ряда античных философов на интересующий нас вопрос мы читаем: «Эмпедокл, Анаксагор, Демокрит, Эпикур и все те, кто полагает, что мир образуется вследствие соединения мельчайших материальных частиц, принимают (многочисленные) соединения и разъединения (их), возникновения же и гибели их в собственном смысле не допускают. Ибо эти *(кажущиеся возникновение и гибель вещей)* происходят не вследствие качественного изменения, но количественного соединения» [2].

Эмпедокл признавал четыре элемента — огонь, воздух, землю и воду и полагал, что различные количественные сочетания их и образуют видимый нами мир.

Особенно ярко выразил эту односторонне количественную точку зрения на развитие Анаксагор. Он учил, что природа состоит из бесконечного количества качественно различных семян, гомеомерий. Этих гомеомерий столько, сколько вообще способны воспринимать глаз, ухо и другие органы чувств. Таким образом, всё качественное многообразие природы уже существует заранее в виде незаметных семян. Развитие есть лишь количественное соединение и разъединение их.

---

[1] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 251.
[2] «Досократики», ч. II, 1915, стр. 151—152.

Гениальная гипотеза Демокрита об атомном строении материи также исходила из того, что развитие природы представляет собой количественное соединение бескачественных атомов, различающихся лишь по форме, положению и т. п.

Для метафизического мировоззрения, господствовавшего в XVII и XVIII веках, вопрос о единстве и многообразии мира был одним из самых трудных вопросов. В философии и естественных науках XVII и XVIII веков человеческая мысль, решая этот трудный вопрос, бьётся между двумя крайностями. С одной стороны, признавалось качественное разнообразие природы, но оно не рассматривалось как нечто исторически возникшее. Неорганическая и органическая природа, вся материя дробилась на многие неизменные и не превращающиеся друг в друга «качества», «силы», о которых чаще всего нельзя было сказать ничего определённого. Химические элементы рассматривались как неизменные качества, между которыми нет никакого перехода.

Виды животных и растений также считались существующими испокон веков рядом друг с другом. Так, Линней в своей классификации мира растений и животных отграничивал одни виды от других, считая каждый качественно своеобразный вид творением бога. Кювье, столкнувшись с тем фактом, что земля состоит из различных геологических пластов и что в этих пластах находятся остатки различных животных, т. е. с фактом, свидетельствующим о развитии, об изменении как земли, так и органического мира, пошёл по неправильному пути, создав теорию катастрофических переворотов на земле. По этой теории, качественное многообразие земных пластов и органического мира является следствием периодически повторяющихся переворотов на земной поверхности. После каждой такой революции каким-то чудесным образом сразу возникает новый мир животных и растений.

Таким образом, объяснить качественное многообразие природы наука того времени была не в состоянии. Философский идеализм использовал эту исторически обусловленную в то время слабость естественных наук, объясняя качественную разнородность мира промыслом божиим.

С другой стороны, стремление представить мир как единое целое приводило философов-материалистов к отрицанию качественного различия между явлениями. Полагалось, что между самыми различными предметами и явлениями существует лишь количественное различие. Наиболее последовательным представителем такого «количественного» материализма, сводящего всё многообразие мира к величине, количеству, был английский философ XVII века Гоббс, развивавший абстрактно-геометрический взгляд на мир. По Гоббсу, всё качественное многообразие мира есть не свойства самих тел, а их, как он говорил, акциденции, т. е. формы, в которых они представляются человеку. Они, эти акциденции, говорил Гоббс, не находятся в телах, «как отец семейства в своём доме». Понятно, что такое отрицание объективности качественной определённости предметов не могло не вести к идеализму.

Позже Локк — английский философ XVII века — сделал все выводы, вытекавшие из механистической концепции. Он разделял качества на первичные, к которым он относил протяжённость, фигуру, движение, плотность тел, и вторичные — вкус, цвет, запах. Первые он считал объективно существующими, вторые — субъективным порождением органов чувств человека. Следует напомнить, что ещё и в наше время в СССР так называемые механисты пытались реставрировать эту идеалистическую теорию Локка, отрицая само понятие качества, качественного изменения.

Современная реакционная буржуазная «философия» в своей борьбе против марксизма, против науки реставрирует идеалистические теории о «первичных» и «вторичных» качествах для того, чтобы сделать вывод о нереальности качественного многообразия природы, вывод о том, что весь реальный мир есть лишь наше представление.

При этом не только «вторичные» качества, т. е. запах, цвет, вкус и т. д., но и первичные качества — протяжённость, фигура предметов и т. п. — объявляются несуществующими. Упоминавшийся уже Линколн Барнет в статье «Вселенная и труды д-ра Эйнштейна» с умилением вспоминает всех философов древности и нового времени,

отрицавших объективность качественного различия предметов. Фальсифицируя и извращая действительную сущность последних открытий физики, он лезет из кожи вон, чтобы «показать», будто развитие науки и философии неизбежно приводит к заключению о том, что весь мир есть продукт... человеческого сознания.

«Так, мало-помалу, — пишет он, — философы и учёные пришли к поразительному выводу, что вся объективная вселенная, состоящая из материи и энергии, атомов и звёзд, существует лишь как конструкция нашего сознания, как система условных знаков, созданная чувствами человека. Эйнштейн довёл ход мысли до конца, показав, что даже пространство и время представляют собой лишь формы интуиции, которые так же невозможно оторвать от сознания, как и наши представления о цвете, форме и размере предмета».

Вот какую функцию выполняет отрицание объективности качества, качественной определённости предметов. И это философское черносотенство, сводящее весь мир к ощущениям субъекта, выдаётся за итог развития «науки».

Если одни сторонники механистической теории развития сводили качество к различным количественным комбинациям неизменных, бескачественных частиц материи, то другие клали в основу всего сущего живое вещество. Всё есть, с этой точки зрения, органическое вещество, весь мир состоит из живой органической материи. И развитие — это количественный рост, увеличение и уменьшение органических форм, существующих в готовом виде, но в микроскопически малых размерах.

Представителем этой теории был французский философ XVIII века Робинэ.

Робинэ выдвинул так называемую теорию органичности или всеорганичности. Суть этой теории может быть передана следующими словами, взятыми из его сочинения «О природе»:

«Если хотят сохранить закон непрерывности... если хотят, чтобы природа переходила незаметно от одного творения к другому, не делая скачков и прыжков и не нару-

шая цепи существ, то не следует признавать неорганизованных, неодушевлённых, неразумных существ...» [1]

Как видим, Робинэ все явления наделяет свойством органичности и посредством чисто количественного процесса превращает одно в другое — камень в дуб, дуб в животное, животное в человека и т. д. «Камень, дуб, лошадь — не люди, — говорит Робинэ, — но на них можно смотреть, как на более или менее грубые типы человека... В камне и в растении можно найти те же самые существенные для жизни принципы, что и в человеческом организме; вся разница заключается в комбинациях этих признаков, в числе, пропорции, порядке и форме органов» [2].

Всё, по мнению этого философа, берёт своё начало из органических зачатков.

Однако остаётся ответить ещё на самый трудный вопрос: откуда же берутся органические зачатки?

Послушаем, какой ответ даёт Робинэ:

«Зачатки не образовались и не образуются. Они — непосредственное создание творца» [3].

Какой же ещё другой ответ можно дать, находясь на почве теории чисто количественного развития?

Таким образом, ограниченный метафизический материализм невольно сдавал свои позиции идеализму.

Сложным и противоречивым путём, очень медленно, но верно шла наука к истине, подготовляя возникновение единственно научного взгляда на происхождение качественного многообразия мира. Особенно большое значение в решении этого вопроса имели успехи химии в XVIII и в первой половине XIX века. Открытый Ломоносовым закон сохранения вещества и движения логически вёл к выводу, что всё качественное многообразие форм материи обусловлено её движением. Один за другим открывались химические элементы. Открытие закона постоянства состава химических соединений и закона кратных отношений, применение количественного анализа, как и другие научные достижения того времени, подсказали мысль,

---

[1] *Ж. Робинэ*, О природе, 1935, стр. 389.
[2] Там же, стр. 508.
[3] Там же, стр. 441.

что качественные различия возникают в результате определённых количественных изменений. Громадную роль сыграла в этом отношении химическая атомистика, творцом которой был Ломоносов и которая в середине XIX века была развита дальше многими химиками, в том числе создателем теории химического строения Бутлеровым.

Но наибольшее значение для раскрытия диалектического характера развития имела созданная великим русским химиком Менделеевым периодическая система элементов, в основе которой лежит закон перехода количественных изменений в качественные. Менделеев так объяснял качественное разнообразие природы:

«...Всё разнообразие веществ природы определяется лишь сочетанием... немногих элементов и различием или их самих, или их относительного количества, или при одинаковости качества и количества элементов — различием их взаимного положения, соотношения или распределения...» [1]

Успехи химии дали возможность Энгельсу сказать, что «химию можно назвать наукой о качественных изменениях тел, происходящих под влиянием изменения количественного состава» [2].

К таким выводам вела, однако, не только химия, но и другие науки. История земли, история органического мира, клеточное строение организмов, закон превращения энергии из одних форм в другие — всё говорило о том, что истину нужно искать в теории, объясняющей возникновение качественно новых форм влиянием количественных изменений.

Но само естествознание не смогло сформулировать этот закон. Это сделала философия. Однако, сформулировав закон перехода количественных изменений в качественные в абстрактной мистифицированной форме, идеалистическая философия извратила его суть. Гегель в своей «Науке логики» определил развитие как «переход количества в качество». «Количество» и «качество» у Гегеля

---

[1] *Д. И. Менделеев,* Избранные сочинения, т. II, 1934, стр. 409.
[2] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, 1950, стр. 41.

выступают как чистые понятия, и переход одного в другое рассматривается как превращение одной формы абсолютной идеи в другую. Сквозь эти мистические превращения абсолютной идеи лишь слабо просвечивала действительная истина, объективная закономерность вещей и явлений. Только Маркс и Энгельс, создатели диалектического материализма, впервые стали трактовать переход количественных изменений в качественные как всеобщий закон природы и общества.

В статье «Карл Маркс» Ленин, характеризуя учение о развитии в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, писал, что марксистская диалектика понимает развитие как «развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; — «перерывы постепенности»; превращение количества в качество...» [1]

Полную и глубокую характеристику закона перехода количественных изменений в качественные дал товарищ Сталин в своей работе «О диалектическом и историческом материализме»:

«В противоположность метафизике диалектика рассматривает процесс развития, не как простой процесс роста, где количественные изменения не ведут к качественным изменениям, — а как такое развитие, которое переходит от незначительных и скрытых количественных изменений к изменениям открытым, к изменениям коренным, к изменениям качественным, где качественные изменения наступают не постепенно, а быстро, внезапно, в виде скачкообразного перехода от одного состояния к другому состоянию, наступают не случайно, а закономерно, наступают в результате накопления незаметных и постепенных количественных изменений» [2].

Трудно переоценить значение диалектического понимания развития как качественного изменения для научного познания природы и общественной науки, для практической деятельности партии пролетариата.

Современная передовая наука прочно базируется именно на таком понимании развития.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, изд. 4, стр. 38.

[2] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 537.

Только учение марксистской диалектики о развитии как переходе количественных изменений в коренные, качественные даёт правильное понимание всех процессов, происходящих в природе и обществе, и, следовательно, только это учение может быть руководящим началом в познании и революционном преобразовании действительности.

В чём же конкретно состоит сущность закона перехода количественных изменений в качественные, закона перехода от старого качества к новому?

2. Двоякая форма движения. Переход количественных изменений в качественные

Достаточно самого поверхностного взгляда на природу, чтобы увидеть, что ей меньше всего свойственно однообразие. Нас поражает многообразие её явлений, богатство её свойств и красок, разнообразие её живых обитателей.

Что же представляет собой многообразие природы? Почему все явления природы не сливаются перед нашим взором в одну неразличимую туманную картину, а вызывают в нас определённые, отличные друг от друга, ощущения? Мы видим разные предметы, разные явления, но не отождествляем их, а умеем различать их между собой и давать им разные определения.

Конечно, причиной этого не могут быть человеческие ощущения, как говорили старые идеалисты и как говорят современные философские реакционеры. Ощущение не способно создать ни одного атома, ни одной пылинки. Оно может только отражать объективно существующие предметы со всеми присущими им свойствами.

Ответ может быть только один: предметам и явлениям природы свойственны определённые качества, и именно благодаря этому они отличаются друг от друга и вызывают в нас разные ощущения.

Академик Лысенко говорит: «...каждому биологу, наблюдающему живую природу, и в особенности людям практики, работникам сельского хозяйства, имеющим дело

с растениями, животными и микроорганизмами, прежде всего бросается в глаза, что вся взаимосвязанная органическая природа состоит из отдельных, качественно особенных форм. Например, лошадь, корова, коза, овца или пшеница, рожь, овёс, ячмень, морковь — это отдельные, качественно особенные формы животных и растений» [1].

Качественную определённость имеют и явления общественной жизни. Феодальный строй, капиталистический строй, социализм — это также качественно особые формы общественной жизни людей.

Но что такое качество, качественно особая форма любого предмета, явления? Качество есть определённость предмета, неразрывно связанная с ним, выражающая его отличие от других предметов. Именно благодаря своей определённости предмет есть данный, а не иной предмет. Капитализм, например, как качественно особая форма общественного производства характеризуется такими определёнными чертами, как наёмный труд, капитал, эксплуатация наёмного труда и т. д. Эти черты выделяют капитализм в ряду других форм общественного производства как особое «качество».

Отсюда следует, что изменение качества предмета ведёт к исчезновению данного предмета. Изменение качества есть изменение существенной, определяющей особенности предмета, а не каких-либо второстепенных его свойств, которые могут меняться, исчезать без того, чтобы это решающим образом сказалось на качестве предмета. Например, уничтожение эксплуатации, частной собственности на средства производства, паразитизма кучки магнатов капитала и нищеты трудящихся масс имеет своим закономерным следствием качественное изменение капиталистического строя, превращение его в свою противоположность — в социалистический строй.

Понятие качественного своеобразия тех или иных явлений природы или общества означает также, что они развиваются по своим особым законам, не сводимым к закономерностям других, качественно отличных от них

[1] «Правда» № 307, 3 ноября 1950 г.

явлений. Органическая, живая природа существует и развивается по законам, отличным от законов «неживой», неорганической природы. Человеческой историей управляют законы, отличные от законов природы. Марксизм на протяжении всей своей истории вёл борьбу против буржуазных философов, стремившихся стереть качественную грань между законами природы и законами общества, объяснить общественные явления природными закономерностями.

Классики марксизма-ленинизма полностью разоблачили всякого рода социал-дарвинистские, органические, расистские и прочие широко распространённые в буржуазной философии «теории», основанные на метафизическом стирании качественного отличия закономерностей общества от закономерностей природы.

Все формы материального движения связаны между собой, переходят друг в друга. Но качественное своеобразие каждой формы несводимо к другим формам. Борясь против сведения высших форм движения к низшей, механической, форме движения, Энгельс писал в «Диалектике природы», что каждая из высших форм движения всегда связана необходимым образом с механическим (внешним, или молекулярным) движением; химическая реакция невозможна без изменения температуры и т. п., органическая жизнь невозможна без механических, молекулярных, химических и других изменений.

«Но наличие этих побочных форм не исчерпывает существа главной формы в каждом рассматриваемом случае. Мы, несомненно, «сведем» когда-нибудь экспериментальным путем мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но разве этим исчерпывается сущность мышления?» [1]

История открытий физики в последнее десятилетие прекрасно иллюстрирует положение материалистической диалектики о несводимости одних качественно особых форм движения к другим. Законы движения в мире мельчайших материальных частиц иные, чем в макромире, т. е. в мире крупных земных и небесных тел. Попытка

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1950, стр. 197.

распространить законы механики обычных макроскопических тел на мир атомов и электронов кончилась крахом. Законы механики, установленные Ньютоном, оказались непригодными для объяснения процессов, происходящих в микромире.

Таким образом, только исследуя качественную особенность тех или иных форм движения в природе и обществе, качественное своеобразие их законов, можно выработать правильный взгляд на объективную действительность.

Нужно помнить указание И. В. Сталина о том, что у общественных явлений (как, разумеется, и у явлений природы) кроме общих свойств и признаков «имеются свои специфические особенности, которые отличают их друг от друга и которые более всего важны для науки» [1].

Любой предмет, однако, имеет не только качественную, но и *количественную* сторону. Например, молекулы состоят из различного количества атомов, атом в свою очередь состоит из ядра и различного количества электронов, ядро — из различного числа протонов и нейтронов. Если атом обычного водорода состоит из одного протона и одного электрона, то у азота ядро состоит из 7 протонов и 7 нейтронов, и вокруг этого сложного ядра вращаются 7 электронов. Ядру и электрону свойственны количественно различные массы: почти вся масса атома сосредоточена в ядре, электрон же имеет ничтожную массу. Разные цвета основаны на различной длине волн и частоте колебаний: длина волны красного цвета меньше одной десятитысячной сантиметра, длина волны фиолетового света — вдвое меньше; частота их колебаний соответственно равна 400 и 800 биллионам.

«Все качественные различия в природе, — пишет Энгельс, — основываются либо на различном химическом составе, либо на различных количествах или формах движения (энергии), либо, — что имеет место почти всегда, — на том и другом» [2].

То же самое мы обнаружим и в явлениях общественной жизни, но в отличие от природы понятие количества здесь гораздо сложнее.

[1] *И. В. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания, 1951, стр. 35.
[2] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы, 1950, стр. 39.

Возьмём, например, такие количественные стороны общественного способа производства, как уровень развития производительных сил, производительности труда, и мы убедимся, что различные общественные способы производства отличаются между собой не только качественно, но и количественно. Одно дело — уровень развития производительных сил и производительность труда при феодальном строе, другое дело — производительные силы и производительность труда, характерные для капиталистического общества; в свою очередь социализм неизмеримо превосходит капитализм в способности развивать производительные силы и поднимать производительность труда.

Но между качественным и количественным изменениями предмета существует важное различие: изменение качества предмета имеет своим следствием коренное изменение самого предмета, количественное же изменение в определённых границах не нарушает заметным образом существования предмета.

Однако количественные изменения лишь до поры до времени остаются «безнаказанными» для предмета. Стоит этим изменениям достигнуть какой-то критической точки, чтобы малейшее количественное изменение имело решающее значение для судьбы данного предмета: всякое новое количественное прибавление или убавление будет иметь своим результатом коренное изменение качества предмета. Количественные изменения перейдут в качественные.

В самом деле, изменение температуры у нагреваемого металла лишь до поры до времени не влияет существенным образом на его состояние; но когда температура достигает известной точки — разной для различных металлов, — то металл расплавляется, изменяется его качественное состояние: из твёрдого он превращается в жидкий. Стоит температуру нагревания меди поднять до 1 083 градусов, как она расплавится, перейдёт в жидкое состояние.

Можно взять другой, более сложный пример. При энергиях в несколько электрон-вольт столкновение и взаимодействие атомов не имеют своим результатом качественное изменение их ядер, химический элемент остаётся тем же. То же мы наблюдаем и в случае увели-

чения энергии до тысяч электрон-вольт. Но при достижении значительно большей энергии начинаются ядерные превращения, изменяется коренным образом качество химических элементов, одни элементы превращаются в другие.

К этому следует добавить, что, говоря о том, что количественные изменения до поры до времени не нарушают существующего качества предмета, мы вовсе не думаем, что предмет остаётся абсолютно тем же, каким он был раньше. Нет, количественные изменения суть тоже изменения предмета. Они очень важны и существенны, ибо подготовляют качественное изменение. Кроме того, количественные изменения, не меняя на первых порах коренного состояния предмета, тем не менее серьёзно меняют отдельные его свойства, черты, особенности. Важность количественных изменений особенно ярко обнаруживается на последних этапах развития предметов, когда достаточно самого незначительного количественного изменения, чтобы оно привело к коренному качественному сдвигу.

Следовательно, количественное изменение предметов мы можем характеризовать как такое, которое на первых порах не приводит к существенным изменениям предмета: достигая, однако, какой-то критической точки — разной для разных предметов, — количественные изменения ведут к коренным качественным изменениям.

«Количество» и «качество» являются двумя связанными между собой сторонами предмета. Нет количественной стороны без качественной, и наоборот. Предмет есть единство той и другой сторон. Это единство находит своё отражение в понятии *меры*. Мера выражает внутреннюю связь между количественной и качественной сторонами предмета. Связь эта означает, что качественная особенность данного предмета может сочетаться не с любым, а с более или менее точно фиксированным количеством. Количество может изменяться, быть большим или меньшим, но есть граница, за которой количественное увеличение или уменьшение ведёт к коренному качественному изменению предмета. Так, например, капиталистический способ производства может сочетаться и сочетается с разными уровнями развития производительных сил. Но на-

ступает момент, когда капитализм тормозит дальнейший рост производительных сил, когда дальнейший рост их требует уничтожения капиталистического способа производства и перехода к социалистическому способу производства, который создаёт условия для безграничного развития производительных сил.

Из внутренней взаимосвязи качественных и количественных изменений предметов вытекает, что не только количественные изменения ведут к качественным изменениям, но и, наоборот, качественные изменения оказывают огромное влияние на дальнейшие количественные процессы.

Так, например, в основе ускорения развития советского социалистического общества, несомненно, лежит новое качество общественных отношений, основанных на сотрудничестве и взаимопомощи людей в процессе производства.

Товарищ Сталин, говоря о преимуществах колхозного строя, показал, что уже одно объединение простых крестьянских хозяйств даже без применения новой техники даёт гораздо больший эффект в развитии сельскохозяйственного производства, чем труд отдельных, разрозненных крестьянских хозяйств. Колхозы оказались огромной силой. Откуда эти новые количественные показатели в развитии сельскохозяйственного производства на основе колхозов? Они идут от нового, социалистического качества нашего сельского хозяйства, от качественно новой общественной организации людей в колхозах.

Следовательно, не только количественные изменения превращаются в качественные, но и качественные изменения подготовляют новые количественные изменения. Новое по своему качеству явление, утвердившись в жизни, способствует дальнейшему количественному изменению. Этот процесс на какой-то ступени завершится в свою очередь переходом в новое качественное изменение, в новую «меру» и т. д. и т. д. Такой характер развития обусловливает прогрессивное, поступательное направление движения в природе и обществе.

Итак, в каждом предмете существует определённая закономерная связь между качественной и количественной сторонами предмета. Эта связь подвижна, динамична.

Количественные изменения, совершающиеся в предмете, будучи на первых порах незначительными и скрытыми, не имеют серьёзных последствий. Однако, достигая определённой критической точки, эти количественные изменения влекут коренное изменение предмета. Так накопление незаметных количественных изменений приводит к открытым и глубоким качественным изменениям: старое уступает место новому. Этот закономерный процесс и есть то, что диалектика называет переходом количественных изменений в коренные качественные изменения.

Следовательно, рассмотрение развития как одного лишь количественного роста есть искажение действительного развития, совершающегося в объективном мире. На самом деле, развитие, движение имеет *двоякую* форму: количественную и качественную, эволюционную и революционную.

«Ясно, — писал И. В. Сталин в работе «Анархизм или социализм?», — что движение имеет различные формы.

И вот диалектический метод говорит, что движение имеет двоякую форму: эволюционную и революционную» [1].

Это значит, что предметы и явления проходят две, взаимно связанные стадии своего развития: стадию количественного, или эволюционного, развития и стадию качественного, или революционного, развития. Первая стадия есть стадия медленного, незаметного накопления количественных изменений в предмете, вызревания элементов, сил, предпосылок для коренного качественного изменения. Вторая стадия есть стадия качественного изменения, уничтожения, отмирания старого и возникновения нового. При этом переход количественных изменений в качественные совершается, как указывает И. В. Сталин, «быстро, внезапно, в виде скачкообразного перехода от одного состояния к другому состоянию». Всякий переход от старого качества к новому качеству представляет скачок.

Развивая марксизм, товарищ Сталин требует живого, творческого применения закона о переходе от старого качества к новому, о скачках, требует конкретного изучения предметов и явлений, претерпевающих процесс качественного изменения, учёта своеобразия исторических условий,

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 1, стр. 300.

в которых совершается скачок, и т. д. Переход от старого качества к новому может иметь и имеет различные формы.

И. В. Сталин подверг резкой критике вульгаризаторскую теорию Марра, согласно которой качественные изменения в развитии языка совершаются в виде внезапных взрывов. Эта теория ничего общего не имеет с действительностью. Своеобразие такого общественного явления, как язык, заключается в том, что он не может изменяться сколько-нибудь существенно в течение короткого срока. В развитии языка нет и не может быть «внезапных» революций. Язык и его элементы — основной словарный фонд, грамматический строй — есть продукт многих эпох; «...уничтожение основного словарного фонда, накопленного в течение веков, —указывает И. В. Сталин,—при невозможности создать новый основной словарный фонд в течение короткого срока, привело бы к параличу языка, к полному расстройству дела общения людей между собой»[1].

Грамматический строй языка изменяется ещё медленней, чем словарный фонд. Понятно поэтому, что закон перехода от старого качества к новому в развитии языка проявляется своеобразно. Товарищ Сталин показал, что переход от старого качества к новому в языке реализуется путём постепенного накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества. При этом нельзя представлять дело так, что в развитии языка не происходит якобы качественных изменений. Качественные изменения совершаются и здесь, только не в форме взрыва, а в форме постепенного накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества.

Что русский язык, например, претерпевал качественные изменения на протяжении всего своего развития, легко увидеть, если сравнить древнерусский и современный русский язык. В будущем, после победы социализма во всём мире, «в результате длительного экономического, политического и культурного сотрудничества наций будут выделяться сначала наиболее обогащённые единые зональные языки, а потом зональные языки сольются в один общий международный язык, который, конечно, не будет

[1] *И. В. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания, 1951, стр. 25.

ни немецким, ни русским, ни английским, а новым языком, вобравшим в себя лучшие элементы национальных и социальных языков»[1].

Как видим, в будущем произойдут особенно глубокие качественные изменения в существующих языках, образуется качественно новый язык, но эти качественные изменения произойдут постепенно, в течение длительного времени, в порядке медленного отмирания элементов старого качества и нарастания элементов нового качества.

Товарищ Сталин показал, что не только в языке, но и в развитии общества переход от старого качества к новому не при всех условиях происходит одинаково, что, например, в советском обществе, где отсутствуют антагонистические классы, скачки потеряли форму взрывов и протекают иначе, чем при капитализме.

Диалектическое понимание развития как перехода количественных изменений в качественные наносит смертельный удар по всяким теологическим и идеалистическим учениям. Для объяснения развития природы и общества с позиций марксистской диалектики наука не нуждается ни в какой сверхъестественной силе, ни в каком произвольном толковании природы. Марксистская диалектика даёт единственно верные руководящие принципы, с точки зрения которых можно правильно решить вопрос о том, в силу каких закономерностей материя из одного качественного состояния превращается в другое, каким образом неорганическая природа на известной ступени порождает жизнь, как из простых, примитивных форм жизни возникают качественно новые, более сложные формы, и т. д. и т. д. Развитие науки в последние десятилетия, великие открытия в физике и биологии и других областях знания великолепно подтверждают и обогащают марксистскую диалектику и в этом отношении.

Чтобы убедиться в этом, рассмотрим некоторые современные представления о развитии природы.

---

[1] *И. В. Сталин,* Марксизм и вопросы языкознания, 1951, стр. 54.

3. Переход количественных изменений в качественные, скачки в природе

Современная теория строения материи, проникновение человеческого взора в глубочайшие недра атома позволили установить тот важнейший для понимания развития природы факт, что возможностям материи превращаться из одних форм в другие нет предела. Ещё в конце XIX века физики и химики утверждали, что химические элементы вечны и неизменны, что атомы неделимы. Как далеко ушла с тех пор наука! Ныне величайшим её завоеванием является учение о качественном изменении химических элементов, о превращении одних элементов в другие.

В «Анархизме или социализме?» товарищ Сталин писал:

«Менделеевская «периодическая система элементов» ясно показывает, какое большое значение в истории природы имеет возникновение качественных изменений из изменений количественных» [1].

Если рассмотреть развитие периодической системы элементов, то мы увидим, насколько полно и ярко подтвердилось и подтверждается положение И. В. Сталина о значении в природе закона перехода количественных изменений в качественные.

В основе периодической системы Менделеева лежала идея о том, что качественное различие химических элементов зависит от различной величины атомных весов. Установленный им закон вскрыл периодическую зависимость свойств простых тел, а также химических соединений, образуемых элементами, от величины атомного веса элементов.

Менделеев благодаря открытому им закону не только предсказал существование новых элементов, которые не были ещё известны, но изумительно точно предвидел их свойства. Энгельс считал это крупнейшим научным подвигом Менделеева.

---

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 1, стр. 301.

Периодическая система Менделеева, несомненно, подсказывала, что химические элементы не есть нечто вечное и неизменное, неспособное к качественным превращениям. Но Менделеев не имел ещё опытных данных, чтобы выдвинуть эту идею. В принципе он не отрицал возможности качественного изменения элементов, перехода их друг в друга. Так, он писал:

«Если бы, например, твёрдо установилось понятие о переходе одних простых тел в другие — химия только бы выиграла...» [1]

Однако, добавлял Менделеев, так как все попытки, предпринимаемые в этом направлении, были напрасными, то, пока не сделаны новые открытия, верным остаётся положение, что «химические элементы самостоятельны, ими надо ограничить познание о превращении веществ друг в друга» [2].

Эти открытия наступили тогда, когда раскрылся сложный мир внутри атома.

В 1896 г. Беккерель открыл радиоактивность солей урана. Три года спустя супруги Кюри открыли радий. Началось тщательное изучение нового, пока ещё таинственного, явления, было установлено, что радиоактивность есть не что иное, как качественное изменение атомов, превращение одного химического элемента в другой. Удалось доказать, что радий превращается в гелий. В 1919 г. удалось искусственно разложить азот, а за ним и ряд других элементов. В 1934 г. Ф. Жолио и И. Кюри открыли искусственную радиоактивность.

Выдающиеся достижения в области атомной физики связаны с многими именами советских учёных. Общепринятую сейчас теорию, согласно которой ядра атомов состоят из протонов и нейтронов, создал советский физик Д. Д. Иваненко.

Старое представление о невозможности качественного превращения химических элементов было опровергнуто, и установлено было, что один химический элемент спо-

[1] *Д. И. Менделеев*, Избранные сочинения, т. II, стр. 439.
[2] Там же, стр. 440.

собен превращаться в другой элемент. Так, например, уран через ряд промежуточных превращений превращается в свинец. Новые теории строения атома раскрыли глубочайший смысл менделеевской периодической системы, углубили её, развили дальше, придали ей новый вид.

По современным представлениям, свойства элементов находятся в периодической зависимости не от их атомных весов, а от заряда ядра. Качественное различие между атомами химических элементов основано на количественном различии зарядов их ядер. Так, заряд ядра урана равен 92 элементарным единицам, и уран занимает 92-е место в таблице Менделеева. Заряд ядра меди равен 29 элементарным единицам, и соответственно медь занимает в таблице 29-е место. Менделеев полагал, что качество элементов изменяется по мере количественного возрастания их атомных весов. Современная физика показала, что качество элементов изменяется по мере возрастания зарядов их ядер.

Качественное превращение одного элемента в другой происходит в результате количественных изменений в ядрах атомов. На этом основан так называемый закон сдвига.

Если, например, из ядра атома вылетает так называемая альфа-частица, несущая два положительных заряда, то получаемый новый элемент как бы сдвигается в таблице Менделеева на две клетки влево, так как его порядковый номер уменьшается на две единицы по сравнению с исходным. Если же из ядра вылетает один электрон, бэта-частица, то новый элемент, образовавшийся в результате этого, как бы сдвинется в таблице на одну клетку вправо, так как его порядковый номер увеличивается на единицу.

При этом переход количественных изменений в качественные совершается скачкообразно: уменьшение или увеличение заряда ведёт к внезапному, быстрому изменению качества элемента.

Не менее ярко проявляется действие всеобщего закона перехода количественных изменений в качественные и в живой природе. В работе «Анархизм или социализм?»

товарищ Сталин показал, что диалектический метод отвергает как теорию катаклизмов Кювье, так и чистый эволюционизм, имеющий место в дарвинизме. По теории Кювье, развитие живой природы совершается одними скачками, вызываемыми неожиданными катастрофами. Революция без предшествующей эволюции, без периода эволюционного вызревания скачков — такова сущность теории Кювье. Этой точки зрения придерживались и другие буржуазные биологи. Так, голландский биолог Гуго де-Фриз считал, что какое-нибудь растение существует столетия и тысячелетия в абсолютно неизменном виде. И вдруг, благодаря какой-то «творческой силе» происходит «толчок»: природа растения качественно изменяется. Развитие живой природы с его точки зрения имеет поэтому «толчкообразный» характер. «Толчки» де-Фриза, как он сам заявляет, чисто случайны. Напротив, теория Дарвина совершенно отрицает скачки в развитии видов.

Великая заслуга Дарвина состояла в том, что он разрушил метафизические представления о неизменности видов и доказал, что виды находятся в состоянии развития и изменения. Считая, что в процессе развития одни виды превращаются в другие, Дарвин, однако, полагал, будто этот процесс представляет собой сплошную линию, в которой одни органические формы нечувствительно переходят в другие.

Иначе говоря, Дарвин признавал одну эволюционную форму развития, отрицая форму революционную, хотя по сути у него виды, конечно, качественно изменяются. Он выступал против допущения «внезапных и резких превращений», утверждая, что на протяжении всей истории человечества невозможно наблюдать и получить превращение одного вида в другой. Понятно, что такая теория не вооружала глубоким пониманием законов практического преобразования живой природы, практического творчества новых форм.

В произведении «Анархизм или социализм?» товарищ Сталин прозорливо подметил эту слабость дарвинизма, заключающуюся в том, что «дарвинизм отвергает не только катаклизмы Кювье, но также и диалектически понятое

развитие, включающее революцию, тогда как с точки зрения диалектического метода эволюция и революция количественное и качественное изменения, — это две необходимые формы одного и того же движения» [1].

Тогда же И. В. Сталин вскрыл всю несостоятельность так называемого неодарвинизма, т. е. вейсманизма. Вейсманизм был новым изданием старой теории преформизма, основывавшейся на метафизических представлениях о том, что развитие есть лишь количественный рост готовых и неизменных организмов.

Или — или: или чистая постепенность без скачков, или одни скачки без эволюционного развития, подготовляющего их, — таковы были те крайние и разорванные полюсы, на основе которых строили свои взгляды биологи.

Дальнейшее развитие научной биологии шло по линии преодоления отмеченной И. В. Сталиным слабости дарвинизма, по линии творческого развития учения Ламарка и особенно Дарвина и борьбы против идеалистического неодарвинизма. Решающую роль здесь сыграла мичуринская биология.

Творчески развивая лучшие стороны учения Дарвина, опираясь на положение И. В. Сталина о том, что дарвинизм в прошлом отвергал «диалектически понятое развитие», представляющее собой единство эволюционной и революционной форм, мичуринская биология глубоко раскрывает законы развития растений и животных.

Потребности социалистического строительства, впервые за всю историю поставившие во всю ширь задачу преобразования природы, не могут быть удовлетворены на путях чисто эволюционистского понимания развития.

«Для нас в данное время, — писал Мичурин, — гораздо полезнее понять, что мы вступили в тот этап своего исторического развития, в котором теперь можем лично вмешаться в действия природы и, во-первых, *значительно ускорить и численно увеличить формообразование новых*

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 1, стр. 309.

видов и, во-вторых, искусственно уклонить строение их качеств в более выгодную сторону для человека» [1].

Деятельность советских мичуринцев — это качественное преобразование существующего, выведение новых форм. Мичурин был настоящим художником в творении новых плодовоягодных сортов.

Практика преобразования природы подсказывает новую теорию видообразования, соответствующую диалектическому пониманию развития как перехода количественных изменений в качественные. С точки зрения чистой эволюции различные виды должны быть соединены массой промежуточных форм, которые представляют собой ступени медленного, незаметного превращения одного вида в другой. Вид поэтому рассматривается не как реальное качественное образование, не как качественно особое звено в развитии живой природы, а как условность, удобная для классификации растений и животных. Но так как эти промежуточные формы не наблюдаются, то Дарвин считал, что они исчезли в результате внутривидовой конкуренции.

Практическая борьба советских мичуринцев за высокие урожаи, за создание новых, лучших сортов растений потребовала пересмотра ряда положений Дарвина, в частности его положения об отсутствии скачков в развитии живой природы.

Ставя этот вопрос, академик Лысенко считает неправильным старое, дарвиновское представление о развитии видов как одной сплошной, непрерывной линии без «перерывов постепенности», без скачков. Виды, говорит он,— это реальный результат изменений количественных, превращающихся в изменения коренные качественные, это связанные между собой «этапы качественной обособленности» растений и животных в процессе постепенного исторического развития живой природы.

«Мичуринское учение — творческий дарвинизм, — пишет академик Лысенко, — понимает развитие не как плоскую эволюцию, а как зарождение в недрах старого, противоречащего ему начала нового качества, претерпе-

[1] *И. В. Мичурин*, Соч., т. I, 1948, стр. 614.

вающего постепенное количественное накопление своих особенностей и, в процессе борьбы со старым качеством, оформляющегося в новую, принципиально отличную совокупность свойств со своим собственным отличным законом существования» [1].

Отсюда следует, что непрерывный, сплошной ряд форм растений не наблюдается в действительности не потому, что они вымерли в результате борьбы за существование, а потому, что такой сплошной линии, без коренных качественных изменений, нет и не может быть. «В природе сплошной непрерывности не бывает, непрерывность и прерывность всегда является единством» [2].

Мичуринцы в подтверждение своих положений ссылаются на принципиально важные факты превращения твёрдой пшеницы в мягкую, т. е. одного вида в другой, на факты превращения пшеницы в рожь, ячмень и т. д.

Говоря о превращении твёрдой пшеницы в мягкую, академик Лысенко делает вывод:

«В нашем случае необходимо воздействие осенне-зимних условий в течение двух — трёх.— четырёх поколений твёрдой пшеницы. В этих случаях она может скачкообразно перейти в мягкую без всяких переходных форм между этими двумя видами» [3].

Практически важное следствие, вытекающее из такого подхода к теории видообразования, заключается в том, что сельскохозяйственная практика способна сравнительно быстро превращать один вид в другой, создавать полезные человечеству виды, не дожидаясь, выражаясь словами Мичурина, «милостей от природы».

Наличие сравнительно быстрых, внезапных скачков в развитии живой природы, разумеется, не означает, что они являются единственной формой перехода от старого качества к новому. Нужно помнить указание Энгельса о том, что переход количественных изменений в качествен-

---

[1] «Правда» № 307, 3 ноября 1950 г.

[2] Там же.

[3] *Т. Д. Лысенко,* О положении в биологической науке, Сельхозгиз, 1948, стр. 43.

ные происходит «точно определенным для каждого отдельного случая способом...» [1] Формы развития органического мира чрезвычайно многообразны. Наука и практика знают немало примеров, когда развитие органических существ происходит и путём длительного, постепенного накопления элементов нового качества и постепенного отмирания элементов старого качества. Под влиянием изменения типа обмена веществ в растениях или животных зарождаются элементы нового качества, способные передаваться по наследству из поколения в поколение. Это медленное накопление нового качества в природе, не контролируемой человеком, может продолжаться в течение огромного периода времени и в результате приводит к коренным качественным изменениям видов, к возникновению новых видов. Именно на этом принципе постепенного накопления элементов нового качества основана практика искусственного отбора, качественного улучшения и изменения породы животных, сортов растений и т. п. Здесь мы имеем пример той формы перехода от старого качества к новому, которую И. В. Сталин вскрыл, анализируя развитие языка.

Однако и такое развитие не означает чисто количественного роста готового, а переход, поворот от старого качества к новому. Только этот переход совершается не в форме быстрого изменения, «взрыва», а путем медленного накопления элементов нового качества.

Нет сомнения, что лишь тому пониманию процесса видообразования, которое учитывает двоякую форму движения, а также многообразие форм перехода от старого качества к новому, принадлежит будущее. За это говорит то, что такое понимание соответствует диалектической, т. е. единственно научной, трактовке развития как процесса возникновения качественных изменений из количественных. И главное — за такое понимание говорит сама практика, а практика есть высшая инстанция, опровергающая или подтверждающая ту или иную теорию.

---

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, 1950, стр. 39.

4. Переход количественных изменений в качественные, скачки в развитии общества. Значение закона перехода от старого качества к новому для практической деятельности партии пролетариата

В основе процессов, совершающихся в обществе, лежит тот же всеобщий закон перехода количественных изменений в коренные качественные, и это служит ещё одним свидетельством в пользу поразительного единства мира. Но в общественной жизни этот всеобщий закон развития имеет своеобразные формы проявления.

В общественном развитии мы также ничего не поймём, если подойдём к нему, как к процессу чисто количественного движения, если не увидим смены эволюции революциями, «перерыва постепенности», возникновения качественно новых общественных форм со своими особыми закономерностями.

В самом деле, качественные и количественные изменения всякого общественного способа производства тесно связаны между собой и зависят друг от друга. Уровень развития производительных сил определяет тот или иной тип производственных отношений. В этом факте чрезвычайно ярко обнаруживается зависимость «качества» от «количества» в развитии общественной жизни; при этом, конечно, не следует забывать, что понятие уровня развития производительных сил включает в себя и прогресс техники, совершенствование орудий производства.

Если в начале человеческой истории существовал первобытно-общинный строй, не знавший деления на классы и эксплуатации, то основной причиной этого был крайне низкий уровень производительных сил, не позволявший людям трудиться в одиночку и тем более эксплуатировать друг друга. Коллективный труд, коллективное потребление, имевшие место в первобытно-общинном строе, были вызваны к жизни потребностями совместной борьбы с природой.

В первобытном обществе во время войны пленных или убивали, или отпускали на волю, но не превращали в рабов. Уровень производительных сил был настолько мал, что рабы ничего своим владельцам не приносили бы, так

как они могли добывать лишь самые необходимые средства существования для самих себя. Но когда производительные силы поднялись на более высокую ступень и человек смог уже создавать не только средства, необходимые для собственного существования, но и прибавочный продукт, тогда пленных перестали убивать или отпускать на волю, а стали превращать в рабов. Следовательно, возникновение классов возможно было только на определённой ступени развития производительных сил. Рост производительности труда порождает общественное разделение труда, возникает частная собственность, а вместе с ней и деление общества на классы.

Какие условия нужны для уничтожения классов? Когда возможно превращение классового общества в современное бесклассовое общество? Это опять-таки связано с количественными изменениями, развитием производительных сил. Условия эти наступают лишь тогда, когда развитие производительных сил и производительности труда создаёт объективную возможность жить по принципам: «от каждого по его способностям, каждому по его труду» (социализм), «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям» (коммунизм).

Таким образом, в переходе от первобытного бесклассового строя к совершенно противоположному по своему общественному качеству классовому строю и в переходе этого последнего в коммунистическое общество содержится не меньше «чуда», чем в переходе от «мёртвой», неорганической материи к живой, органической. И то и другое совершается в силу закона, согласно которому количественные изменения на известной ступени превращаются в качественные изменения. Линия общественного развития — это не линия количественного увеличения или уменьшения уже существующего, а линия, в которой постепенное, медленное эволюционное развитие прерывается качественным изменением, скачком, переходом общества из одного качественного состояния в другое, возникновением нового общественного строя.

Вопрос об эволюции и революции в развитии общества имеет для практической деятельности партии пролетариата особенное значение. Этот вопрос был на протяжении

всей истории рабочего движения, на протяжении вот уже более чем столетней истории развития марксизма и его борьбы против оппортунистических течений, одним из основных вопросов, вокруг которых шли ожесточённые споры. Это и естественно, так как то или иное решение этого вопроса непосредственно определяет стратегию и тактику борьбы рабочего класса и его партии.

Даже самые отпетые реакционеры на словах не прочь признать «развитие». Но каков действительный смысл этого «признания»? Развитие признаётся как чисто *количественное* развитие, без перехода количественных изменений в коренные *качественные*. Самый ярый враг общественного прогресса может позволить себе признать *такое* «развитие», ибо одно лишь количественное «развитие» не означает коренного изменения существующего.

Поэтому не случайно понимание развития как чисто количественного процесса лежит в основе всякого рода реформистских теорий. Ленин в своё время указывал, что вслед за буржуазными профессорами ревизионисты лезли «в болото философского опошления науки, заменяя «хитрую» (и революционную) диалектику «простой» (и спокойной) «эволюцией»...»[1]

Уже при зарождении ревизионизма в рабочем движении его представители повели яростное наступление на учение марксистской диалектики об эволюции и революции. Немецкий ревизионист Бернштейн в своей книге «Социальные проблемы», в которой он сформулировал все основные пункты реформизма, направил свой огонь против учения марксизма о неизбежности и закономерности революции пролетариата. Он писал: «Вся практическая деятельность социал-демократии стремится к созданию такого положения и таких условий, которые помогли бы свободному от конвульсивных потрясений переходу современного общественного строя в высший».

Эта «теория» отрицала революцию. Она исходила из того, что антагонистические противоречия враждебных классов, каковы буржуазия и пролетариат, могут быть

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 15, изд. 4, стр. 19.

примирены и, выражаясь словами Энгельса, старое капиталистическое свинство может мирно врасти в социализм. Отсюда и отрицание марксистской теории борьбы за диктатуру пролетариата и определённая реформистская и оппортунистическая тактика, сформулированная в известном положении: «движение — всё, конечная цель — ничто». Вместо революции как основного и решающего средства перехода от капитализма к социализму выдвигалась реформа, борьба за мелкие политические и экономические улучшения в пределах существующего капиталистического строя.

Современные реформистские приказчики капитализма, следуя по стопам старых ревизионистов, особенно рьяно усердствуют, пытаясь доказать ненужность революционного скачка для перехода от капитализма к социализму. Будучи верными стражами империализма, они со смертельной ненавистью относятся к марксистскому учению о революционном ниспровержении капиталистического строя.

Карл Реннер, имевший длительный стаж борьбы против революционной диалектики и большой «опыт» защитника капитализма от революционного напора масс, писал:

«Если в каждой стране подъём трудящихся классов является процессом исторического становления, то подъём примитивных и пролетаризированных наций (?!), при условии, если мир не будет ввергнут в новую катастрофу, также должен осуществляться при *постепенном продвижении от успеха к успеху,* т. е. как исторический процесс, а не в результате какого-либо чуда (читай — революции.— *М. Р.)* или гениальных действий какой-либо секты, и во всяком случае в аспекте всеобщего мира, но не в итоге освободительной социалистической войны» (подчёркнуто мною. — *М. Р.)*.

Реннер заявлял, что в «прогрессивных» странах (имеются в виду буржуазные страны) государственная власть ныне настолько изменилась, что преобладающее большинство государственных служащих — это «организованные социалисты» и «вышколенные» работники профсоюзов, так что речь может итти только о простом перенятии и развитии буржуазного государственного аппарата.

«Перенять», сохранить буржуазную государственную машину — таков лозунг правых социалистов, этих ярых и злобных врагов рабочего класса. Английские лейбористы «переняли» государственный аппарат в свои руки, но капиталистическая природа английского государства от этого нисколько не изменилась. Лейбористский «социализм» нисколько не затрагивает господствующего положения капиталистов Англии. Лейбористы не хуже консерваторов ведут империалистическую политику, угодную господствующему классу, а их «демократический социализм» есть реформистский обман.

Борьба против марксистской диалектики, а следовательно, против всего революционного существа марксистского учения о переходе к социализму, велась не только реформистами. Наряду с оппортунистами, выступавшими под знаменем реформизма, против марксизма боролись также и анархисты, анархо-синдикалисты. Если реформисты отрицают революционную форму развития, скачки, то анархисты, наоборот, отрицают закономерность всякого эволюционного, постепенного движения и отвергают значение этой формы для подготовки коренного изменения господствующих общественных порядков.

Отсюда и определённая линия практического поведения, выработанная анархистами: пренебрежительное отношение ко всякой борьбе за реформы, отрицание тактики борьбы за сплочение, за организацию масс и постепенную подготовку их к революции, тактика заговоров, вспышкопускательства, авантюризма; отсюда господство «левой» фразы при неумении на деле бороться за коренные интересы рабочего класса.

В статье «Разногласия в европейском рабочем движении» Ленин, разоблачая враждебную марксизму сущность этих двух точек зрения — лишь по видимости полярных, а на деле тождественных по тем практическим результатам, к которым они приводят, писал: «...жизнь и развитие в природе включают в себя и медленную эволюцию и быстрые скачки, перерывы постепенности.

Ревизионисты считают фразами все рассуждения о «скачках» и о принципиальной противоположности рабочего движения всему старому обществу. Они принимают

реформы за частичное осуществление социализма. Анархо-синдикалист отвергает «мелкую работу», особенно использование парламентской трибуны. На деле эта последняя тактика сводится к поджиданию «великих дней» при неумении собирать силы, создающие великие события. И те, и другие тормозят самое важное, самое насущное дело: сплочение рабочих в крупные, сильные, хорошо функционирующие, умеющие при *всяких* условиях хорошо функционировать, организации, проникнутые духом классовой борьбы, ясно сознающие свои цели, воспитываемые в действительно марксистском миросозерцании» [1].

Эти слова Ленина дают прекрасное изложение сущности вопроса о значении двоякой формы движения — эволюционной и революционной, для борьбы пролетариата и его партии.

Из того непреложного факта, что переход от старого эксплуататорского общества к обществу без эксплуататоров может произойти лишь в форме скачка, следует, что социальные революции есть вполне закономерное и необходимое в обществе, разделённом на враждебные классы, явление.

«Если, — учит товарищ Сталин, — переход медленных количественных изменений в быстрые и внезапные качественные изменения составляет закон развития, то ясно, что революционные перевороты, совершаемые угнетенными классами, представляют совершенно естественное и неизбежное явление.

Значит, переход от капитализма к социализму и освобождение рабочего класса от капиталистического гнета может быть осуществлено не путем медленных изменений, не путем реформ, а только лишь путем качественного изменения капиталистического строя, путем революции.

Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо быть революционером, а не реформистом» [2].

Этот вывод является незыблемым краеугольным камнем всей политики пролетарской партии в борьбе против капитализма, за социализм.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 16, изд. 4, стр. 319.
[2] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 541.

Империалистическая стадия капитализма есть, как указывал Ленин, преддверие к социализму, она подготовляет все предпосылки для перехода к социализму. Но от этого капитализм нисколько не перестаёт быть капитализмом. Только революционный скачок может осуществить переход от капитализма к социализму.

В работе «Государство и революция» Ленин на примере Парижской Коммуны показывает, что превращение урезанной буржуазной демократии, демократии для не большой кучки капиталистов, в демократию пролетарскую, т. е. демократию полную, демократию для подавляющего большинства людей, есть «один из случаев «превращения количества в качество»...»[1]

Но Ленин вместе с тем показывает, что этот переход не есть чисто количественный процесс, совершающийся по принципу оппортунистов: ещё немножко демократии, и капитализм незаметно превратится в социализм.

«Но от этой капиталистической демократии, — указывает Ленин, — неизбежно узкой, тайком отталкивающей бедноту, а поэтому насквозь лицемерной и лживой, развитие вперед не идет просто, прямо и гладко, «ко все большей и большей демократии», как представляют дело либеральные профессора и мелкобуржуазные оппортунисты. Нет. Развитие вперед, т. е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не может, ибо *сломить сопротивление* эксплуататоров капиталистов больше некому и иным путем нельзя»[2].

Руководствуясь учением марксизма-ленинизма о значении революций в развитии антагонистического общества, наша коммунистическая партия всегда определяла свою линию на основных стратегических этапах как линию коренного революционного, качественного изменения отживающих порядков. Три основных стратегических этапа прошла наша революция: первый этап — от 1903 г. до Февральской революции 1917 г., второй этап — от Февральской революции до Октябрьской революции 1917 г.,

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, изд. 4, стр. 391.
[2] Там же, стр. 433.

третий этап начался с победы Октябрьской социалистической революции.

На первом этапе партия организовывала массы и вела их на революционный штурм царского самодержавия. Задача состояла в осуществлении буржуазно-демократической революции. На втором стратегическом этапе партия организовывала массы и вела их на революционный штурм буржуазной власти. Задача состояла в осуществлении социалистической революции и установлении диктатуры пролетариата. На третьем этапе партия организовывала массы и сплачивала их, вела всю политику в интересах ликвидации эксплуататорских классов внутри страны и обеспечения победы социализма. Октябрьская революция положила начало эре крушения мирового капитализма и создала в лице диктатуры пролетариата в СССР прочную базу для развёртывания мирового революционного движения.

Опыт стран народной демократии в Европе также показывает, что только революционное, качественное изменение основ капиталистического строя есть решающее условие развития общества к социализму.

Хотя периоды революционных скачков в истории относительно кратковременны, но значение этих периодов для общественного прогресса колоссально. Именно в эти периоды разрешаются противоречия, зревшие в течение десятилетий мирного развития, и создаются предпосылки для дальнейшего движения истории. Без таких скачков противоречия антагонистического общества не могут быть разрешены, и общество под их тяжестью топчется на месте или регрессирует. Скачки расчищают почву от всего отжившего, старого и открывают новые просторы развитию. Маркс и Энгельс называли революции локомотивами истории.

Ленин говорил, что высокая оценка революционных периодов в истории человечества вытекает из всей совокупности исторических взглядов марксизма, что Маркс видел в этих периодах «самые жизненные, самые важные, существенные, решающие моменты в истории человеческих обществ» [1].

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 13, изд. 4, стр. 22.

Ленин учил, что творческий порыв народных масс особенно велик во времена революций, когда народ сам берёт свою судьбу в собственные руки и творит новую жизнь.

«Дело в том, — писал он, — что именно революционные периоды отличаются большей широтой, большим богатством, большей сознательностью, большей планомерностью, большей систематичностью, большей смелостью и яркостью исторического творчества по сравнению с периодами мещанского, кадетского, реформистского прогресса» [1].

И далее Ленин указывал, что «организаторское творчество народа, особенно пролетариата, а затем и крестьянства, проявляется в периоды революционных вихрей в миллионы раз сильнее, богаче, продуктивнее, чем в периоды так называемого спокойного (гужевого) исторического прогресса» [2].

Когда говорится, что периоды скачков — это сравнительно кратковременные периоды, то не нужно отсюда делать вывод, что они продолжаются лишь дни или недели. Ленин говорил об эпохах «больших скачков», которые могут обнимать лет по десять. Критикуя некоторых «социалистов», он писал:

«О том, что «скачком» учителя социализма называли перелом под углом зрения поворотов всемирной истории и что скачки такого рода обнимают периоды лет по 10, а то и больше, об этом не умеет подумать большинство так называемых социалистов, которые про социализм «читали в книжке», но никогда серьезно в дело не вникали» [3].

Именно таким «большим скачком» было превращение нашей страны из отсталой, какой она была до победы Октябрьской революции, в передовую социалистическую державу.

Товарищ Сталин в своём выступлении перед избирателями 9 февраля 1946 г. показал, какое колоссальное

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 10, изд. 4, стр. 227.
[2] Там же, стр. 233.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 27, изд. 4, стр. 243.

значение имела Великая Октябрьская социалистическая революция для преобразования нашей страны. Сравнив материальные возможности страны накануне первой и накануне второй мировой войны, показав, как быстро развивалось в СССР производство, товарищ Сталин сделал следующий вывод:

«Такой небывалый рост производства нельзя считать простым и обычным развитием страны от отсталости к прогрессу. Это был скачок, при помощи которого наша Родина превратилась из отсталой страны в передовую, из аграрной — в индустриальную».

Утверждая, что только революционный скачок может уничтожить капитализм с его законами, марксизм вовсе не отрицает реформ и необходимости бороться за те или иные реформы. Но эта борьба не является и не может быть главной формой борьбы, ибо никакие реформы сами по себе, как бы их количество ни накоплять, не могут привести к качественному изменению эксплуататорского строя. Поэтому для марксиста реформа, как говорил Ленин, есть всегда «побочный продукт революционной классовой борьбы». Марксист, вооружённый диалектикой, смотрит вперёд и соизмеряет каждый свой шаг с конечной целью. Если та или иная реформа помогает борьбе за конечную цель, марксист признаёт её и способствует её завоеванию. Более того, он подвергает резкой критике тех, кто отрицает всякую борьбу за реформы. Но марксист рассматривает эту борьбу не как самоцель, а лишь как частичку революционной борьбы за коренное качественное изменение общественного строя, за свержение капитализма. В противоположность оппортунисту, для которого конечная цель — «ничто», для марксиста она — всё, и поэтому в своей деятельности он ни на минуту не упускает из виду перспективу развития.

И. В. Сталин глубоко и точно определил соотношение революции и реформы с точки зрения марксизма:

«Для реформиста реформа — всё, революционная же работа — так себе, для разговора, для отвода глаз. Поэтому реформа при реформистской тактике в условиях существования буржуазной власти неизбежно

превращается в орудие укрепления этой власти, в орудие разложения революции.

Для революционера же, наоборот, главное — революционная работа, а не реформа, — для него реформа есть побочный продукт революции. Поэтому реформа при революционной тактике в условиях существования буржуазной власти, естественно, превращается в орудие разложения этой власти, в орудие укрепления революции, в опорный пункт для дальнейшего развития революционного движения» [1].

Ленин и Сталин учат, что после победы пролетарской революции и установления диктатуры пролетариата характер реформ становится иным. Диктатура пролетариата глубоко заинтересована в том, чтобы общество развивалось беспрепятственно, она не задерживает подобно буржуазному государству прогресс общества, а, наоборот, всеми мерами способствует этому прогрессу. Поэтому реформы, предпринимаемые социалистическим государством, — это нечто прямо противоположное реформам при капиталистическом строе. Например, наше Советское государство осуществляет реформы во всех областях экономической, политической и культурной жизни. Они, эти реформы, преследуют одну цель: сделать жизнь советского народа ещё краше, ещё больше укрепить основы социалистического строя, умножить его силы.

«Реформа при таких условиях,—говорит И. В. Сталин,— превращается... в свою противоположность» [2].

Наша партия в своей борьбе за новую, советскую, социалистическую Россию руководствовалась этим ленинско-сталинским пониманием вопроса о соотношении революции и реформы, и это диалектическое понимание помогало ей всегда сочетать борьбу за те или иные политические и экономические реформы, улучшающие положение народных масс, с основным, с решающим — с революционной борьбой за свержение помещичье-капиталистического строя и установление нового, социалистического строя.

---

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 6, стр. 166.
[2] Там же, стр. 167.

Сила нашей большевистской партии, сплачивавшей и готовившей массы к революции, заключалась всегда в том, что её тактика, лозунги, формы борьбы основывались на точном учёте объективно неизбежной диалектики человеческой истории. В самом деле, если развитие проходит две неотделимые друг от друга стадии, если эволюционные и скачкообразные формы изменения находятся в тесной зависимости друг от друга и обусловливают друг друга, то в практической деятельности первостепенное значение приобретает уменье видеть эту взаимозависимость двух форм движения, уменье не забегать вперёд, пока эволюционная стадия процесса не закончена и не исчерпала себя, терпеливо собирать и подготовлять силы, не брезгуя никакой «мелкой работой», и, напротив, способность определить момент, когда достаточно накоплено сил, чтобы совершить скачок из одного качественного состояния в другое и перейти к решительному штурму отжившего. Поэтому партия разоблачала бланкизм и заговорщическую тактику как тактику, обречённую на провал, и тщательно организовывала рабочий класс для предстоящих битв. Но, когда условия созревали для решительных действий, партия смело звала массы в бой, клеймила трусость и приспособленчество оппортунистов, выдвигала лозунги, дававшие возможность в полной мере проявиться революционно-творческой энергии масс.

В работах товарища Сталина, посвящённых стратегии и тактике коммунистической партии, — «О политической стратегии и тактике русских коммунистов. (Набросок плана брошюры)», «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов» и других — замечательно тонко разработан вопрос о соотношении эволюционных и революционных форм движения при выборе тактики, тактических лозунгов борьбы. Товарищ Сталин показывает, как важно учитывать степень подготовленности к решительным формам борьбы. Он определяет ступеньки, этапы в собирании, организации и подготовке сил к революционному штурму. Прежде чем какой-нибудь лозунг превратится в прямую директиву действовать, он, этот лозунг, выступает вначале как «лозунг пропаганды», затем как «лозунг агитации» и, наконец, как «лозунг действия».

Смешивать лозунг агитации, например, с лозунгом действия, говорит И. В. Сталин, значит итти на преждевременное выступление и наверняка обречь это выступление на провал.

Так, лозунг «Вся власть Советам», указывает товарищ Сталин, был в начале апреля 1917 г. лозунгом пропаганды. Товарищ Сталин имеет в виду «Апрельские тезисы» Ленина. Задача состояла на этом этапе развития русской революции в том, чтобы чётко определить перспективы перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, наметить план борьбы за это перерастание, сплотить партию для осуществления этой цели. О немедленном свержении Временного правительства не могло быть и речи, так как большевики в Советах находились пока ещё в меньшинстве, там господствовали меньшевики и эсеры, которым ещё верили многие трудящиеся, нужна была огромная разъяснительная и организаторская работа среди масс.

Позже лозунг «Вся власть Советам» стал лозунгом агитации. С этим лозунгом партия пошла в широкие массы. Но именно в этот период, во время апрельской демонстрации, была сделана ошибочная и опасная попытка отождествить этот лозунг с лозунгом действия. Небольшая группа членов Петроградского комитета большевистской партии (Багдатьев и др.) выставила вопреки линии партии лозунг немедленного свержения Временного правительства. Партия осудила это выступление как авантюристическое.

Только в октябре этот лозунг стал лозунгом действия. К этому времени произошли решающие перемены. Советы в Петрограде и Москве перешли на сторону большевиков. Ленин указывал, что большинство народа за большевистскую партию, за её политику. Назревало вооружённое восстание. 10 октября ЦК партии принял решение о подготовке вооружённого восстания и предложил всем организациям руководствоваться в своих действиях этим решением.

Наконец, в конце октября лозунг «Вся власть Советам» стал из лозунга действия лозунгом-директивой.

Каждый из этих этапов, когда лозунг «Вся власть Советам» выступал то как лозунг пропаганды, то как ло-

лунг агитации, то как лозунг действия, обозначал степень постепенного вызревания сил, предпосылок, необходимых для осуществления основной стратегической задачи — революционного перехода власти к пролетариату.

Этот пример ясно показывает, как большевистская партия умело строит свою тактику на учёте объективной диалектики развития, включающей в себя как эволюционные, так и революционные формы движения, переход одной формы в другую.

Эти черты большевистской тактики ярко проявились в период ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» указывается: «Это был глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года» [1].

Обосновывая новую политику по отношению к кулачеству, товарищ Сталин говорил, что такое наступление, такой скачок невозможны были лет пять назад. «Это было бы опаснейшим авантюризмом. Это было бы опаснейшей игрой в наступление» [2]. Почему? Потому, что скачок из одного качественного состояния в другое ещё не был подготовлен. Кулак производил в 1927 г. более 600 млн. пудов хлеба, а вывозил на рынок около 130 млн. Колхозы же и совхозы производили всего 80 млн. пудов хлеба, а вывозили на рынок около 35 млн. Ясно, что наступление на кулачество в этих условиях было невозможно, оно привело бы лишь к усилению позиций кулачества. Выражаясь языком диалектики, количественные изменения не могли тогда ещё перейти в качественные изменения. Вот почему, говорит товарищ Сталин, когда в 1926—1927 гг. зиновьевско-троцкистская оппозиция навязывала партии политику немедленного наступления на кулачество, партия не пошла на этот шаг.

Партия терпеливо готовила наступление. В 1929 г. условия коренным образом изменились. Выросла

---

[1] «История ВКП(б), Краткий курс», стр. 291.
[2] *И. В. Сталин,* Соч., т. 12, стр. 167.

промышленность, начавшая массовую выработку тракторов и машин для сельского хозяйства, крестьянские массы убедились в преимуществах коллективного хозяйства перед единоличным. В деревне выросла сильная опорная сеть колхозов и совхозов. Увеличилось производство хлеба колхозами и совхозами (в 1930 г. колхозы и совхозы дали более 400 млн. пудов товарного хлеба). Всё это создало наряду с другими обстоятельствами благоприятные условия для революционного скачка, для подлинно большевистского наступления на последний оплот капитализма в нашей стране. И это наступление увенчалось полным успехом.

Таково значение положения марксистской диалектики об эволюционной и революционной формах движения и их взаимозависимости для практической деятельности коммунистической партии.

5. Поступательный, прогрессивный характер развития. Развитие от простого к сложному, от низшего к высшему

Итак, закон перехода количественных изменений в качественные даёт возможность научно изобразить картину того, как совершается качественное изменение предметов, как возникает новое.

Но имеется ещё очень существенный вопрос, выяснение которого необходимо для того, чтобы эта картина стала полной. Это вопрос о том, существует ли какая-нибудь закономерность в смене качественно различных предметов, закономерность, обусловливающая определённую тенденцию, определённое направление развития? Представляет ли собой процесс развития мира замкнутый, вечно повторяющий себя круг или он имеет характер поступательного движения?

В социологии прошлого имели место различные теории круговорота, утверждавшие, что развитие общества, достигая какой-то точки, возвращается к началу и затем снова воспроизводит уже существовавшее. Такова, на-

пример, была теория итальянского философа Вико. Человечество с точки зрения этой теории, проходя различные стадии своего развития и достигая высшей ступени, затем возвращается к исходному пункту. Французская философия XVIII века, предварившая политическую революцию буржуазии против феодализма, выступала под знаменем прогресса и утверждала принципы бесконечного развития человечества. Но представления этой философии о прогрессе были довольно поверхностными, не говоря уже о том, что она выдавала прогресс буржуазного общества за общечеловеческий, абсолютный прогресс. Вообще же буржуазная философия не сумела дать сколько-нибудь глубокой и последовательной теории прогрессивного развития общества. Пример с Гегелем может быть в этом отношении показательным. Провозгласив диалектическое развитие как закон, Гегель не хотел и не мог сделать все выводы из него и, как известно, ограничил процесс развития определёнными историческими рамками. По Гегелю, человечество, достигнув в прусской монархии высшей ступени, уже не может развиваться дальше. В этом взгляде на характер развития ярко сказалась классовая тенденция гегелевской философии, приверженность Гегеля к старому прусско-юнкерскому строю, который он хотел несколько подновить на буржуазный лад.

В буржуазной философии эпохи империализма господствует отрицание общественного прогресса и получают широкое распространение новейшие реакционные теории круговорота, возврата назад, неспособности человеческого общества к бесконечному поступательному развитию. Невозможность разрешить противоречия капиталистического общества на почве буржуазных порядков, экономические кризисы, периодически повторяющиеся войны и разрушение культуры воспринимаются буржуазными идеологами как вечные и неотъемлемые свойства человеческого общества вообще. Широкий отклик упадочнические настроения получают в художественной литературе, в искусстве. Достаточно вспомнить «Остров пингвинов» Анатоля Франса. Сатирически изобразив в этой книге историю человеческого общества и пустив по адресу

капиталистической цивилизации тучи ядовитых стрел, писатель не смог увидеть будущего. Волей писателя история цивилизации завершается взрывом многомиллионного города, символизирующего современное общество, человечество снова возвращается в первобытное состояние. «Это, пожалуй, лучший выход из положения», — говорит герой романа, взрывающий город. Но, вернувшись в своё первобытное состояние, общество постепенно набирает силы и снова достигает ступени губительной цивилизации. Этим заканчивается роман. Но ясно его продолжение — человечество снова будет отброшено назад. Таким образом, не сумев представить человеческую историю в её развитии, писатель исказил перспективу. Позже А. Франс нашёл путь к правде, к пониманию действительного развития общества и стал членом Французской коммунистической партии.

В философии империалистического направления апологетика варварства, «критика» достижений человеческой культуры, проповедь возврата к нравам дикости становятся ведущими идеями. В этом смысле фашизм, который возвёл подобные идеи в ранг философии целого государства, лишь довёл до логического конца то развитие откровенно империалистической философии, которая ещё в конце XIX века имела своими представителями Фридриха Ницше, Освальда Шпенглера и других мракобесов.

Ницше считал «величайшим» своим открытием «теорию вечного возвращения». Суть этой теории в утверждении, что ни в природе, ни в обществе нет никакой закономерности, которую можно было бы обозначить как прогресс, как поступательное развитие. Мир — это хаос, лишённый всяких объективных тенденций, и в нём господствует лишь сила. Кто сильнее, тот господин. И так как мир во времени бесконечен, а силы ограничены, то всё снова повторяется.

Если Ницше и признаёт «прогресс», то лишь одного рода — превращение всего человечества в рабов ради процветания кучки «сверхчеловеков».

«Величина прогресса, — говорит он, — измеряется количеством того, чем пришлось ему пожертвовать. Человечество, пожертвованное во всей своей массе процвета-

нию отдельного, более сильного вида человека, — это было бы прогрессом».

Современные американо-английские империалисты пытаются осуществить эту разбойничью теорию «прогресса» на практике. Они готовы были бы уничтожить большинство человечества ради «процветания» кучки капиталистических гангстеров.

Процесс разложения и омертвления буржуазии некоторые её идеологи склонны выдать за наступление эры мировой катастрофы, в которой должен погибнуть человек, исчерпавший уже, на их взгляд, все свои творческие возможности.

В современной буржуазной философии и литературе всё громче и громче раздаются голоса о конце человечества. Философы и литераторы говорят об одряхлении «дерева жизни», о «судорогах века мрака», о «последних, предсмертных спазмах цивилизации» и т. п.

Американский писатель О'Нейль заявил, что «человеческой расе давно уже пора исчезнуть с лица земли и дать возможность муравьям сделать обитаемой вселенную». Английский писатель Олдос Хаксли в своей книге «Вечная философия» сообщил миру, что цель жизни — небытие или полное растворение в «Абсолюте». Герберт Уэллс, никогда не понимавший истинных законов жизни, но всё же ратовавший за прогресс и заявлявший о своей вере в человечество, в своих последних романах писал о ничтожестве человека, о скорой его гибели. Перед смертью он написал книгу под характерным названием «Мышление, исчерпавшее себя».

«Звёзды в своём курсе, — пишет он, — обратились против человека, и он должен уступить место какому-то другому животному, лучше приспособленному к тому, чтобы бороться с приближающейся гибелью». Возможно, говорит он, это новое животное будет продолжением человеческого племени. «Но оно безусловно не будет человеческим».

Едва ли нужно доказывать, что «крах человечества» происходит лишь в воображении буржуазных интеллигентов, насмерть перепуганных отвратительной картиной

разложения и маразма буржуазного общества и буржуазной культуры. Не человек, не человечество исчерпали свои возможности, а тот строй рабства и угнетения, который душит человека, лишая его самых элементарных условий, необходимых для развития. И лишь идеологи буржуазии воспринимают исторический процесс, закономерно ведущий к гибели капитализма, как гибель всего человечества.

Очень ярко выразил эту психологию умирающего класса Джинс. В своей книге «Движение миров» он пишет о вселенной:

«Она живёт своей жизнью и идёт по дороге от рождения к смерти так же, как и все мы, так как наука не знает другого изменения, кроме перехода к старости, и никакого другого процесса, кроме движения к могиле».

«Движение к могиле» — так понимают развитие буржуазные идеологи.

Они боятся признать, что такой характер имеет лишь развитие современного капитализма, действительно идущего к могиле. Но смерть капитализма есть вместе с тем жизнь нового, освобождённого от капиталистического гнёта человечества.

Марксистская диалектика противостоит всем теориям круговорота, возврата назад и т. п. как теория, утверждающая поступательное, прогрессивное развитие. Этим она ещё раз демонстрирует, что диалектический метод — оружие того класса, который не боится будущего, который заинтересован в поступательном развитии человечества.

Принцип поступательного характера развития непосредственно вытекает из закона перехода количественных изменений в качественные. Охарактеризовав сущность этого закона, показав, что развитие происходит как качественное изменение явлений, товарищ Сталин пишет:

«Поэтому диалектический метод считает, что процесс развития следует понимать не как движение по кругу, не как простое повторение пройденного, а как движение поступательное, как движение по восходящей линии, как переход от старого качественного состояния к новому ка-

чественному состоянию, как развитие от простого к сложному, от низшего к высшему»[1].

Развитие по восходящей линии, от низшего и простого к высшему и сложному — объективный закон развития природы и общества.

Когда процесс количественного изменения какого-нибудь явления завершается качественным изменением и возникновением нового явления, а это последнее само впоследствии качественно изменяется, то в этом движении мы наблюдаем строгую закономерность: каждая новая историческая ступень развития есть более высокая и более сложная, нежели предыдущая. Конечно, этот процесс чрезвычайно противоречив и меньше всего напоминает прямую линию, но основная тенденция развития именно такова. Это ясно видно на любом примере.

Первобытный человек, впервые изготовивший грубое каменное орудие, уже создал предпосылку для прогресса орудий производства. От каменного топора движение техники могло итти только вперёд. От современной машины, дающей возможность всё большего и большего совершенствования техники, нет и не может быть движения к каменному топору.

И, действительно, орудия производства постепенно улучшались, претерпевали эволюцию. На известной ступени вместо каменных орудий стали изготовляться бронзовые, а затем и металлические орудия. Это был скачок в развитии техники. Дальнейшее развитие происходило уже на новой, более высокой качественной основе: изменялись, совершенствовались уже не каменные, а металлические орудия, и эта эволюция неизбежно и закономерно должна была в свою очередь увенчаться новыми качественными изменениями техники производства, новыми скачками. Таким скачком было создание машин.

Маркс в «Капитале» указывает, что в механическом ткацком станке в его первоначальной форме легко узнать старинный ручной ткацкий станок. Но это уже качественно новая ступень в развитии техники, ибо то, что делал раньше рабочий своими орудиями, делает сейчас

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 537.

механизм. «После того, — пишет Маркс, — как орудие в собственном смысле слова перешло от человека к механизму, машина заступает место простого орудия» [1].

Машина как качественно новая ступень приносит с собой и новые количественные изменения: раньше человек мог действовать лишь одним орудием — механизм приводит в движение много орудий. Прядильщики, которые одновременно могли бы прясть две нитки, встречаются так же редко, говорит Маркс, как двуголовые люди. «Напротив, дженни (прядильная машина. — *М. Р.*) уже с самого своего появления прядет 12—18 веретенами, чулочно-вязальная машина разом вяжет многими тысячами спиц и т. д.» [2]

Появление механизма, машины, заменившей прежнее орудие, в свою очередь стало основой дальнейшего развития, подготовлявшего новые качественные изменения. Увеличение размеров машины и количества орудий, которые она приводит в движение, привело к тому, что рабочего как двигательную силу заменяет машина. Настал век пара, паровой машины. Наш век — век более высокой техники, век электричества и химии. А впереди уже вырисовывается новая эра — эра ещё более сложной техники, основанной на применении атомной энергии.

Как видим, в силу процесса, выражаемого законом перехода количественных изменений в качественные, развитие не случайно, а закономерно идёт по восходящей линии, имеет характер поступательного развития: низшее превращается в высшее, простое — в сложное.

Каждое качественное изменение есть отрицание старого качественного состояния явлений. В процессе развития этот элемент отрицания играет огромную роль. Без него не могло бы быть развития. И марксистская диалектика придаёт этому элементу отрицания как условию поступательного развития большое значение.

Есть, конечно, и такое отрицание, которое не служит условием развития. Так, например, вместо того чтобы семя посадить в землю, его просто уничтожают. И есть

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, 1949, стр. 380.
[2] Там же.

отрицание другого рода, отрицание, которое служит условием развития: посаженное в землю семя «отрицается» возникающим из него растением. Понятно, что такое отрицание есть необходимый элемент развития.

Ленин говорит: «Не голое отрицание, не зряшное отрицание, *не скептическое* отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике, — которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент, — нет, а отрицание, как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного...» [1]

Это — прекрасное определение диалектического понимания отрицания, дающее возможность понять, почему развитие имеет поступательный характер. Качественно новое явление не есть «голое», «зряшное» отрицание старого. Новое возникает из старого, удерживая всё положительное, что было в нём, развивая это положительное. Но приходит время, когда оно в свою очередь заменяется качественно новым явлением, которое опять-таки удерживает всё положительное, приобретённое на предыдущих ступенях развития, совершенствуя это положительное, поднимая его на новую ступень, делая его богаче, конкретнее и т. д. Отсюда и определённое закономерное направление развития: это не движение по кругу, не повторение пройдённого, а движение по восходящей линии.

И. В. Сталин в своей работе «Марксизм и вопросы языкознания» высмеял тех «марксистов», которые отрицание старого понимают как уничтожение, отказ от всего положительного, созданного в прошлом.

«У нас были одно время «марксисты», — говорит товарищ Сталин, — которые утверждали, что железные дороги, оставшиеся в нашей стране после Октябрьского переворота, являются буржуазными, что не пристало нам, марксистам, пользоваться ими, что нужно их срыть и построить новые, «пролетарские» дороги. Они получили за это прозвище «троглодитов»...» [2]

---

[1] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 197.

[2] *И. В. Сталин,* Марксизм и вопросы языкознания, 1951, стр. 18—19.

Вся история природы и общества — воплощение закона прогрессивного, поступательного развития.

Вот что писал о развитии растительного мира К. А. Тимирязев.

«Ранее появляются хвощи, папоротники, плауны, все растения споровые (т. е. простые. — *М. Р.*); позднее выступают и семенные растения и из них сначала более простые хвойные и позднее всех самые сложные, самые совершенные по организации — двудольные, которые теперь преобладают на нашей планете. Следовательно, с течением времени к типам, уже существовавшим, присоединялись новые типы растений, осилившие их своей многочисленностью, и притом к простейшим — более сложные» [1].

Если обратиться к истории развития мира животных и проследить её по палеонтологической летописи, то мы увидим ту же картину развития от низшего к высшему, от простого к сложному. Раскопками обнаружены остатки живых существ, населявших землю в самую древнюю, архейскую эру: это были ракообразные, моллюски; вторая эра — палеозойская — даёт более богатый и разнообразный мир — помимо ракообразных и моллюсков водятся уже панцырные рыбы, земноводные существа, первые виды пресмыкающихся; третья эра — мезозойская эра пресмыкающихся: появляются крокодилы, черепахи, змеи, ихтиозавры, ящерицы и т. д.; четвёртая эра — кайнозойская — эра млекопитающих, в которой жизнь всё более и более начинает походить на современную. В начале четвертичного периода этой эры появляется человек.

Дарвинизм и мичуринская биология, как высший, современный этап дарвинизма, объяснили те законы, которые обусловливают поступательное развитие в мире растений и животных. Метафизические теории вейсманизма-морганизма изображают дело так, будто развитие органических форм происходит на какой-то постоянной качественно неизменной наследственной основе. Делаются нелепые выводы о том, что органический мир ныне

---

[1] *К. А. Тимирязев,* Избранные сочинения, т. III, 1949, стр. 324.

развивается якобы уже по нисходящей линии, регрессирует, что «движение вперёд засыпает» (де-Фриз).

Конечно, если бы развитие сводилось к простому воспроизведению существующей наследственности, как утверждают биологи-метафизики, то прогрессивное развитие органического мира было бы невозможно.

Но в действительности развитие какого-нибудь организма не есть простое воспроизведение наследственности, полученной им от предков. В процессе индивидуальной жизни растение или животное вынуждено приспосабливаться к условиям внешней среды, которые всегда так или иначе отличаются от тех условий, в которых жили предки. И так как изменение внешней среды, ведущее к изменению типа обмена веществ, имеет решающее значение в развитии организмов, то наследственность не есть нечто постоянное. В процессе индивидуальной жизни она не просто воспроизводится, а изменяется: старая наследственность со временем уступает место новой. Отсюда и определённое направление развития растений и животных — поступательное развитие от низшего к высшему, от простого к сложному.

«Организмы, — пишет академик Лысенко, — всегда обладают свойством повторять пройдённый их предками путь развития, но так как условия внешней среды никогда не бывают ни для одного растения абсолютно такими же, какими они были для предков, то и получается, что никогда наследственность семян не бывает абсолютно такой же, какой она была у семян предыдущих поколений. Таким путём и идёт через изменение старой создание новой наследственности» [1].

Путь от простого к сложному, от низшего к высшему проделывает и человеческое общество. От первобытно-общинного строя с его примитивной техникой и культурой и полной подчинённостью человека природе к современному обществу, базирующемуся на высокоразвитой технике и растущем господстве людей над природой, от нищеты и порабощения трудящихся масс в классовом

[1] *Т. Д. Лысенко,* Агробиология, изд. 3, 1948, стр. 194.

антагонистическом обществе к свободе и благосостоянию народа при социализме — таков путь исторического развития человечества. Каждая общественно-экономическая формация означает новый шаг в поступательном движении общества. Первобытно-общинный строй, рабовладельческое общество, феодализм, капитализм, социализм — таковы основные вехи этой единой закономерной линии прогресса человечества.

В общественной жизни за отживающим старым и нарастающим новым стоят определённые классы. Эти классы ведут между собой борьбу, которая в конечном счёте неизбежно завершается победой исторически-прогрессивных, передовых классов, ибо эти классы выражают объективные потребности дальнейшего поступательного развития общества.

Когда-то Гегель оклеветал китайский народ, изобразив его как материал для «мгновенного» выражения одной из ступеней развития «абсолютной идеи». К дальнейшему развитию китайцы как народ, по Гегелю, уже не были способны. Они обрекались философом на прозябание, на «внеисторическое» неизменное существование. Как жалко выглядят эти «пророчества» в свете современных событий, когда китайский народ, возглавляемый коммунистической партией, сбросил с себя иго империализма и завоевал широкие, безграничные просторы для своего поступательного развития! Не мнимое историческое «предназначение», а старый, отживший строй, реакционные силы международного империализма держали в оковах китайский народ. До поры до времени силы нового были слабее сил старого, веками существовавшего. Но они росли, укреплялись и в конце концов одержали великую победу. В политическом отношении эта победа одним ударом превратила Китай в несравнимо более передовую страну, чем другие страны, в которых господствуют империалисты и которые кичатся своей мнимой «цивилизованностью».

Современный этап в развитии общества характеризуется ожесточённой борьбой между силами нового, силами мира, демократии и социализма, с одной стороны,

и силами старого, силами империализма, пытающимися задержать поступательное развитие человечества, — с другой.

Но уже завоёвана и записана в истории качественно новая ступень в развитии общества — ступень социализма. Социализм же характеризуется тем, что он впервые за всю длительную историю создаёт условия для безостановочного и всестороннего прогресса всех материальных и духовных сил человечества.

6. Закон перехода от старого качества к новому в условиях советского социалистического общества

Как и все законы диалектического развития, закон перехода от старого качества к новому качеству действует и проявляется по-новому после ликвидации капиталистического строя и установления строя социалистического. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в СССР, ликвидация эксплуататорских классов и достижение морально-политического единства всего советского общества означают такой решительный перелом в ходе истории, что общие закономерности развития в новых условиях не могут не видоизменяться очень существенным образом.

Анализ развития нашего советского общества и его форм, изучение тех теоретических обобщений нового характера развития при социализме, которые даёт И. В. Сталин, позволяют ясно определить, каковы особенности проявления закона перехода количественных изменений в качественные в условиях социализма.

В обществах, основанных на антагонистических отношениях, на противоположности враждебных классов, крупные качественные изменения, скачки неизбежно имели форму политических революций, форму взрывов. В «Нищете философии» Маркс отмечал, что, пока существует капитализм, до тех пор антагонизм между пролетариатом и буржуазией останется классовой борьбой, которая, будучи доведена до высшей степени своего напряжения, является полною революцией.

Но уже тогда Маркс указывал, что с уничтожением капитализма положение коренным образом изменится.

«Только при таком порядке вещей, — говорил он, когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями*» [1].

Сейчас в советском социалистическом обществе уже нет *антагонистических* классов. Основные классы советского общества — рабочие и крестьяне — являются дружественными классами, отношения между которыми основаны на взаимопомощи и сотрудничестве. Социалистические производственные отношения создают неограниченные возможности для развития производительных сил. В рамках социалистического способа производства никогда не может возникнуть такое положение, которое имело место в старых формациях, когда растущие производительные силы вступали в конфликт с производственными отношениями и когда конфликт этот мог быть разрешён лишь революцией, *взрывом* старого порядка вещей.

В работе «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин показал, как изменились формы перехода от старого качества к новому после ликвидации враждебных классов в нашем обществе. Указав, что переход путём взрыва «обязателен для общества, разделённого на враждебные классы», товарищ Сталин пишет:

«Но он вовсе не обязателен для общества, не имеющего враждебных классов. В течение 8—10 лет мы осуществили в сельском хозяйстве нашей страны переход от буржуазного индивидуально-крестьянского строя к социалистическому, колхозному строю. Это была революция, ликвидировавшая старый буржуазный хозяйственный строй в деревне и создавшая новый, социалистический строй. Однако этот переворот совершился не путём взрыва, т. е. не путём свержения существующей власти и создания новой власти, а путём постепенного перехода от старого буржуазного строя в деревне к новому. А удалось это проделать потому, что это была революция сверху,

[1] *К. Маркс,* Нищета философии, Госполитиздат, 1941, стр. 140.

что переворот был совершён по инициативе существующей власти при поддержке основных масс крестьянства»[1].

Указание товарища Сталина насчёт того, что переворот в деревне был совершён Советской властью сверху, при поддержке основных масс крестьянства снизу, имеет кардинальное значение для понимания новой природы скачков и форм перехода от старого качества к новому в социалистическом обществе.

При господстве рабовладельцев, феодалов, капиталистов закономерно назревавшие перевороты совершались *вопреки* желаниям и воле господствующего класса. Наоборот, господствующие классы были ярыми врагами победы нового, более прогрессивного строя, ибо такая победа означала гибель этих классов. Поэтому, когда назревал переворот в существующем общественном строе, то он осуществлялся *снизу* угнетёнными массами. И так как господствующий класс, используя всю силу своей государственной власти, сопротивлялся этому перевороту, то последний неизбежно происходил путём революционного взрыва.

Иначе говоря, перевороты имели характер переворотов снизу при сопротивлении сверху. Поэтому характерная и закономерная для старого антагонистического общества картина перехода от старого качества к новому была такова: в недрах старого общества медленно созревали объективные предпосылки для перехода к качественно новому, более прогрессивному строю; когда наступал момент для этого перехода, силы старого общества всеми мерами сопротивлялись его осуществлению; вследствие этого только революционный взрыв, насильственное уничтожение старого, отжившего строя могло раскрепостить силы нового, созревшие в недрах старого общества, и расчистить дорогу для дальнейшего общественного развития.

После победы социалистической революции положение коренным образом изменилось. Вся деятельность

[1] *И. В. Сталин*, Марксизм и вопросы языкознания, 1951, стр. 29.

Советского государства и коммунистической партии строится в полном соответствии с объективно необходимым процессом развития общества. Дело уже не обстоит так, как в старом обществе, где новое стихийно зарождается в недрах старого, а существующая власть препятствует его развитию. Напротив, само государство, партия насаждают это новое, снимают все рогатки на пути его развития, активно помогают осуществиться исторической необходимости. Такой исторической необходимостью, например, был переход от старого, буржуазного хозяйственного строя в деревне к новому, социалистическому строю. Партия и государство сознательно, всей своей политикой подготовили и осуществили этот переход. Поэтому для осуществления коренного качественного изменения строя деревни при наличии Советской власти не потребовалось никакого взрыва.

Далее, в советском обществе господствующая власть и народ — это не антиподы, не враждебные, противостоящие друг другу силы, а единая, неразрывно слитая сила. Господствующая власть выражает интересы рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, воплощает в жизнь их самые кровные жизненные цели. Поэтому все переходы от старого качества к новому, подготовляемые и осуществляемые государственной властью, коммунистической партией, встречают полную поддержку снизу.

Такие скачки, как индустриализация, как коллективизация, как культурная революция, были осуществлены в нашей стране властью и народом. Отсюда их новый характер: они не нуждались в взрыве существующего, в свержении господствующей у нас власти, они были этой властью при поддержке народа планомерно и постепенно подготовлены и проведены в жизнь.

Мы можем это видеть и на примере решения в нашей стране задачи постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Эту задачу товарищ Сталин поставил ещё на XVIII съезде ВКП(б). Как же осуществляется решение этой величайшей задачи, выполнение которой будет озна

чить скачок, переход с низшей стадии коммунизма на высшую его стадию?

Для того чтобы выполнить эту задачу, необходим новый мощный подъём экономики страны, дальнейшее развитие культуры, коммунистическое воспитание масс.

Партия — руководящая сила советского общества и государства — разрабатывает конкретные планы развития народного хозяйства, реализация которых позволит создать необходимую материальную базу для перехода к коммунизму.

Руководствуясь марксистско-ленинским учением о законах общественного развития, партия ставит перед советским народом определённую цель, намечает научно обоснованную и реальную перспективу развития к коммунизму. Товарищ Сталин в выступлении перед избирателями в 1946 г. показал, что значит конкретно создание материальной базы коммунизма. Ежегодно производить 50 млн. тонн чугуна, до 60 млн. тонн стали, до 500 млн. тонн угля, до 60 млн. тонн нефти — такова совершенно ясная программа в области экономического строительства. Достижение этого уровня в развитии производительных сил советского общества будет означать решение основной экономической задачи, которую И. В. Сталин поставил на XVIII съезде ВКП(б), задачи догнать и перегнать главные капиталистические страны в размерах производства на душу населения.

Плановый характер социалистической экономики позволяет партии и государству создавать такие научно обоснованные планы поступательного развития во всех областях народного хозяйства — в промышленности, земледелии, животноводстве, на транспорте, в товарообороте и т. д.

По инициативе государственной власти намечена и осуществляется грандиозная программа преобразования природы, строительства крупнейших гидростанций, каналов, систем орошения.

Эти планы постепенного перехода к коммунизму подсказаны снизу народными массами, в них они видят отражение своих кровных интересов, своей мечты о покорении природы, о создании изобилия материальной и

духовной культуры. Понятно, что планы, намечаемые государственной властью сверху во исполнение стремлений самого народа, находят в массах всемерную поддержку. В этой поддержке заключается *главная,* решающая сила государственных планов, их реальность и жизненность. Вспомним, как товарищ Сталин определил роль народных масс в выполнении первого пятилетнего плана. Говоря в своём докладе «Итоги первой пятилетки» о тех основных силах, которые, несмотря на все трудности, обеспечили эту историческую победу, товарищ Сталин сказал:

«Это, прежде всего, активность и самоотверженность, энтузиазм и инициатива миллионных масс рабочих и колхозников, развивших вместе с инженерно-техническими силами колоссальную энергию по разворачиванию социалистического соревнования и ударничества. Не может быть сомнения, что без этого обстоятельства мы не могли бы добиться цели, не могли бы двинуться вперёд ни на шаг» [1].

Эти слова И. В. Сталина в полной мере относятся и к послевоенной пятилетке, выполнение и перевыполнение которой были также обеспечены активностью народных масс.

Не случайно на современном этапе нашего развития, когда советский народ выполняет предначертанные партией планы движения к коммунизму, как никогда расцвела творческая инициатива и энергия масс, возникло множество новых форм социалистического соревнования, имеющих колоссальное значение для дальнейшего повышения производительности труда, для развития народного хозяйства. И в этом факте как нельзя ярче находит свое выражение то движение снизу навстречу государственным планам, то гармоническое сочетание деятельности государственной власти и деятельности народных масс, которое составляет новую, впервые возникшую в истории человечества, особенность развития общества.

Борьбой за более высокую производительность труда в промышленности и сельском хозяйстве, за сохранность

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 13, стр. 213.

и развитие социалистической собственности, за точное выполнение государственных планов, критикой и самокритикой недостатков, устранением всего, что тормозит движение вперёд, массы помогают осуществить мероприятия, намечаемые государством сверху.

Естественно, что в таких условиях скачки при переходе от старого к новому необходимо теряют присущую им в антагонистическом обществе форму внезапных взрывов. Переход от социализма к коммунизму будет осуществлён государственной властью и массами под руководством коммунистической партии планомерно, путём постепенного накопления необходимых для этого предпосылок и по мере создания этих предпосылок.

Постепенность и планомерность этого перехода, однако, не означает, что здесь не будет иметь места скачок. Следует помнить слова Энгельса, что «при всей постепенности, переход от одной формы движения к другой всегда остается скачком, решающим поворотом» [1].

Новые исторические условия, созданные победой социализма, вовсе не означают, что развитие происходит без скачков, без качественного изменения. Скачки остаются, меняются лишь их характер, их формы. Возьмём, например, такую важную сторону общего процесса перехода от социализма к коммунизму, как преодоление пережитков капитализма в сознании людей.

Несомненно, это преодоление пережитков означает глубокое качественное изменение сознания людей. Без полной ликвидации пережитков капитализма в сознании людей невозможно перейти от низшей к высшей стадии коммунизма. Однако это качественное изменение происходит и произойдёт не внезапно и быстро, а постепенно, в порядке накопления элементов нового качества и исчезновения элементов старого качества.

Форма перехода от старого качества к новому целиком зависит от исторических условий, в которых этот переход совершается. Товарищ Сталин на примере развития языка показал, что есть явления, качественное изменение которых совершается не путём внезапных взрывов,

[1] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, 1950, стр. 63.

«а путём постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путём постепенного отмирания элементов старого качества» [1].

Таким же путём осуществляется переход от старого качества к новому в сознании советских людей. Воспитательная работа коммунистической партии, государственной власти, практическая борьба за коммунизм, борьба между передовым и отсталым в области сознания людей имеют своим следствием постепенное, но неуклонное отмирание старых навыков, старых взглядов, старой психологии, возникших и развивавшихся на почве капитализма, и развитие новых взглядов, новой, социалистической психологии людей. В начале нашей революции коммунистические субботники, выражавшие новое отношение к труду, были единичным явлением. Теперь новое, социалистическое отношение к труду стало массовым явлением. То же можно сказать об отношении к социалистической собственности и т. д. Новые взгляды, новая психология не могут появиться внезапно. Это — длительный и сложный процесс постепенного отмирания элементов старого качества и постепенного накопления элементов нового качества.

Но при всей постепенности этого процесса речь идёт не о количественном изменении старого, возникшего на базе капитализма, сознания людей, а о *качественном* его изменении. Только это качественное изменение имеет форму не внезапного взрыва, а форму постепенного перехода от старого качества к новому.

Разумеется, сказанное не означает, что в развитии отдельных сторон советского общества не имеют и не могут иметь места и внезапные, быстрые скачки, вызывающие существенные изменения в тех или иных областях, скажем, техники, науки и т. п. Такие скачки имеют место. Например, крупные технические изобретения способны вызвать и вызывают целую революцию в производстве, в строительном деле и т. д. Так, применение мощных шагающих экскаваторов, бульдозеров, землесосов и другой

[1] *И. В. Сталин,* Марксизм и вопросы языкознания, 1951, стр. 23.

современной техники на великих стройках коммунизма несомненно является революционным скачком в строительном деле, позволяющим в невиданно короткие сроки осуществлять грандиозные планы строительства.

Из факта коренного изменения условий общественного развития при социализме вытекает и следующая новая особенность действия закона перехода от старого качества к новому.

Раньше скачки, вызывающие коренное качественное преобразование старого, никем сознательно не готовились. Это был стихийный процесс. Никто, например, в рамках феодального строя не готовил экономику для перехода от феодализма к капитализму, так же как и никто не развивал производительные силы капитализма с целью подготовки условий для перехода к социализму. Как в первом, так и во втором случае само стихийное развитие материальных условий жизни общества подводило последнее к коренному качественному изменению. Только тогда, когда объективные, независимые от человека, условия требовали скачка, люди начинали осознавать происшедшие изменения и вступали в сознательную борьбу с целью изменения господствующих порядков.

Иное положение мы видим в советском обществе. Здесь люди, руководимые коммунистической партией, сознательно овладевают и управляют законом скачкообразного развития. Такие грандиозные скачки, изменившие лик нашей страны, как индустриализация и коллективизация, не были стихийным процессом. Наше общество сознательно подготавливало эти скачки и сознательно их осуществляло, преследуя цель построения социализма. Столь же сознательно оно накапливает сейчас силы для постепенного перехода с низшей стадии коммунизма на высшую.

Наконец, ещё одна новая черта характеризует скачки в нашем обществе. Сознательное управление законом скачкообразного развития, активное участие миллионов и десятков миллионов людей в строительстве нового мира имеют то важное следствие, что сроки подготовки скачков значительно сокращаются. Раньше периоды эволюционного вызревания нового охватывали большие

промежутки времени. Сотни лет создавались условия для перехода от феодализма к капитализму. В рамках самого капитализма большим качественным сдвигам также предшествовали длительные периоды медленных эволюционных изменений.

Советское общество благодаря тому, что оно устранило препятствия, тормозящие развитие производительных сил, экономики и культуры, чрезвычайно ускоряет процессы вызревания сил, необходимых для совершения перехода от старого качества к новому.

Таким образом, закон перехода количественных изменений в качественные, взаимосвязь эволюционного и скачкообразного периодов развития конкретизируются, претерпевают существенные изменения в новых исторических условиях социализма по сравнению со старым обществом, основанным на классовом антагонизме.

* *
*

Сделаем краткие выводы.

1. Метафизическая теория развития сводится к представлению о развитии как процессе чисто количественного движения готовых тел. Отрицание качественных изменений, скачков, признание одной лишь эволюционной формы — таковы основные положения метафизического понимания развития.

2. Марксистская диалектика объясняет изменения в природе и обществе, уничтожение старого и возникновение нового как переход количественных изменений в коренные качественные. Всякое явление, всякий предмет есть единство качественной и количественной сторон. Количественные изменения, до поры до времени не затрагивая существующего качества, на определённой ступени закономерно приводят к изменению качества предмета, к возникновению нового по своему качеству предмета.

3. Движение имеет двоякую форму: эволюционную и революционную. Эволюция подготовляет революцию, революция завершает, увенчивает эволюцию и создаёт условия для нового развития.

Следовательно, всякое количественное изменение прерывается скачком, изменяющим качественное состояние предмета. Развитие есть единство непрерывного и прерывного, скачкообразного движения. При этом переход от старого к новому, скачок может происходить и происходит в разных формах — как в форме быстрого, внезапного изменения, так и в форме медленного, постепенного накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества.

4. Так как развитие есть качественное изменение явлений, то оно означает не топтание на месте, не движение по кругу, а поступательное, прогрессивное развитие, благодаря чему движение идёт по восходящей линии, от низшего к высшему, от простого к сложному.

5. Метафизическая теория количественного развития— основа оппортунизма и реформизма в политике. Диалектический взгляд на развитие, как на переход количественных изменений в качественные, предполагающий признание скачков, признание единства эволюции и революции, является теоретической основой революционной политики партии пролетариата. Чтобы не ошибиться в политике, говорит товарищ Сталин, нужно быть революционером, а не реформистом.

6. В условиях социалистического общества закон перехода от старого качества к новому приобретает новые черты, новые формы проявления. Переход к новому качеству в жизни общества, не имеющего враждебных классов, совершается не путём взрывов или политических революций, а постепенно и планомерно, и эти переходы подготавливаются и сознательно осуществляются государственной властью сверху при поддержке народных масс снизу.

ГЛАВА V

РАЗВИТИЕ КАК БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

1. «Ядро» марксистской диалектики

Классики марксизма-ленинизма, раскрывая содержание материалистической диалектики, особенно важное значение придавали закону борьбы противоположностей.

Те характеристики диалектики, которые мы находим в ленинских высказываниях, показывают, что Ленин считал положение о борьбе противоположностей центральным пунктом марксистской революционной диалектики.

Ленин писал:

«Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть *суть*... диалектики»[1].

«Вкратце диалектику можно определить, как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики...»[2]

Товарищ Сталин также указывает, что в основе развития лежит борьба противоположностей.

Можно с полным правом сказать, что положение о противоречивом характере развития служит пробным камнем, на котором проверяется содержательность и глубина той или иной теории, её классовое направление. Особенно, как увидим, это справедливо в применении к политике, в которой признание или отрицание внутренних противоречий общественного развития приводит к очень важным практическим выводам.

Какие же стороны действительности вскрывает этот важнейший закон диалектики?

---

[1] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 327.

[2] Там же, стр. 194.

Если учение марксистской диалектики о связи и взаимозависимости явлений, о развитии и движении отражает процесс взаимодействия явлений и беспрерывного изменения и обновления природы, если закон перехода количественных изменений в качественные показывает, как происходит развитие от старого к новому, то закон единства и борьбы противоположностей вскрывает источник вечного движения и обновления мира. Этот источник марксистская диалектика и находит в борьбе противоположностей, во внутренних противоречиях, свойственных всем явлениям и процессам.

Противопоставляя две концепции развития, которые имели место в истории философии и борьба между которыми не прекратилась и в настоящее время, Ленин видит основное различие между ними именно в том, что метафизическая концепция или неправильно, ненаучно решает этот вопрос, или вовсе обходит его, в то время как диалектическая концепция ставит его в центре внимания и решает правильно.

Ленин пишет:

«Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, *и* развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними). При первой концепции движения остается в тени *само*движение, его *движательная* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *во вне* — бог, субъект etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание *источника «само»*движения. Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая — жизненна. *Только* вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового» [1].

Ленин, как видим, связывает «мертвенность» и «су-

[1] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 327—328.

хость» метафизики главным образом с неправильным решением вопроса о противоречиях.

Для метафизика каждая вещь, каждое явление есть очищенное от внутренних противоречий, мёртвое, абстрактное тождество.

«В вещах, — писал один из типичных метафизиков, Дюринг, — нет никаких противоречий или, иными словами, признание противоречия реальностью само является верхом бессмыслицы...» [1]

Современная буржуазная философия не останавливается перед самой грубой фальсификацией действительности, чтобы выдать полный вопиющих противоречий капиталистический мир за некую беспротиворечивую «целостность», где царствуют «гармония» и «согласие». Следует напомнить, что в недавнем прошлом именно гитлеризм широко эксплуатировал реакционную идею о капиталистическом обществе как «биологической целостности», лишённой внутренних противоречий, и использовал эту идею для свирепой террористической расправы с рабочим классом, для подавления освободительного движения. Ныне по этому пути идут американские империалисты. Один из американских реакционных социологов, Бернард, стремится доказать, что на буржуазное общество надо смотреть, как «на организованное функционирующее единое целое», без внутренних противоречий, без классовой борьбы. Другой американский «философ», Хоккинг, также верой и правдой служащий империализму, говорит о необходимости «проложить мост через пропасть между классами вопреки всем противоречиям материальных интересов». Дьюи противопоставляет марксистской теории классовой борьбы свою насквозь лживую, рассчитанную на обман трудящихся теорию «социальной кооперации». Модная ныне в империалистической и реформистской «философии» проповедь космополитического «мирового правительства», отказа от национального суверенитета, фарисейские разглагольствования об «общности» угнетающих и угнетённых классов и наций призваны прикрыть,

[1] См. *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1950, стр. 112.

припрятать непримиримые и всё более обостряющиеся противоречия умирающего капитализма и облегчить путь американскому империализму к мировому господству.

Вслед за откровенными идеологами империализма метафизическую теорию отрицания внутренних противоречий используют реформисты — эти агенты буржуазии в рабочем движении, имеющие уже немалый стаж борьбы против марксистской диалектики. Ещё Бернштейн называл «философию развития из противоположностей и в противоположностях» «самым роковым пунктом» учения Маркса и Энгельса. Эта связь между метафизическим отрицанием диалектических противоположностей в явлениях и процессах и оппортунистической политикой классового мира не случайна: метафизические представления о явлениях как мёртвом тождестве, исключающем всякие противоречия, и соответственно этому отрицание глубочайших классовых противоречий и борьбы классов как движущей силы развития капиталистического общества есть один из важнейших теоретических корней оппортунизма и реформизма.

Марксу и Энгельсу, Ленину и Сталину пришлось на протяжении всей истории рабочего движения вести борьбу против своры предателей пролетариата, разномастных реформистов и оппортунистов, сознательно замазывавших противоречия общественной жизни, непримиримость интересов пролетариата и буржуазии.

И на современном этапе так называемые «правые социалисты» прибегают ко всякого рода софизмам, чтобы обмануть рабочий класс и привязать его к колеснице американо-английского империализма.

Точка зрения абстрактного мёртвого тождества предметов, отрицание внутренних противоречий в предметах и явлениях есть основа основ метафизического метода, главный источник метафизического извращения сущности развития. Отсюда, из этого источника, вытекают все остальные принципы метафизики. Если предметы равны самим себе и не содержат в себе никаких противоречий, то тем самым они превращаются в предметы безжизненные, лишённые всяких внутренних стимулов развития.

Следовательно, материя сама по себе пассивна и нуждается в том, чтобы какая-то посторонняя сила сделала её способной к движению. Стало быть, движение, развитие неизбежно понимается как движение готовых, раз навсегда данных тел, т. е. как движение, в процессе которого не может возникнуть новое. Значит, движение есть лишь чисто количественное изменение, не приводящее к скачкам, к качественному изменению предметов.

Гегель правильно считал вопрос о противоречиях тем пунктом, который отличает всякую плохую философию от того, что единственно заслуживает названия философии. Называя метафизическое определение предмета определением «мертвенного бытия», Гегель вместо абстрактного метафизического принципа тождества предметов выдвинул принцип противоречий, который он считал более глубоким и более существенным. Противоречие, согласно Гегелю, «есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью» [1].

Но насколько верно называть вопрос о противоречиях пробным камнем всякой теории, показывает пример того же Гегеля. Гегель не мог научно развить этот диалектический принцип, так как из последовательного развития этого принципа вытекают слишком острые политические выводы. Поэтому Гегель всячески заглушал революционную сущность диалектического учения о противоречиях, превращая «алгебру революции» в средство метафизического примирения и «опосредствования» противоположностей.

Только марксистская диалектика, опираясь на достижения науки и на опыт классовой борьбы пролетариата, дала стройное и проверенное историей, глубоко прогрессивное и революционное учение о противоречиях как источнике развития.

---

[1] *Гегель*, Соч., т. V, 1937, стр. 520

2. Внутренние противоречия в предметах и явлениях. Борьба противоположностей — источник, движущая сила развития

В своей работе «О диалектическом и историческом материализме» товарищ Сталин даёт следующее классическое определение сущности диалектического учения о противоречиях:

«В противоположность метафизике диалектика исходит из того, что предметам природы, явлениям природы свойственны внутренние противоречия, ибо все они имеют свою отрицательную и положительную сторону, свое прошлое и будущее, свое отживающее и развивающееся, что борьба этих противоположностей, борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, между отживающим и развивающимся, составляет внутреннее содержание процесса развития, внутреннее содержание превращения количественных изменений в качественные.

Поэтому диалектический метод считает, что процесс развития от низшего к высшему протекает не в порядке гармонического развертывания явлений, а в порядке раскрытия противоречий, свойственных предметам, явлениям, и порядке «борьбы» противоположных тенденций, действующих на основе этих противоречий»[1].

Как видно из этой характеристики, марксистская диалектика в отличие от метафизики требует рассматривать предметы и явления как содержащие в себе внутренние противоречия.

Каждая вещь, каждое явление, каждый процесс, учит марксистская диалектика, есть единство противоположностей: «вещь (явление etc.),— пишет Ленин,— как сумма и *единство противоположностей*»[2].

Это положение диалектики имеет универсальное значение: нет такого явления ни в природе, ни в общественной жизни, которое бы не подходило под это определение диалектики. В своём фрагменте «К вопросу о диалек-

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 539.
[2] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 193.

тике» Ленин подтверждает это на примерах из основных областей науки. Он пишет:

«В математике + и —. Дифференциал и интеграл.
» механике действие и противодействие.
» физике положительное и отрицательное электричество.
» химии соединение и диссоциация атомов.
» общественной науке классовая борьба» [1].

Следовательно, рассматривать предметы, игнорируя их внутренние противоречия, значит производить насилие над их объективной природой. Все предметы и явления суть единство противоположностей, они внутренне противоречивы и содержат в себе такие стороны, тенденции, которые выступают по отношению друг к другу как противоположности. Отсюда и вывод, который делает Ленин: «Условие познания всех процессов мира в их *«самодвижении»*, в их спонтанейном развитии, в их живой жизни, есть познание их, как единства противоположностей» [2].

Ещё в древнегреческой философии метафизики отрицали движение на том основании, что оно имеет противоречивый характер. Зенон в своих знаменитых апориях пытался опровергнуть понятие движения, ссылаясь на его противоречивость. Не может быть одно и то же, говорил он, и тем и другим, т. е. содержать в себе противоречие. И, пытаясь подтвердить выводы своего учителя Парменида о неподвижном и неизменном бытии, Зенон прибегал к поискам противоречий в самом понятии «движения». Сам не сознавая этого, он находил действительные, реальные противоречия, но из верных фактов делал неверные выводы, утверждая, что так как движение есть явное противоречие, то оно не существует.

Какие же противоречия находил Зенон в движении? Рассмотрим некоторые из его доказательств.

Чтобы пройти какой-нибудь путь и достигнуть цели, говорил Зенон, нужно сначала пройти половину этого

---

[1] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 327.
[2] Там же.

пути, но в свою очередь, чтобы пройти эту половину, нужно опять-таки пройти половину этой половины и т. д. Таким образом, цель никогда не может быть достигнута, стало быть движение невозможно.

По этой причине быстроногий Ахиллес никогда не сможет догнать медленно движущейся черепахи, ибо когда Ахиллес достигнет точки, до которой ранее доползла черепаха, последняя пройдёт уже какое-то новое расстояние, и так до бесконечности. Граница, до которой должен дойти догоняющий, это — мираж; она вечно ускользает, и перешагнуть её он не может.

Летящая стрела, указывал далее Зенон, на самом деле не движется, а покоится то в одной точке пространства, то в другой. Стрела, находящаяся в данный момент в данном месте, покоится, а не движется, ибо она находится только в данном месте. Она не может одновременно быть и в данном и в другом месте. А из суммы покоев не может получиться движения.

Таким образом, заключал Зенон, движение есть явление явно противоречивое. Значит, его нет и не может быть.

Все аргументы Зенона падают вместе с признанием диалектического характера движения как объективного противоречия, как единства противоположностей — конечного и бесконечного, прерывного и непрерывного. На деле движущееся тело *в одно и то же время* находится *в разных точках* пространства, т. е. движение есть явное противоречие.

В свете этого признания простым софизмом выглядит положение о том, что, прежде чем достигнуть какой-нибудь цели, тело должно пройти половину расстояния и так далее до бесконечности. На самом деле, движущемуся телу нет нужды сначала дойти до этой точки, а потом до другой и т. д. Оно может сразу находиться и в этой и уже в другой точке, т. е. преодолеть мнимые границы, воздвигаемые на его пути Зеноном.

Поэтому и Ахиллесу не стоит труда догнать и обогнать черепаху, если учесть, что их разделяет не бесконечное пространство, а конечное, ибо пространство, как и время, есть единство противоположностей; оно и бесконечно и конечно, непрерывно и прерывно. В действительности

Ахиллесу нужно в конечное время пройти не бесконечное, а конечное пространство, и это он может проделать без того, чтобы попасть в заколдованный круг, создаваемый для него стараниями Зенона.

Столь же неосновательно и доказательство с помощью летящей стрелы.

Если бы пространство и время были только прерывны, т. е. состояли из отделённых друг от друга точек, тогда действительно следовало бы согласиться с Зеноном, что стрела не может двигаться, ибо она находится в одно время в одной точке, в другое время в другой, следовательно, покоится. На деле же пространство и время не только прерывны, но и непрерывны, все точки соединяются в непрерывную линию, что даёт возможность стреле одновременно находиться и в данной точке и в другой, т. е. двигаться.

Итак, в объективной действительности нет взятой сама по себе непрерывности или прерывности пространства и времени, а есть лишь противоположности, которые немыслимы и не существуют друг без друга: непрерывность предполагает свою противоположность — прерывность, и наоборот. Они — единство противоположностей.

В «Философских тетрадях» Ленина мы находим глубокое диалектико-материалистическое определение движения как единства противоречий.

«Движение, — пишет Ленин, — есть сущность времени и пространства. Два основных понятия выражают эту сущность: (бесконечная) непрерывность (Kontinuität) и «пунктуальность» (= отрицание непрерывности, *прерывность*). Движение есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства). Движение есть противоречие, есть единство противоречий» [1].

Ленин в своих заметках в «Философских тетрадях» подвергает критике махиста Чернова, который выступил против положения Энгельса о противоречивом характере движения.

---

[1] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 211.

В «Анти-Дюринге» Энгельс писал:

«Движение само есть противоречие; уже простое механическое перемещение может осуществиться лишь в силу того, что тело в один и тот же момент времени находится в данном месте и одновременно — в другом, что оно находится в одном и том же месте и не находится в нем. Постоянное возникновение и одновременное разрешение этого противоречия — и есть именно движение» [1].

Махист Чернов попытался «опровергнуть» Энгельса старым метафизическим аргументом, который выдвинул ещё Зенон. Он утверждал, что Энгельс неправ, так как-де на самом деле движущееся тело находится в данный момент в данном месте, в другой момент — в другом месте и т. д. Ленин разоблачает махиста, доказывая, что своим возражением он не устраняет диалектической противоречивости движения, а лишь прикрывает, замазывает её. Утверждение, что движение есть нахождение тела то в одном месте, то в другом, говорит Ленин, «описывает *результат* движения, а не *само* движение...» [2]

Насколько неуменье встать на диалектическую точку зрения в понимании движения как единства противоположностей запутывает проблему движения и используется в целях защиты идеализма, показывает новейшая буржуазная философия. Французский философ-идеалист Анри Бергсон выдвинул идею так называемой «чистой длительности». Смысл этой идеи состоит в отрицании объективной непрерывности пространства и времени. Непрерывность как «чистая длительность» объявляется свойством сознания, что ведёт к откровенно идеалистическому выводу, будто вне сознания нет реального движения, а есть только положение движущегося тела то в данной точке, то в другой.

«В пространстве, — говорит Бергсон, — находятся только части пространства, и в каком бы месте пространства мы бы ни рассматривали движущееся тело, мы всегда будем иметь только положение». Иначе говоря,

---

[1] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, 1950, стр. 113.

[2] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 242.

для Бергсона пространство есть нечто лишь прерывное, поэтому движения в нём нет и не может быть. Движущееся в пространстве тело якобы покоится в одной или другой точке.

То же говорит Бергсон и о времени. В пространственном движении якобы нет непрерывности времени, а есть лишь одновременность, т. е. механическая сумма «теперь». В данное время тело находится здесь, в другое время там и т. д. Но длительности как непрерывности нет.

Лишь сознание, — причём не разум, а некая мистическая интуиция, — соединяет все эти отдельные моменты в единое непрерывное движение.

Иначе говоря, движение в реальности превращается в чистейшую фикцию, отрицается. Только в сознании есть движение, изменение. Вне же сознания «существует» взаимная «внеположность без последовательности».

Как видим, метафизический подход к реальным пространству и времени, как к абсолютно прерывным явлениям, сознательно используется реакционерами в философии для отрицания движения вне человеческого «я» и перенесения его в область субъективного сознания. Бергсон так и заявляет, что «чистая длительность» не нуждается ни в какой «подпорке» в виде объективного движения и изменения. С этим связано и его отрицание разумного, рационального познания, которое, имея дело с вещами в пространстве, подчиняется им и способно поэтому видеть якобы только положения, статическую рядоположность, а не переход, изменение. Последнее якобы может быть схвачено лишь интуицией.

Учение материалистической диалектики о движении как единстве и борьбе противоположностей, дающее единственно верное понимание сущности движения, является основой подхода ко всем явлениям природы и общества. Понятно поэтому, почему Ленин называл это учение ядром диалектики.

Множество фактов из области наук о природе неопровержимо свидетельствует о том, что прогресс естествознания выражается, помимо всего прочего, в более глубоком раскрытии противоречивой природы явлений. Если атом раньше рассматривался как абсолютное тождество,

без внутренних противоречий, то ныне он рассматривается как единство противоположностей — положительного и отрицательного зарядов электричества, протонов и электронов. В самом ядре атома действуют противоположные силы — силы отталкивания и силы притяжения.

Неодолимое проникновение в естествознание диалектики с её принципом внутренней противоречивости явлений природы прекрасно иллюстрируется на примере таких крупных вопросов физики, как учение о природе света и вещества.

С XVII века до недавнего времени по вопросу о природе света боролись между собой две теории: корпускулярная и волновая. Эти теории базировались на прямо противоположных принципах. Корпускулярная теория света, которую выдвинул Ньютон, утверждала, что свет состоит «из маленьких частиц, выбрасываемых по всем направлениям светящимся телом». Правда, Ньютон не отрицал некоторых достоинств и волновой теории света, но всё же единственно верной он считал корпускулярную теорию.

С точки зрения своей теории Ньютон сумел удовлетворительно объяснить ряд явлений, например прямолинейное распространение света, рефракцию, или преломление света, и т. д. Опираясь на свою гипотезу о свете, он впервые объяснил природу цветов радуги.

В противоположность теории Ньютона в тот же период была выдвинута волновая гипотеза. Представителем этой гипотезы был голландский учёный Гюйгенс. По теории Гюйгенса, свет — это не перемещение частиц, корпускул, а волнообразное движение некоего гипотетического вещества — эфира. Волновая теория света со своих позиций также объяснила ряд явлений. Волновую теорию света развивали Ломоносов, Эйлер.

В середине XIX столетия были обнаружены явления дифракции и интерференции, которые можно было понять лишь с точки зрения волновой теории света. Встречаясь с достаточно малым препятствием, луч света огибает подобно волне его края или, проходя сквозь узкие отверстия, даёт картину чередующихся тёмных и светлых областей в виде колец, полос или пятен, разлагается на со-

ставные цвета (диффракция). Аналогичная картина наблюдается при встрече двух пучков света (интерференция).

Так как эти явления не могли быть объяснены с точки зрения корпускулярной теории, то XIX век принёс победу волновой теории света.

Однако современные физические открытия привели к выводу о том, что и та и другая теории дают одностороннюю трактовку вопроса о природе света. Если явления диффракции и интерференции с несомненностью свидетельствуют о волновой природе света, то такие факты, как фотоэлектрический эффект, эффект Комптона, химические действия света и некоторые другие, можно объяснить, лишь принимая во внимание корпускулярную природу света.

Так, например, фотоэлектрический эффект, основные законы которого установлены выдающимся русским учёным А. Г. Столетовым, можно понять лишь при том условии, если учесть, что свет излучается прерывно, в виде строго определённых порций, или квантов, энергии. Сущность фотоэффекта заключается в том, что падающий на металлическую поверхность свет с определённой длиной волны вырывает из атомов металла электроны, которым передаёт часть своей энергии. При этом скорость вырванного фотоэлектрона нисколько не зависит от интенсивности света. Если бы мы здесь имели дело с волновыми свойствами света, то увеличение интенсивности световой энергии должно было бы иметь своим следствием увеличение скорости фотоэлектронов. На деле этого нет, следовательно, фотоэффект можно объяснить лишь тем, что свет есть поток фотонов, каждый из которых при известных условиях передаёт свою энергию вырываемым электронам. Скорость и энергия таких электронов определяются энергией поглощённого фотона.

Таким образом, в фотоэффекте ясно обнаруживается, что свет состоит из световых квантов, т. е. имеет корпускулярную природу. Так наука раскрыла противоречивую сущность света, выражающуюся в том, что одни световые явления могут быть объяснены, если принять во внимание волновую природу света, другие — если принять во вни-

мание его корпускулярную природу. Свет оказался внутренне противоречивым явлением. Это и частицы и волны.

Оценивая философский смысл этого факта, известный французский физик П. Ланжевен говорил:

«Начиная с конца XVII в. боролись две теории, чтобы установить свойства света: теория эмиссии и теория волн. В середине XIX в. считали, что спор решён в пользу волновой теории. Новая механика, вытекающая из теории относительности, нарушила этот вывод и позволила квантовой теории поставить вопрос диалектически» [1].

Наука в наше время привела к такой же диалектической постановке и вопроса о природе вещества — электронов, протонов и других частиц.

В 1924 г. была выдвинута гипотеза (де Бройля) о том, что не только свет, но и вещество имеет двойственную, противоречивую природу — волновую и корпускулярную. Вскоре эта гипотеза была подтверждена на опыте. Оказалось, что движение электронов и других частиц также даёт явления интерференции и дифракции, что, следовательно, всякая частица вещества обладает волновыми свойствами.

Таким образом, и здесь мы видим пример торжества диалектического понимания природы. Полностью оправдываются слова Ленина о том, что современная физика «рожает диалектический материализм» [2]. В этой связи интересно привести высказывания самих естествоиспытателей.

Академик С. Вавилов, обобщая новые достижения физики, нарисовал яркую картину неудержимого проникновения диалектики в науку о материи:

«Жёсткая антитеза старой физики: прерывное и непрерывное, атомы и эфир, корпускулы и волны вдруг предстали пред физиками в неоспоримом единстве. Энергия и импульс световых волн сконцентрировались в дискретных световых атомах-фотонах, в то время как движение атомов и электронов определилось законами волн, со всеми их сложностями, дифракцией и интерференцией. Всякая волна, световая, звуковая, упругая, получила своё отображение в частице, и обратно.

[1] *П. Ланжевен,* Избранные произведения, М. 1949 стр. 419.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, изд. 4, стр. 299.

Вековечное противоположение вещества и света рухнуло с не меньшей несомненностью. Свет в известных условиях оказался превращающимся в вещество, раскрывая свою диалектическую, противоречивую сущность и вещественной паре отрицательного электрона и положительного позитрона.

Интерпретация явлений в атомном ядре и около него потребовала диалектического партнёра к таким, казалось бы, твердыням унитаризма, как ньютонова масса и майерова энергия...

Слово «диалектика» под подавляющим впечатлением перечисленных явлений, законов, понятий срывается теперь с языка у физиков, даже незнакомых или чуждых и даже враждебных диалектическому материализму»[1].

В этом же духе высказывается и П. Ланжевен: «Следует признать, — говорит он, — что я хорошо понял историю физики только с того момента, когда познакомился с основными идеями диалектического материализма»[2].

Если в некоторых науках о природе только сейчас, на наших глазах, происходит процесс перехода на позиции материалистической диалектики, то в области исследования общественных отношений марксистская наука давно принесла победу диалектике. Марксизм давно доказал, что всякое классовое общество представляет собой внутренне противоречивый организм. Рабовладельческое общество основано на противоположности класса рабовладельцев и класса рабов, феодальное — на противоположности класса феодалов и крестьянства, капиталистическое — на противоположности буржуазии и пролетариата. Социалистическое общество знает свои особые противоречия, в корне отличные от противоречий антагонистического общества.

Таким образом, науки о природе, так же как и марксистская наука об обществе, показывают справедливость положения диалектики о том, что всякая вещь, всякое явление есть единство противоположностей.

---

[1] «Успехи физических наук», т. XXVI, вып. 2, М. — Л. 1944, стр. 124.

[2] *П. Ланжевен,* Избранные произведения, М. 1949, стр. 420.

Но противоположные стороны, присущие предметам и явлениям природы и общества, не просто сосуществуют рядом, а находятся между собой в состоянии *борьбы*.

Ленин вслед за словами о том, что предметы являются единством противоположностей, пишет:

«*борьба* respective развертывание этих противоположностей, противоречивость стремлений etc.» [1]

Товарищ Сталин говорит, что «борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, между отживающим и развивающимся, составляет внутреннее содержание процесса развития...» [2]

В явлениях и процессах одна противоположность выражает старое, прошлое, отмирающее, отживающее, другая — новое, будущее, нарождающееся, развивающееся. Одна противоположность — начало консервативное, другая — начало революционное, одна стремится сохранить существующее, другая — разрушить или изменить его.

Понятно поэтому, что противоположности находятся в состоянии борьбы. И именно *борьба противоположностей* есть глубочайший источник развития. «Развитие, — говорит Ленин, — есть «борьба» противоположностей» [3].

Следующие примеры покажут всё значение *борьбы* противоположностей как источника, стимула, мотива развития.

В «Диалектике природы» Энгельс пишет о процессе развития органического мира: «...теория развития показывает, как, начиная с простой клетки, каждый шаг вперед до наисложнейшего растения, с одной стороны, и до человека — с другой, совершается через постоянную борьбу наследственности и приспособления» [4].

Наследственность и изменчивость и есть те две противоположности, борьба которых служит причиной, источником развития, изменения органических форм, движения от низших форм к высшим. Одна из этих противоположностей — наследственность, есть начало консервативное, стремящееся удержать существующее; другая противоположность — приспособление органических форм к окру-

[1] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 193.
[2] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 539.
[3] *В. И. Ленин,* Философские тетради, стр. 327.
[4] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, 1950, стр. 166.

жающим условиям, изменчивость, есть начало революционное, выступающее против уже сложившегося, «борющееся» со старой наследственностью, изменяющее её, прививающее ей новые признаки. Без такой борьбы не могло бы быть изменения, развития органических форм. Из этой борьбы возникают новые свойства, признаки растений или животных, которые, передаваясь по наследству, закрепляются.

В природе этот процесс борьбы противоположностей совершается стихийно. Но человек, сознательно управляющий жизнью растений или животных, создаёт искусственные условия, которые приводят к тем же результатам.

Работы наших советских учёных (Мичурин, Лысенко и др.) дают огромный и интереснейший материал для понимания этого закона развития в применении к живой природе.

Управляя законом развития органических форм путём «борьбы противоположностей», мичуринцы сознательно вызывают и направляют эту борьбу в выгодную для нужд сельского хозяйства сторону. Так, например, задавшись целью превратить яровую пшеницу в озимую, они ставят её в необычные условия существования (пониженная температура). Старая наследственность, концентрировавшая в себе в ряде предшествующих поколений иные внешние условия — повышенную температуру при посеве и произрастании, — вступает в конфликт, борьбу с новыми условиями. Новое поколение получится с «расшатанной» противоречивой наследственностью, которая делает организм податливым к влиянию внешних условий. Борьба между наследственностью и изменчивостью под решающим воздействием определённых внешних условий будет через несколько поколений иметь своим результатом изчезновение старого и возникновение нового, превращение яровой пшеницы в озимую.

Не менее ярким подтверждением диалектической теории развития путём борьбы противоположностей служит великое учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности.

Историческая заслуга Павлова состоит в том, что он раскрыл законы самой сложной и трудной для изучения

области развития живой природы — законы высшей нервной деятельности. Павлов нанёс смертельный удар идеалистическим теориям, объясняющим психическую деятельность нематериальными причинами. Учение Павлова неопровержимо доказало, что психическая деятельность является результатом воздействия объективного мира на нервную систему, на органы чувств животных и человека, что вне этого воздействия невозможна никакая психическая деятельность. Тем самым учение Павлова подвело несокрушимый естественно-научный фундамент под марксистско-ленинскую теорию отражения.

Теория условных рефлексов Павлова внесла огромный вклад в учение дарвинизма о развитии органического мира, показала значение факта установления временных связей между организмами и внешней средой для приспособления животных к окружающим их условиям.

Вместе с тем картина нервной деятельности, которую рисует Павлов, исключительно диалектична. Его физиологические исследования дают яркий пример диалектики, возникающей под давлением самих фактов и явлений природы.

Высшую нервную деятельность животных Павлов рассматривает как сложный и беспрерывный процесс развития и изменения. Установив, что организм существует среди окружающей природы только «благодаря определённым реакциям животной системы на падающие на неё извне раздражения», Павлов показывает, что так как внешняя среда чрезвычайно разнообразна и находится в состоянии развития, то и нервной деятельности присуща чрезвычайная подвижность и изменчивость, иначе животные не смогут правильно отражать колебание среды и, следовательно, биологически к ней приспособиться. Деятельность нервной системы — это беспрерывная смена рефлексов, рождение, возбуждение одних, угасание, затухание других. Здесь нет ничего раз навсегда данного, неизменного, всё имеет характер текучести, изменчивости.

Но примечательно в учении Павлова не только то, что оно раскрывает высшую нервную деятельность как явление, в котором всё развивается и изменяется, но и то, что в основе этого развития, по Павлову, лежат внутренние

противоречия и борьба этих противоречий есть двигательная сила психической деятельности. Уже само возникновение новых условных рефлексов происходит в борьбе со старыми условными рефлексами, которые в данный момент излишни, мешают верному отражению среды; «...так как условные рефлексы, — пишет Павлов, имеют своим местом высший отдел нервной системы, где постоянно сталкиваются бесчисленные влияния внешнего мира, то понятно, что между разнообразными условными рефлексами идёт беспрерывная борьба или выбор в каждый данный момент» [1].

Высшая нервная деятельность, как показал Павлов, представляет единство таких противоположных процессов, как раздражение и торможение, как иррадиирование (распространение процесса раздражения или торможения по коре больших полушарий головного мозга) и концентрирование (сосредоточение нервного процесса в каком-либо одном пункте коры). Павлов даже проводил аналогию между раздражением и торможением, с одной стороны, и положительным и отрицательным электричеством — с другой.

«Нервная деятельность вообще состоит из явлений раздражения и торможения, — говорит Павлов. — Это есть как бы две половины одной нервной деятельности. Может быть, не будет особенным проступком, если для пояснения позволю себе сказать, что это что-то вроде положительного и отрицательного электричества» [2].

И, подобно тому как атом состоит из противоположностей — положительного заряда электричества и отрицательного, — подобно этому и нормальная психическая деятельность представляет сочетание и борьбу таких противоположных процессов, как раздражение и торможение. В каждый данный момент в коре головного мозга под влиянием разнообразных условий происходит возбуждение одних процессов и торможение других.

«Образование условного рефлекса, — пишет Павлов, — основано на раздражительном процессе, но этим

[1] *И. П. Павлов,* Полное собрание сочинений, т. III, книга первая, 1951, стр. 119—120.

[2] Там же, стр. 159.

дело не ограничивается. Для получения правильного отношения организма к внешнему миру необходимо не только образование временных связей, но и постоянное и быстрое корригирование этих связей, когда эти временные связи при определённых условиях не оправдываются действительностью, т. е. их отмена. И эта отмена временных связей осуществляется при помощи торможения» [1].

Таким образом, сочетание, единство того и другого процессов, «борьба» между ними в интересах правильной реакции на внешние или внутренние раздражения — вот что лежит в основе нервной деятельности.

Павлов, далее, установил, что раздражение и торможение обладают способностью иррадиировать и концентрироваться. Процессы иррадиирования и концентрирования лежат в основе аналитической и синтетической деятельности животных, деятельности, которая позволяет им биологически приспосабливаться к окружающей их среде.

Когда, например, у животного вырабатывается условный рефлекс на какой-нибудь тон, скажем, в 1 000 колебаний в секунду, то возбуждение, вызванное этим, иррадиирует, и животное будет реагировать и на соседние тона — в 900 или 1 010 колебаний. Но если в дальнейшем эти соседние тона не подкреплять подкармливанием животного, то они со временем перестанут действовать, действительным останется лишь тот тон, на который выработан условный рефлекс. Происходит, иначе говоря, концентрирование возбуждения с помощью процесса торможения. Процесс иррадиирования сталкивается с процессом концентрирования, и борьба между ними завершается определённым «балансом», который позволяет животному правильно ориентироваться в действительности.

Здесь мы опять-таки имеем яркий пример единства и борьбы противоположностей — пример, прекрасно подтверждающий всеобщее, всеобъемлющее значение законов диалектики, в данном случае — закона единства и борьбы противоположностей.

Сам Павлов говорит о единстве и борьбе этих проти-

[1] *И. П. Павлов,* Полное собрание сочинений, т. III, книга вторая, 1951, стр. 24.

воположных процессов, выражаемых законом иррадиирования и законом концентрирования.

«Ясно, — заявляет он, — что эти законы по существу противоположны: в первом случае мы имеем дело с разливом раздражения, а в другом — с сосредоточением его в отдельном пункте» [1].

О борьбе между ними он говорит:

«Таким образом приходится представлять себе некоторую борьбу между двумя противоположными процессами, кончающуюся в норме известным равновесием между ними, известным балансом» [2].

«На этом, — говорит он в другом месте, — основывается высшая жизненная ориентировка... Надо быть проникнутым мыслью, что эти два противоположных процесса одинаково важны, одинаково существенны в нервной деятельности» [3].

Приведённые примеры достаточно красноречиво показывают истинность тезиса марксистской диалектики о борьбе противоположностей как двигательной силе развития в природе, в данном случае — в живой природе.

Ещё ярче и обнажённей, чем в природе, происходит борьба между старым и новым, отживающим и нарождающимся в человеческом обществе. Ярче и обнажённей потому, что здесь действуют классы, сознающие свою враждебную противоположность (речь идёт об антагонистическом обществе) и сознательно выступающие друг против друга. В дальнейшем вопрос о проявлении закона развития путём борьбы противоположностей в обществе будет рассмотрен специально.

Таким образом, источником, двигательной силой развития является борьба противоположностей — борьба между старым и новым, отживающим и развивающимся. При этом борьбу противоположных сторон и тенденций не следует брать статично, как нечто одноактное. На деле — это целый процесс, процесс исторического «развертыва-

[1] *И. П. Павлов,* Полное собрание сочинений, т. III, книга первая, 1951, стр. 204.

[2] *И. П. Павлов,* Полное собрание сочинений, т. III, книга вторая, 1951, стр. 37.

[3] Там же, стр. 81.

ния» (*Ленин*) противоположностей, «раскрытия противоречий» (*Сталин*). Развитие от низшего к высшему нельзя рассматривать как процесс *примирения* противоречий. Противоречия в действительности не примиряются, а преодолеваются путём борьбы. Поэтому развитие идёт путём «раскрытия противоречий», «развёртывания противоположностей», т. е. углубления, обострения их, что имеет своим закономерным результатом переход от старого к новому, отмирание старого и возникновение нового.

Такое понимание развития противоречий кладёт резкую грань между материалистической диалектикой Маркса и идеалистической диалектикой Гегеля. Ещё в одной из своих ранних работ, выступая против гегелевского стремления примирить, нейтрализовать противоречия, Маркс писал, что «*резкость действительных противоположностей* считается чем-то вредным или что считают нужным по возможности помешать превращению этих противоположностей в крайности, между тем как это превращение означает не что иное, как, с одной стороны, их самопознание, так, с другой стороны — их воодушевление к решительной взаимной борьбе...» [1]

В «Капитале» Маркс писал: «...развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой» [2].

Конечно, процесс раскрытия, развёртывания противоречий протекает по-разному в разных исторических условиях, в разных предметах и явлениях. Как будет показано дальше, существуют различные типы противоречий, и поэтому характер и формы разрешения, преодоления неодинаковых по своей природе противоречий также неодинаков. Так, например, совершенно разную природу, а следовательно, и формы преодоления, имеют противоречия в условиях капитализма и в условиях социализма. Однако при всех условиях развитие совершается не посредством примирения, нейтрализации противоречий, а посредством борьбы, хотя борьба эта и имеет разные формы.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. I, 1938, стр. 589.
[2] *К. Маркс*, Капитал, т. I, 1949, стр. 493.

В противовес метафизическим теориям замазывания и примирения противоречий революционное существо марксистской диалектики заключается в признании борьбы противоположностей источником развития.

Из того факта, что развитие совершается путём раскрытия, развёртывания противоречий, завершающихся уничтожением старого и возникновением нового, следует важный вывод: всякое *единство* противоположностей относительно, временно, преходяще; *борьба* же противоположностей абсолютна. Это и понятно. Если бы единство было абсолютно, тогда предметы и явления оставались бы совершенно неизменными.

Но именно так подходят к развитию метафизики, апологеты отживающего, отмирающего: они абсолютизируют единство и игнорируют главное — борьбу противоположностей. Об одном из таких защитников капитализма — Д. Милле — Маркс писал: «Где экономическое отношение,— следовательно также категории, которые его выражают,— содержит противоположности, представляет противоречие и именно единство противоречий, он подчеркивает момент *единства* противоположностей и отрицает *противоположности*» [1].

Понятно поэтому, какое важное значение имеет положение диалектики об абсолютности борьбы и относительности единства противоположностей. Борьба противоположностей — это тот вечный огонь Гераклита, который уничтожает, снимает, отрицает отмирающее и отживающее для того, чтобы дать место новому, развивающемуся и нарождающемуся.

Борьба противоположностей завершается преодолением противоречий, *переходом* от старого к новому. Ленин и Сталин придают важное значение моменту перехода от старого к новому, особенно вопросу о том, в каких формах должен совершиться этот переход.

В «Философских тетрадях» Ленин пишет: «не только единство противоположностей, но *переходы* каждого определения, качества, черты, стороны, свойства в *каждое* другое...» [2]

[1] *К. Маркс*, Теории прибавочной стоимости, т. III, 1936, стр. 66.
[2] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 193.

Необходимость перехода от старого к новому в процессе диалектического развития совершенно ясна. Если всё развивается, изменяется, то естественно, что результатом изменения будет переход одного в другое, старого состояния в новое. Без такого перехода невозможно было бы развитие, возникновение нового. Но трудность рассматриваемого вопроса не в том, чтобы понять неизбежность и необходимость переходов от старого к новому. Значительно труднее применение этого требования диалектики к живой жизни, где переходы каждого «качества, черты, стороны, свойства в *каждое* другое...» *(Ленин)* чрезвычайно сложны и многообразны.

В связи с этим марксистская диалектика выдвигает требование: при анализе явлений недостаточно констатировать необходимость перехода; самое важное — это отыскать в соответствии с своеобразием исторических условий конкретные формы, конкретные пути перехода одного в другое. Особенно острым становится это требование в моменты коренной ломки социальных отношений, в моменты революций, крушения старых общественных отношений и рождения новых. В такие моменты сама жизнь требует умения выбрать из многих возможностей и форм перехода единственную, которая приведёт к победе новые прогрессивные силы истории.

Ленин зло издевался над теми лжемарксистами, которые ограничивались общими рассуждениями о «борьбе противоположностей». Великий мастер диалектики требовал не общих рассуждений об этой борьбе, а конкретного анализа форм превращения капитализма в его противоположность; «...люди, — писал Ленин, — привыкли абстрактно противополагать капитализм социализму, а между тем и другим глубокомысленно ставили слово: «скачок»...» [1]

Большевистской партии пришлось практически решать вопрос о конкретных формах перехода к социализму, когда Советская страна, отстояв свою независимость в гражданской войне, приступила к строительству социалистического общества. Ленин указывал, что трудность

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 27, изд. 4, стр. 243.

тогда заключалась в том, чтобы найти форму перехода. «Раз самое главное не доделано в основе своей (т. е. не построен экономический фундамент социализма. *М. Р.)*, надо все внимание обратить на это. И трудность тут в форме перехода» [1].

Известно, что Ленин гениально нашёл эту форму перехода от капитализма к социализму в новой экономической политике (нэп).

Перед нашей партией и в дальнейшем неоднократно вставали вопросы о формах перехода, которые так же блестяще решались. Достаточно взять, например, такой вопрос, как коллективизация сельского хозяйства. Этот вопрос не представлял для коммунистов особых трудностей с точки зрения понимания необходимости перехода от мелкособственнического хозяйства к коллективному социалистическому хозяйству. Гораздо труднее было найти конкретные формы перехода к крупному социалистическому сельскому хозяйству, определить основную форму колхозного движения на данном этапе, найти форму взаимоотношения, связи между социалистическим государством и колхозами и т. д.

Эти конкретные формы были найдены благодаря творческому обобщению всей практики, благодаря глубокому диалектическому анализу всей проблемы перехода от мелкого хозяйства к крупному социалистическому, данному в работах товарища Сталина.

В МТС была найдена та форма связи между государством и колхозами, которая позволила подвести высокую техническую базу под сельское хозяйство, сделать его крупным механизированным хозяйством.

В сельскохозяйственной артели была найдена основная форма колхозного движения на современном этапе.

Как показал товарищ Сталин, «артель — более лёгкое дело и более доступна сознанию широких крестьянских масс» [2]. Она соответствует существующему уровню производительных сил сельского хозяйства. Она воплощает единство личных интересов колхозников и интересов обще-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 33, изд. 4, стр. 88.
[2] *И. В. Сталин*, Соч., т. 12, стр. 224.

ственных. Она подготовляет такие условия материального подъёма сельского хозяйства, которые дадут в будущем возможность перейти к более высокой форме колхозного движения — к коммуне.

Вот почему товарищ Сталин дал жестокий отпор тем, кто пытался, искусственно насаждая коммуны, перепрыгнуть через этот длительный этап колхозного движения.

Возьмём далее вопрос о переходе различных стран к социализму. Указывая, что все страны неизбежно придут к социализму, Ленин предупреждал, что нельзя представлять себе этот переход однообразно.

«Все нации, — писал Ленин, — придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни. Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как «во имя исторического материализма» рисовать себе будущее в *этом* отношении одноцветной сероватой краской: это было бы суздальской мазней, не более того» [1].

Есть непреложные общие законы перехода от капитализма к социализму, малейшее пренебрежение которыми опасно для дела социализма, без реализации которых к социализму притти нельзя.

Но эти общие законы в разных исторических условиях проявляются не одинаково, и задача состоит в том, чтобы, как учит ленинизм, «уметь приложить общие и основные принципы коммунизма к тому *своеобразию* отношений между классами и партиями, к тому *своеобразию* в объективном развитии к коммунизму, которое свойственно каждой отдельной стране и которое надо уметь изучить, найти, угадать» [2].

Мы видим на примере стран народной демократии, какое огромное значение имеет это положение ленинизма. В основе развития этих стран к социализму лежат общие законы борьбы за социализм. Народы этих стран не могли

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, изд. 4, стр. 58.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, изд. 4, стр. 69—70.

бы развиваться к социализму без установления диктатуры пролетариата, без борьбы против помещичьих и капиталистических классов, без глубочайших революционных преобразований в области экономики, без использования всего огромного опыта строительства социализма в СССР, указывающего ясный путь к новой жизни.

Вместе с тем мы видим, как своеобразие исторической обстановки, в которой выросли и развивались страны народной демократии, наложило свой особый отпечаток на их путь к социализму. Решающее значение здесь имеет победа Советского Союза — первого в мире социалистического государства — над фашизмом и та помощь, которую оказывает Советское государство народам этих стран в период их мирного строительства. Большое значение имело и то обстоятельство, что страны народной демократии возникли в результате народно-освободительной войны против гитлеризма.

Отсюда такая новая государственная форма, выполняющая функции диктатуры пролетариата, как народная демократия.

Таким образом, недостаточно утверждать, что результатом диалектического процесса развития, в основе которого лежит борьба противоположностей, является переход от старого к новому. Важнейшим требованием диалектики является требование конкретного анализа форм перехода, соответствующих всем условиям обстановки, ибо без этого невозможна успешная практическая деятельность по коммунистическому преобразованию мира.

3. Внутренние и внешние противоположности. Диалектика и теория «равновесия»

Понимая развитие как борьбу противоположностей, марксистская диалектика показывает, что главным источником развития являются внутренние противоречия предметов и явлений, раскрытие, развёртывание, преодоление этих противоречий. Однако помимо внутренних противоречий, свойственных самим предметам, существуют и

внешние противоречия между предметами. Чрезвычайно большое теоретическое и практическое значение имеет выяснение вопроса о соотношении внутренних и внешних противоположностей.

Метафизические теории переносят центр тяжести вопроса об источниках развития на внешние противоположности. Очищая предметы от внутренних противоречий и тем самым отрицая их собственные внутренние стимулы развития, метафизики видят источник развития в столкновении *внешних* противоположностей.

Одной из наиболее распространённых в буржуазной и ревизионистской философии теорий, сформулировавших этот взгляд на развитие, является так называемая теория «равновесия». Эта «теория» имела своих сторонников и в России. Ею пользовались враги нашей партии, для того чтобы философски «обосновать» свою предательскую капитулянтскую политику.

Одним из ревностных проповедников теории «равновесия», пытавшимся превратить её в целую философскую концепцию, был А. Богданов.

Сущность теории «равновесия» состоит в том, что внутренние противоречия в явлениях и предметах отрицаются. Развитие путём борьбы внутренних противоречий заменяется в теории «равновесия» столкновением внешних сил, внешних противоположностей.

«Тело, — писал Богданов, — всегда движется в какой-нибудь *среде*, т. е. в пространственном соотношении с другими телами. Эта среда оказывает ему *сопротивление*, противодействующее механической энергии перемещения; сопротивление может быть значительное или ничтожное... но оно существует, и оно в той или иной мере постепенно уничтожает силу движения. Пока эта сила превышает его, движение продолжается; в известный момент наступает равновесие — и тело останавливается; бывают случаи, когда сопротивление, быстро возрастая, в свою очередь получает перевес, и движение тела сменяется обратным... Здесь есть налицо не только «противоречия» или, вернее, противодействия — термин, гораздо более подходящий для материалистической диалектики: здесь есть и переход количественных изменений в качественные;

уменьшение скорости приводит к смене движения покоем или обратным перемещением».

Такое понимание развития Богданов распространяет на все явления. И вывод, который он делает о развитии, гласит: «От равновесия через нарушающую его борьбу двух сил к новому равновесию».

Такова метафизическая теория «равновесия», противопоставляемая марксистской диалектике. Легко видеть её насквозь механистический характер. Тело само по себе инертно и неподвижно. Оно находится в равновесии со средой. Но вот другое, внешнее первому телу, толкает его, и оно приходит в движение. Или, наоборот, движущееся тело сталкивается с другим и останавливается. Это называется у «теоретиков» равновесия «изменением качества». Богданов и не скрывает механицизма своей теории. «Механическая точка зрения, — пишет он, — и есть единая организационная точка зрения, в её развитии, в её победах над разрозненностью науки».

В теории «равновесия» нет и не может быть места для понимания движения как самодвижения, т. е. движения, имеющего свои внутренние стимулы. Источник движения переносится вовне. Только столкновение внешних сил может изменить предмет. Эта «теория» не только совершенно не способна объяснить действительный процесс развития природы, но, более того, неизбежно ведёт к идеализму. Перенося источник, движущую силу всякого развития вовне, требуя для развития и изменения внешнего толчка, она необходимо ведёт к признанию того, что мир пришёл в движение под влиянием какой-то сверхъестественной силы.

Критикуя в своё время Дюринга, философские взгляды которого также сводились к механической теории «равновесия», Энгельс писал: «Мы можем вертеться и изворачиваться, как нам угодно, но под руководством г. Дюринга мы каждый раз опять возвращаемся — к персту божию» [1].

Особенно вредна эта «теория» в применении к общественной жизни.

Теория «равновесия» совершенно игнорирует внутрен-

[1] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1950, стр. 58.

ние противоречия общества, противоречия между классами, между реакционными и прогрессивными силами. Развитие общества рассматривается как развитие, происходящее не в силу внутренних общественных противоречий, а в силу определённого типа взаимоотношений между обществом и природой. Всё дело, оказывается, в том, какая сила преобладает — сила природы или сила общества. Если общество выкачивает из природы больше благ, мы имеем равновесие с положительным знаком; если оно неспособно производить благ столько, сколько ему необходимо, мы будем иметь равновесие с отрицательным знаком.

Однако весь опыт мировой истории, научно обобщённый марксистской теорией общества, опровергает этот подход как совершенно антинаучный и реакционный. Это типично буржуазный подход, сознательно затушёвывающий пропасть, разделяющую противоположные классы, и их борьбу, проповедующий гармонию классов в целях общей «борьбы» с природой, с внешними «стихийными силами».

Если бы благополучие общества зависело от «равновесия» с природой, то современное капиталистическое общество, поднявшее на высокий уровень развитие производительных сил, должно было бы быть раем для людей. Но, несмотря на то что благ выкачивается из природы довольно много, тем не менее большинство людей при капитализме живёт плохо, и лишь господствующие классы чувствуют всю сладость «положительного равновесия». Более того, господствующие классы сознательно уничтожают эти материальные блага, так как их некуда сбыть, хотя миллионы людей нуждаются в них, чтобы не умереть с голоду. Происходят кризисы, войны. Идёт жестокая классовая борьба. Теория «равновесия» не только бессильна объяснить эти явления, но сознательно прикрывает их, отвлекает от них внимание трудящихся. Теорией «равновесия» как орудием реформистского обмана рабочего класса широко пользовались Каутский и другие ренегаты марксизма. Ярый враг марксизма Бухарин выступил с теорией «организованного капитализма», сущность которой заключалась в отрицании внутренних про-

тиворечий капитализма, который якобы на современной стадии перестаёт быть анархическим, становится «организованным».

В полной мере сущность теории «равновесия» сказалась в годы борьбы за социализм, когда правые оппортунисты сделали её своим теоретическим оружием.

В своей речи «К вопросам аграрной политики в СССР» товарищ Сталин раскрыл контрреволюционную сущность этой «теории». Социалистический и капиталистический секторы в народном хозяйстве теория «равновесия» представляла как своего рода ящики, которые «лежат на различных рельсах и мирно катятся вперёд, не задевая друг друга». Когда эти параллельные линии вопреки геометрии сойдутся, тогда получится социализм.

«При этом, — говорил товарищ Сталин, — теория эта упускает из виду, что за так называемыми «ящиками» стоят классы, а движение этих «ящиков» происходит в порядке ожесточённой классовой борьбы, борьбы не на жизнь, а на смерть, борьбы по принципу «кто кого»»[1].

Теорию «равновесия» правые оппортунисты использовали для борьбы против индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, для того чтобы навязать партии свою контрреволюционную политику классового мира с кулачеством, мирного врастания кулачества в социализм.

Утверждая, что внутренние противоречия предмета являются его двигательной силой, марксистская диалектика отнюдь не требует игнорирования внешних противоположностей или умаления значения борьбы между ними для развития. Ни один предмет не существует вне взаимодействия с другим предметом. Следовательно, определённые предметы относятся друг к другу как внешние противоположности. Общество, например, не может существовать вне своей противоположности — природы. Сам труд человека, благодаря которому он может существовать, есть не что иное, как процесс взаимодействия между человеком и природой. Но как раз этот пример показывает, насколько права диалектика со своим взглядом на

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 12, стр. 144.

внутренние противоречия как решающие и основные. Ибо преодоление противоречия между природой и обществом в смысле усиления господства человека над природой зависит *прежде всего* от преодоления внутренних противоречий общества. Эта зависимость ярко обнаруживается на фактах исторического развития.

Феодализм последнего периода тормозил развитие производительных сил, препятствовал процессу роста господства человека над природой. Какой был выход для того, чтобы изменить соотношение внешних противоположностей — природы и общества? Выход был один — преодоление внутренних противоречий общества, уничтожение феодального строя, сковывавшего новые, более прогрессивные тогда капиталистические отношения, возникшие в его недрах. И история пошла этим единственно возможным путём.

Империализм также тормозит развитие производительных сил, препятствует усилению господства человека над природой. И причиной этого являются не соотношение между обществом и «средой», а *внутренние противоречия* капиталистического общества, само существование капиталистических производственных отношений, под тяжестью которых задыхаются выросшие производительные силы.

Величайшим подтверждением этого закона служит Октябрьская социалистическая революция. Разрешив внутренние противоречия старой помещичье-буржуазной России, она создала почву для небывалого развития производительных сил страны. Она ускорила производство материальных благ, высвободила лежавшие под спудом природные богатства страны. Осуществление грандиозной программы преобразования природы в СССР, несомненно, будет означать гигантский скачок в развитии советского общества. Но возможен ли такой план преобразования природы в капиталистических странах? Конечно, нет. При капитализме нельзя и мечтать о такого рода гигантских мероприятиях по преобразованию природы. Капиталисты хищнически относятся к природе, преследуя интересы прибыли, растрачивая без оглядки природные богатства, действуя по принципу: после нас хоть потоп.

Общество, которое наш народ воздвигает, — общество коммунистическое — впервые за всю историю делает человека подлинным господином природы. И это происходит потому, что коммунистический способ производства снимает все препятствия для безграничного развития общества, которые существовали ранее, в старых антагонистических формациях.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что всякий процесс развития основан на возникновении, развитии и преодолении противоречий — противоречий как внутренних, так и внешних. Всякий предмет, составляющий единство внутренних противоположностей, находится в известной связи и взаимодействии с другими предметами, и тем самым они выступают друг по отношению к другу как внешние противоположности. Внутренние и внешние противоположности в каждом процессе переплетаются, связаны друг с другом, взаимодействуют друг с другом. Но основными, решающими являются внутренние противоречия, борьба за их преодоление. Эта борьба есть главная двигательная сила всякого развития, всякого движения. Вот почему диалектическая теория обращает основное внимание на познание внутренних источников развития.

4. Антагонистические противоречия и формы их преодоления. Непримиримая классовая пролетарская политика как орудие разрешения антагонистических противоречий

Марксистская диалектика учит, что по своей природе противоречия могут быть противоречиями антагонистическими и неантагонистическими. Антагонистическими противоречиями в общественной жизни являются такие противоречия, которые выражают коренную противоположность классов, коренное различие интересов этих классов и которые могут быть преодолены лишь путём непримиримой классовой борьбы. Такова, например, противоположность класса капиталистов и класса пролетариев в буржуазном обществе. Положение этих классов в общественной системе производства, в силу которого рабочие подвергаются бесчеловечной эксплуатации со стороны

буржуазии, политическое господство класса капиталистов и политическое бесправие пролетариата, сосредоточение в руках буржуазии всех материальных и духовных богатств и лишение рабочих всяких иных средств к существованию, кроме продажи своей рабочей силы, стремление буржуазии увековечить строй капиталистического рабства и стремление пролетариата разрушить этот строй и преобразовать общественную жизнь на началах социализма — всё это делает пролетариат и буржуазию непримиримыми антагонистами.

Характеризуя капиталистический строй, товарищ Сталин в труде «Анархизм или социализм?» писал:

«Современный строй является капиталистическим. Это значит, что мир разделён на два противоположных лагеря, на лагерь небольшой горстки капиталистов и лагерь большинства, — пролетариев» [1].

В отличие от антагонистических противоречий неантагонистические противоречия имеют иную природу. В общественной жизни за такими противоречиями не стоят враждебные классы с прямо противоположными интересами. Таковы, например, противоречия между рабочим классом и трудящимся крестьянством. И хотя они в капиталистическом обществе противоположны по своему классовому положению, их общий интерес в борьбе против капиталистической эксплуатации, нищеты и разорения объединяет их под руководством рабочего класса в единый мощный лагерь, направленный против лагеря эксплуататоров.

Понятно, что антагонистические и неантагонистические противоречия имеют разное содержание, и поэтому пути их преодоления также различны. Отсюда ясно, что общий закон диалектического развития путём борьбы противоположностей не имеет постоянной и неизменной формы проявления в разных исторических условиях или даже в одних и тех же условиях, но в применении к различным явлениям общественной жизни.

Диалектика развития, развёртывания и преодоления антагонистических противоречий исчерпывающе раскрыта

---

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 1, стр. 331.

в произведениях Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина, посвящённых анализу капиталистического способа производства, новейшей империалистической стадии капитализма и классовой борьбы в буржуазном обществе.

Яркий образец применения диалектики к анализу антагонистических противоречий капитализма даёт нам «Капитал» К. Маркса. С неопровержимой железной логикой, основываясь на огромном количестве фактов, Маркс показал, как противоречия капиталистического способа производства, углубляясь и обостряясь с каждым новым его шагом, неизбежно ведут к взрыву, к гибели капитализма и замене капитализма социализмом. Ленин, придававший огромное значение изучению диалектики «Капитала», указывал, что Маркс вскрывает противоречие уже в самом обычном отношении буржуазного общества — в обмене товаров. «Дальнейшее изложение, — пишет Ленин, — показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества, в *Σ* (в сумме. — *М. Р.*) его отдельных частей, от его начала до его конца» [1].

Начиная с исходной клеточки товарного производства — товара, Маркс устанавливает, что уже товар содержит в себе внутреннее противоречие между потребительной и меновой стоимостью. Далее он показывает, что и труд, который создаёт товар, внутренне противоречив: он есть единство таких противоположностей, как конкретный и абстрактный, частный и общественный труд. Уже в этих противоречиях Маркс показывает зародыш будущих вопиющих противоречий развитого капиталистического общества и главного его противоречия — противоречия между общественным характером производства и частно-капиталистическим присвоением.

Затем Маркс переходит к анализу развития форм стоимости от единичной формы до денежной. Шаг за шагом Маркс прослеживает обострение противоречия между потребительной и меновой стоимостью, происходящее на основе исторического развития обмена. Весь анализ форм стоимости посвящён изображению того, как противоре-

[1] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 328.

чия между потребительной и меновой стоимостью, заложенные в товаре, развёртываются, развиваются и как процесс «раздвоения единого» завершается возникновением денег.

Форма стоимости вначале выступает в виде простой или случайной формы. Эта форма существовала при первых зачатках обмена, когда продукты производились людьми для собственного потребления и обмен излишками продуктов носил исключительный и случайный характер. Но уже здесь начинается процесс раздвоения товара на потребительную и меновую стоимость, ибо вступающие в обмен товары играют различную роль: один товар выступает как воплощение потребительной стоимости, другой — меновой стоимости.

В дальнейшем, с ростом обмена простая форма стоимости перерастает в полную, или развёрнутую, форму. В обмен вступают многие товары, и какой-нибудь данный товар может быть обменён на целый ряд других товаров. «Вторая форма, — указывает Маркс, — полнее, чем первая, отделяет стоимость товара от его собственной потребительной стоимости...» [1]

Позже выделяется какой-нибудь один товар, который служит выражением стоимости всех других товаров. Полная, или развёрнутая, форма стоимости уступает место всеобщей форме. Впоследствии таким товаром становится золото и всеобщая форма превращается в денежную форму стоимости. Деньги становятся всеобщим эквивалентом, при помощи которого измеряется стоимость любого товара. На одной стороне стоит мир товаров, потребительных стоимостей, на другой — деньги, воплощение меновой стоимости.

Таким образом, рост общественного характера производства при сохранении частной собственности требовал самостоятельной формы для определения стоимости товара, и эта потребность, говорит Маркс, не даёт покоя до тех пор, пока задача эта не решается окончательно путём раздвоения товара на товар и деньги.

---

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, 1949, стр. 72.

С появлением денег меновая стоимость товара окончательно освободилась от своей потребительной стоимости. Процесс раздвоения единого, начавшийся ещё со случайной, единичной формы стоимости, завершился.

Этим кончается первый круг марксова анализа развития противоречий товара. Это были противоречия простого товарного хозяйства, но простое товарное хозяйство является основой для возникновения капиталистического способа производства, и поэтому Маркс одну из новых глав начинает словами о том, что результатом развития противоречий товара являются деньги, которые служат исходным пунктом для нового, капиталистического, способа производства.

Деньги, появившиеся в результате раздвоения товара, разделяют обмен на два различных акта — продажи и купли. И уже в этом разделении обмена на два самостоятельных акта Маркс усмотрел возможность кризисов.

Возможность в силу самого механизма товарного производства должна превратиться в действительность, и Маркс показывает, как с развитием капиталистического способа производства происходит это превращение.

Развитие капиталистического способа производства создаёт на определённой ступени глубоко противоречивое положение. Замена примитивных средств производства крупной машинной промышленностью, ремесленных мастерских заводами, на которых работают десятки тысяч рабочих, рост общественного разделения труда придают процессу производства общественный характер. Это значит, что производительные силы переросли узкие для них рамки капиталистических производственных отношений. Дальнейшее их развитие упирается в существование капитализма. Имевшееся на первых ступенях развития буржуазного общества относительное, временное соответствие между производительными силами и производственными отношениями перерастает в глубочайший конфликт между этими двумя сторонами единого капиталистического способа производства.

Производительные силы общества требуют фактического признания их общественной природы и перехода к планомерной организации всего процесса общественного

производства. Но господствующий класс сопротивляется этому, ибо такой переход возможен лишь путём уничтожения частнокапиталистической собственности на средства производства и установления общественной собственности на них.

Противоречие между производительными силами и производственными отношениями находит своё выражение в периодически повторяющихся экономических кризисах перепроизводства. В интересах увеличения своей прибыли буржуазия стремится к безграничному расширению производства. Но последнее возможно лишь за счёт ещё большего усиления эксплуатации рабочего класса, за счёт уменьшения его покупательной способности. Расширение производства упирается в такую непреодолимую при капитализме стену, как абсолютное и относительное обнищание рабочего класса, всех трудящихся масс. Как следствие этого — экономические кризисы перепроизводства.

Капитализм, однако, сам создаёт силу, разрешающую противоречия буржуазного общества. Эта сила — пролетариат. Вместе с ростом капиталистических противоречий растут и силы пролетариата, «непрерывно увеличивающегося, вышколенного, объединённого и организованного самым механизмом капиталистического процесса производства».

Борьба между двумя основными классами буржуазного общества всё более и более обостряется и принимает, наконец, форму революции пролетариата против буржуазии. «Бьёт час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

В одном из писем к Энгельсу, в котором излагается план «Капитала», Маркс пишет: «Как итог всего (т. е. всего развития противоречий капитализма. — *М. Р.*) — *классовая борьба,* в которой находит свое разрешение это движение и которая ликвидирует всю эту дрянь...» [1]

Таким образом, в борьбе противоположностей, в раскрытии противоречий, свойственных капиталистическому способу производства, Маркс открыл источник, движущую силу его развития и неизбежной гибели.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Письма о «Капитале», 1948, стр. 149.

Анализ Маркса продолжили в новых условиях Ленин и Сталин. Они вскрыли глубочайшие противоречия высшей стадии капитализма — империализма. Произведение Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» является, как и «Капитал» Маркса, классическим образцом диалектического исследования противоречий экономического и политического развития буржуазного общества.

В своей книге Ленин нанёс разящий удар по реформистам, пытавшимся представить новейшую монополистическую стадию капитализма как период затухания противоречий буржуазного общества. Ленин показал, что образование монополий, существующих наряду с конкуренцией и анархией производства, порождает ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов.

Господство финансового капитала, как доказал Ленин, не только не ослабляет противоречий капитализма, а усиливает их, доводит их развитие до предела.

«Насколько обострил монополистический капитализм все противоречия капитализма, — указывает Ленин, — общеизвестно. Достаточно указать на дороговизну и на гнет картелей. Это обострение противоречий является самой могучей двигательной силой переходного исторического периода, который начался со времени окончательной победы всемирного финансового капитала» [1].

В работе «Об основах ленинизма» И. В. Сталин, характеризуя империализм, указывает, что он «доводит противоречия капитализма до последней черты, до крайних пределов, за которыми начинается революция». Товарищ Сталин показывает, каковы «главные противоречия» империализма, делающие пролетарскую революцию «вопросом непосредственной практики...» [2]

Это — «противоречие между трудом и капиталом», которое настолько обостряется при империализме, что последний «подводит рабочий класс к революции». Это — «противоречие между различными финансовыми группами и империалистическими державами в их борьбе за источники сырья, за чужие территории», противоречие, которое

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, изд. 4, стр. 286.
[2] *И. В. Сталин,* Соч., т. 6, стр. 72.

находит своё выражение в войнах за передел уже поделённого мира. Это — «противоречие между горстью господствующих «цивилизованных» наций и сотнями миллионов колониальных и зависимых народов мира», противоречие, ведущее к невиданному подъёму национально-освободительного движения.

Рост и обострение противоречий капитализма при империализме находит своё яркое выражение в открытом Лениным и развитом дальше Сталиным законе неравномерности экономического и политического развития в период империализма, законе, определяющем катастрофическое, конфликтное, скачкообразное развитие капиталистического общества. Опираясь именно на этот закон, Ленин пришёл к выводу о возможности победы социализма первоначально в отдельных странах.

«Закон неравномерности развития в период империализма, — указывает И. В. Сталин, — означает скачкообразное развитие одних стран в отношении других, быстрое оттеснение с мирового рынка одних стран другими, периодические переделы *уже поделённого мира* в порядке военных столкновений и военных катастроф, углубление и обострение конфликтов в лагере империализма, ослабление фронта мирового капитализма, возможность прорыва этого фронта пролетариатом отдельных стран, возможность победы социализма в отдельных странах» [1].

Таким образом, антагонистические противоречия капиталистического способа производства достигают высшей точки своего развития при империализме. Именно поэтому империалистическая стадия капитализма есть период их преодоления, их разрешения.

Антагонистический характер противоречий определяет и форму их преодоления. Противоречия эти не могут быть преодолены на базе капитализма. Единственный путь их преодоления — уничтожение самой этой базы, капиталистического способа производства. А средством уничтожения капиталистического способа производства является насильственная пролетарская революция. Пролетарская революция, свергая диктатуру буржуазии и устанавливая

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 9, стр. 106.

диктатуру пролетариата, отменяет частную собственность на средства производства, провозглашает общественную собственность и создаёт производственные отношения, находящиеся в полном соответствии с общественным характером производства. Тем самым преодолевается главное противоречие капиталистического общества.

Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин дали исчерпывающие указания относительно путей преодоления антагонистических противоречий. Классовая борьба и пролетарская революция как высшая форма классовой борьбы пролетариата против буржуазии — таковы эти пути.

«По учению социализма, т. е. марксизма (о не-марксистском социализме нельзя теперь и говорить серьезно), — писал Ленин, — действительным двигателем истории является революционная борьба классов; реформы — побочный результат этой борьбы, побочный потому, что они выражают неудачные попытки ослабить, притупить эту борьбу и т. д. По учению буржуазных философов, двигатель прогресса — солидарность всех элементов общества, сознавших «несовершенство» того или иного учреждения. Первое учение — материалистично, второе — идеалистично. Первое — революционное. Второе — реформистское. Первое обосновывает тактику пролетариата в современных капиталистических странах. Второе — тактику буржуазии» [1].

С большой силой показал товарищ Сталин, что для деятельности партии пролетариата основным выводом из учения диалектики о противоречиях развития является революционная классовая борьба, непримиримая классовая пролетарская политика.

«Если развитие происходит в порядке раскрытия внутренних противоречий, в порядке столкновений противоположных сил на базе этих противоречий с тем, чтобы преодолеть эти противоречия, то ясно, что классовая борьба пролетариата является совершенно естественным и неизбежным явлением.

Значит, нужно не замазывать противоречия капитали

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 11, изд. 4, стр. 54.

стических порядков, а вскрывать их и разматывать, не тушить классовую борьбу, а доводить ее до конца.

Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо проводить непримиримую классовую пролетарскую политику, а не реформистскую политику гармонии интересов пролетариата и буржуазии, а не соглашательскую политику «врастания» капитализма в социализм» [1].

Большевистская партия побеждала и побеждает потому, что она воспитывала на протяжении всей своей истории рабочий класс в духе непримиримой классовой борьбы и беспощадно развенчивала «теории» классового мира, мирного «врастания» капитализма в социализм.

Ещё во времена борьбы с народниками Ленин клеймил страусову политику «защитников» крестьянства, прятавших голову в песок, чтобы не видеть растущих противоречий развития России по новому, капиталистическому пути.

«Они, — писал Ленин в своём произведении «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», — не понимают антагонистичности наших производственных отношений (в «крестьянстве» так же, как и в других сословиях) и вместо того, чтобы стараться вывести этот антагонизм на открытую дорогу, вместо того, чтобы прямо примкнуть к тем, кто порабощается в силу этого антагонизма, и стараться помочь ему подняться на борьбу, — они мечтают прекратить борьбу мерами, рассчитанными на всех, на примирение и объединение» [2].

Так же беспощадно развенчивались Лениным и Сталиным «теории» классового мира экономистов, меньшевиков, ликвидаторов, каутскианцев и других оппортунистических течений. Партия исходила из того, что школа открытой борьбы — лучшая школа воспитания масс, пробуждения их сознания. Только в борьбе противоположных общественных сил народные массы учатся видеть своих подлинных врагов, понимать свои коренные интересы и формируют в себе решимость бороться за эти интересы до конца.

---

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 541.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, изд. 4, стр. 220.

Шаг за шагом, в самой разнообразной обстановке в открытом бою и в повседневных обычных конфликтах между рабочими и предпринимателями, в условиях легальной и нелегальной борьбы, в периоды затишья и в периоды революционных бурь — партия, осуществляя «непримиримую классовую пролетарскую политику», вытекающую из объективно-диалектического характера общественного развития, подвела массы к решающему моменту борьбы в дни Великой Октябрьской социалистической революции. Победа, достигнутая в революции, закономерно увенчала всю предыдущую борьбу партии и руководимых ею масс.

Именно в этом проведении непримиримой классовой пролетарской политики состоит водораздел, отделяющий большевизм от социал-демократического реформизма.

Политика примирения враждебных классов есть основа предательской политики старых и современных реформистов; эта политика классового мира служит серьёзным фактором раскола рабочего класса в целях разоружения его перед лицом буржуазии. Именно поэтому правые социалисты так ненавидят марксистскую диалектику, которая учит, что противоположности не примиряются, а преодолеваются в борьбе, и заменяют её буржуазной метафизикой. От Бернштейна и Каутского до Блюма, Эттли и др. тянется эта линия реформистского сглаживания классовых противоречий буржуазного общества.

Современные реформистские холопы капитализма, не знающие границ в своём пресмыкательстве перед империалистами, не жалеют сил, чтобы убедить массы в ненужности классовой борьбы. Они вычеркнули само понятие классовой борьбы из своей программы, из своего политического лексикона. «Социалисты» типа Леона Блюма уговаривают капиталистов и рабочих пойти на «полюбовное согласие»: они требуют от буржуазии некоторых жалких уступок пролетариату и всей силой обрушиваются на рабочих, обвиняя их в том, что у них отсутствует «великий стиль в морали», т. е. что они не хотят находиться в рабстве у капиталистов.

Блюм заявлял, что социализм проходит две стадии: стадию «полемическую» и стадию мирную.

Первая стадия уже исчерпана. «В настоящей стадии полемика почти не нужна, борьба не имеет никакого смысла. Социализм может ограничиться апостолатом, духовным завоеванием».

Иначе говоря, Блюм обращается к рабочим с призывом: оставьте борьбу против буржуазии, совершенствуйте свою мораль, в моральном самоусовершенствовании — путь к «социализму».

Так современные реформисты отстаивают капитализм, сознательно указывая пролетариату ложный, неосуществимый путь.

Вслед за Блюмом глава английских лейбористов Эттли заявляет: «Мы переросли идею разделения классов».

Английские лейбористы, известные своей долголетней борьбой против революционного марксизма, в защиту капитализма, обманывают рабочих фразами о «демократическом социализме», который они противопоставляют научному социализму. В этом «демократическом социализме», кроме новоизобретённого словечка, нет ничего нового. Это всё тот же старый реформистский обман, но в тысячу раз более гнусный и подлый, ибо он проповедуется в период ожесточённой борьбы империалистов против лагеря мира, демократии, социализма, в период фашизации империалистических государств, и прежде всего Америки.

Один из лидеров лейборизма, Ласки, с явной целью замазать внутренние классовые противоречия и заглушить классовую борьбу утверждал, что источник кризиса современного капитализма состоит якобы в «диспропорции» между огромным ростом материальной мощи общества и слабым ростом его «духовной и интеллектуальной мощи». Последнее-де, т. е. слабый рост духовной мощи, делает невозможным соглашение всех сил общества насчёт использования материальной мощи. Отсюда он делал вывод, что нужно найти «общую истину», которая объединила бы все классы капиталистического общества на базе использования могущественной техники «во имя блага всех людей». История-де будет превращаться «во всё более трагическую драму», пока не откроют эту «общую истину».

И ни звука о том, что именно капитализм, существование капиталистической формы собственности ставит пределы дальнейшему развитию производительных сил общества и использованию их в интересах трудящихся масс, ни звука о классовой борьбе пролетариата против буржуазии.

Всевозможными жульническими приёмами правые социалисты стараются доказать, что марксов анализ противоречий капитализма «устарел», что якобы теперешняя стадия капитализма характеризуется созданием «всеобъемлющего единства капиталистов и рабочих» и т. п.

«Отношения между капиталистами и рабочими сегодня, в 1946 г., совершенно иные, чем в 1867 г.» (т. е. тогда, когда Маркс писал свой «Капитал»), — писал австрийский правый социалист Реннер. Реннер, конечно, ни единого факта не может привести в доказательство существования этих «иных отношений». Ибо решающее в этих отношениях — эксплуатация капиталистами рабочих, принадлежность средств производства капиталистам — существует сегодня так же, как и сто лет назад, когда Маркс создавал свой «Капитал». Но этот решающий и неопровержимый факт реннеры, блюмы, эттли и прочие слуги империализма всячески прикрывают туманными словами о «новых временах». Они рисуют идиллическую картину, в которой все грани между антагонистическими классами стираются и с помощью, как заявляет Реннер, «связующих переходов» капиталисты и пролетарии образуют единое гармоничное целое.

Чтобы стереть на словах противоположность буржуазии и пролетариата и доказать отсутствие между ними борьбы, немецкие правые социалисты прибегают к новому трюку. Они заявляют, что рабочий класс есть вообще «пустая абстракция». Нет ныне рабочих, есть «работающие», говорят они.

«Кто... хочет сегодня говорить о рабочем, — читаем мы в одном из органов немецких правых социалистов, — тот так же точно подвержен национал-экономической идеологии, как националист, который видит в человеке лишь француза, арийца и т. д.»

К такому же трюку, но на несколько иной лад, прибегают американские реформисты. Они всех объявляют... рабочими, сознательно стирая противоположность между капиталистами и пролетариями. Так, Ф. Мэррей, председатель Конгресса производственных профсоюзов, заявил: «Фактически в нашей стране нет классов... Здесь мы все рабочие, и, в конечном счёте, интересы фермеров, фабричных рабочих, дельцов, представителей свободных профессий и мелких служащих совпадают».

Конечно, эта наглая и лживая болтовня реформистских прислужников капитала не может уничтожить глубочайших и всё более обостряющихся противоречий между пролетариатом и буржуазией и всех других противоречий современного буржуазного общества. История последних десятилетий полностью подтвердила и подтверждает ленинско-сталинский анализ империализма и тот его основной вывод, что империализм есть канун социалистической революции.

Великая Октябрьская социалистическая революция, положившая начало эры крушения мирового капитализма и принёсшая победу социализму на одной шестой части земного шара, возникновение после второй мировой войны стран народной демократии, идущих по пути к социализму, великая победа китайской революции, успешная борьба колониальных народов против империалистического гнёта, всё более усиливающаяся борьба пролетариата против буржуазии в капиталистических странах — нужны ли ещё более яркие доказательства правоты марксизма-ленинизма!

Непримиримая борьба антагонистических сил общества на современном этапе находит своё выражение в борьбе двух лагерей — лагеря мира, демократии и социализма, возглавляемого СССР, и лагеря империализма и войны, возглавляемого США. Не контрреволюционная линия «третьей силы», которую проводят в интересах империалистов правые социалисты, а борьба миллионов трудящихся под руководством рабочего класса и его революционной партии — вот что составляет действительную движущую силу современного развития.

* *
*

Анализ содержания антагонистических противоречий и форм их преодоления позволяет сделать некоторые выводы о сущности развития на основе антагонистических противоречий.

1. Развитие антагонистических противоречий неизбежно ведёт к всё большему раздвоению общества на противоположные силы, борющиеся между собой не на жизнь, а на смерть. Антагонистические противоречия не сглаживаются, не смягчаются в процессе развития, а углубляются, принимая всё более и более острые формы. Эти противоречия с огромной силой проявляются прежде всего в способе производства. Рост противоречий между производительными силами и производственными отношениями в каждом антагонистическом обществе достигает такого пункта, когда они уже не могут сосуществовать в прежних рамках относительного единства. Обострение противоречий в способе производства находит своё выражение в обострении классовой борьбы. Наличие и обострение классовой борьбы не ведёт, как полагают всякие вульгаризаторы, к распаду общества. Борьба угнетённых классов против эксплуататорских классов не разрушает общества, а движет его вперёд, к высшим формам.

2. Антагонистические противоречия не могут найти своего разрешения на базе существующего строя, который их порождает. Говоря о капиталистическом строе, товарищ Сталин указывает, что «развитие капитализма не может не порождать условий, обостряющих противоречия капитализма. Именно поэтому капитализм не в силах разрешить эти противоречия» [1].

3. Преодоление антагонистических противоречий может быть поэтому осуществлено лишь путём революционного ниспровержения существующего эксплуататорского строя, путём революционной классовой борьбы.

---

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 7, стр. 97.

5. Неантагонистические противоречия и их социальная природа. Характер противоречий при социализме и переходе от социализма к коммунизму

Пролетарская социалистическая революция, уничтожающая капиталистический строй и устанавливающая новый социальный строй, кладёт начало совершенно новому небывалому типу общественных отношений. Эти отношения перестают быть антагонистическими.

Однако, прежде чем возникают такие отношения, общество проходит целый период, который является переходным периодом от капитализма к социализму. С установлением диктатуры пролетариата классовая борьба не прекращается, а становится ещё более ожесточённой, принимая лишь новые формы. В этот период, как показала история развития советского общества, существуют ещё антагонистические классы. Ещё не уничтожены эксплуататорские классы, ещё идёт борьба сил старого общества за восстановление капитализма и сил нового общества, борющихся за полное уничтожение капитализма и победу социализма. Поэтому в переходный период ещё сохраняются антагонистические противоречия со всеми вытекающими из них последствиями.

Ленин и Сталин на протяжении всей исторической борьбы за социалистическое переустройство Советской страны давали отпор всяким попыткам и стремлениям хоть сколько-нибудь затушевать, смазать глубокие противоречия переходного периода. В борьбе с врагами ленинизма — и правыми и «левыми», — которые каждый на свой манер искажали картину противоречий в переходное время, товарищ Сталин ясно и чётко вскрывал все противоречия нашего развития, показывал неизбежность их в стране, недавно порвавшей с капитализмом и вставшей на путь социализма, указывал их источники — существование в стране антагонистических классов.

С проникновенной силой выразил товарищ Сталин противоречивый характер нашего развития в своём докладе на XV съезде ВКП(б): «...наше развитие, —

говорил товарищ Сталин, — идёт не в порядке плавного, огульного подъёма вверх. Нет, товарищи, у нас есть классы, у нас есть противоречия внутри страны, у нас есть прошлое, у нас есть настоящее и будущее, у нас есть противоречия между ними, и мы не можем продвигаться вперёд в порядке плавного покачивания на волнах жизни. Наше продвижение протекает в порядке борьбы, в порядке развития противоречий, в порядке преодоления этих противоречий, в порядке выявления и ликвидации этих противоречий.

Никогда не будем мы в силах, пока есть классы, иметь такое состояние, когда можно будет сказать: ну, слава богу, теперь всё хорошо. Никогда этого не будет у нас, товарищи.

Всегда у нас что-либо отмирает в жизни. Но то, что отмирает, не хочет умирать просто, а борется за своё существование, отстаивает своё отжившее дело.

Всегда у нас рождается что-либо новое в жизни. Но то, что рождается, рождается не просто, а пищит, кричит, отстаивая своё право на существование.

Борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, — вот основа нашего развития»[1].

Через все работы и выступления И. В. Сталина в этот период красной нитью проходит идея о непримиримой классовой борьбе, идея революционного преодоления противоречий между старым и новым.

В докладе «О правом уклоне в ВКП(б)» в 1929 г. товарищ Сталин говорил:

«Одно из двух: либо между классом капиталистов и классом рабочих, пришедших к власти и организовавших свою диктатуру, имеется непримиримая противоположность интересов, либо этой противоположности интересов нет, и тогда остаётся одно — объявить гармонию классовых интересов.

Одно из двух:

либо марксова теория борьбы классов, *либо* теория врастания капиталистов в социализм;

---

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 10, стр. 330—331.

либо непримиримая противоположность классовых интересов, *либо* теория гармонии классовых интересов»[1].

На опыте социалистического строительства в СССР И. В. Сталин разработал важнейшее положение о том, что построение социализма означает не затухание борьбы между антагонистическими классами, между рабочим классом, взявшим власть в свои руки, и остатками эксплуататорских классов, а усиление, обострение этой борьбы. «Уничтожение классов достигается не путём потухания классовой борьбы, а путём её усиления»[2].

Это положение полностью подтвердилось на опыте строительства социализма в странах народной демократии. Руководствуясь учением Ленина и Сталина, коммунистические и рабочие партии этих стран разгромили оппортунистов, проповедовавших реакционную «теорию» о каком-то совершенно «особом пути» стран народной демократии к социализму. Под «особым путём» оппортунисты понимали путь примирения антагонистических классов, затухания классовой борьбы, путь капитуляции перед буржуазией и помещиками. Их политика была политикой возврата к капитализму. Фашистская банда Тито также начала с болтовни об «особом пути», с кулацкой политики поддержки и защиты капиталистических элементов в деревне и городе, а кончила полным подчинением интересов югославского народа политике американо-английских империалистов. Ныне она является ударной бригадой американского империализма, злейшим врагом лагеря мира, демократии и социализма.

В переходный период от капитализма к социализму в СССР существовало и другого рода противоречие—противоречие между рабочим классом и крестьянством. Это противоречие вытекало из того, что в противоположность пролетариату, лишённому всякой частной собственности на средства производства, класс крестьянства строит своё хозяйство на базе мелкой частной собственности, являющейся питательным источником капитализма. Нельзя построить социализм, не убедив крестьянство в необходимости перехода на рельсы крупного социалистического

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 12, стр. 30—31.
[2] *И. В. Сталин,* Соч., т. 13, стр. 211.

земледелия, не переделав его частнособственнической психологии.

Историческая заслуга И. В. Сталина состояла в том, что, продолжая дело Ленина, он разработал вопрос об особом, неантагонистическом характере противоречий между рабочим классом и крестьянством и отстоял единственно верный путь, ведущий к преодолению этих противоречий.

«Два основных класса, — говорил товарищ Сталин в своём докладе «К итогам работ XIV конференции РКП(б)», сделанном в 1925 г., — стоят перед нами: класс пролетариев и класс частных собственников, т. е. крестьянства. Отсюда неизбежность противоречий между ними. Весь вопрос в том, можем ли мы своими собственными силами преодолеть эти противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством. Когда говорят: можно ли построить социализм своими собственными силами? — то этим хотят сказать: преодолимы ли противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством в нашей стране, или непреодолимы?» [1]

Вокруг этого вопроса в нашей партии шла ожесточённая борьба между ленинизмом и оппортунизмом. В различном подходе к нему и решении его чрезвычайно ярко обнаруживается различие между диалектическим мировоззрением партии и метафизической сущностью всякого рода оппортунизма.

Как подходили к нему троцкисты, напяливавшие на себя «левую» маску? Троцкисты брали крестьянство как сплошную однородную и реакционную массу, как класс, не содержащий в себе никаких внутренних противоречий. Они не видели и не разграничивали две стороны крестьянина — то, что делает его тружеником, и то, что делает его мелким собственником, смешивали в одно эти стороны и делали вывод: крестьянство — это враждебная рабочему классу сила, поэтому неизбежно столкновение между рабочим классом нашей страны, взявшим власть в свои руки, и крестьянством. Отсюда следовал и общий вывод о невозможности построения социализма в нашей стране.

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 7, стр. 110.

Как подходили к этому вопросу правые? И эти враги партии рассматривали крестьянство чисто метафизически. Не видя противоречивой природы крестьянства, они полностью игнорировали мелкособственническую сторону крестьянина, сознательно замазывали разницу между трудящимся крестьянином и кулаком, отрицали наличие противоречий между крестьянством и рабочим классом. Отсюда следовал целый ряд правооппортунистических мер, основой которых была метафизическая теория «равновесия», согласно которой не борьба, а примирение противоположностей, «врастание» кулачества в социализм является источником «развития» к социализму.

Ясно, что и «левые» и правые, каждый на свой манер, толкали партию на гибельный путь, который неизбежно вёл к провалу всего дела социалистического строительства. Товарищ Сталин обнажил антиленинскую природу той и другой точки зрения, отстоял и развил ленинский подход, ленинский метод анализа и решения этого важнейшего вопроса нашей революции. Этот подход позволил правильно решить вопрос о возможности построения в нашей стране социализма.

В чём же состоит сущность этого подхода, этого метода? В том, что крестьянство рассматривалось диалектически как двойственный по своей природе класс, как единство внутренних противоположностей, выражаясь языком диалектики. С одной стороны, трудящееся крестьянство — класс тружеников, ибо оно живёт собственным трудом и эксплуатируется капитализмом, разоряется, пополняет ряды пролетариата; с другой стороны, крестьянство — класс мелких собственников, а мелкое товарное производство служит питательной базой для капитализма. Только учёт той и другой стороны даёт возможность правильно понять социальную природу крестьянства и, стало быть, правильно решить вопрос о противоречиях между пролетариатом и крестьянством и их преодолении в эпоху строительства социализма. Одно дело — противоречия между пролетариатом и буржуазными классами — городской и деревенской буржуазией, кулачеством. Это — антагонистические противоречия. Такие противоречия преодолеваются в беспощадной

классовой борьбе, имеющей своим результатом ликвидацию эксплуататорских классов.

Другое дело — противоречия между пролетариатом и трудящимся крестьянством. Это — неантагонистические противоречия. Такие противоречия не исключают общих коренных интересов и поэтому содержат реальную возможность своего преодоления на основе развития этих общих интересов.

Отличительную особенность неантагонистического противоречия между пролетариатом и крестьянством товарищ Сталин вскрыл, показав, «что, кроме противоречий между пролетариатом и крестьянством, имеются еще общие интересы по коренным вопросам развития, которые покрывают и, во всяком случае, могут перекрыть эти противоречия и которые являются базой, основой союза рабочих и крестьян» [1].

Общность интересов рабочих и крестьян заключается в том, что крестьянство, как и рабочий класс, кровно заинтересовано в развитии по социалистическому пути. Всякий иной путь — путь капиталистического развития — несёт ему лишь разорение, нищету, пролетаризацию.

Было бы, однако, ошибкой думать, что речь шла о «примирении» противоречий между пролетариатом и крестьянством. Не примирение, а преодоление противоречий на основе социалистической переделки сельского хозяйства и крестьянства — такова та практическая программа партии, которая обусловливалась диалектическим учётом противоречивой природы крестьянства.

Преодоление неантагонистических противоречий также происходит путём борьбы. Характеризуя особенности неантагонистических противоречий между рабочим классом и крестьянством, И. В. Сталин в 1925 г. указывал, что наряду с союзом между этими классами существует и «борьба внутри этого союза, борьба, которая покрывается по своему удельному весу общностью интересов и которая должна исчезнуть в будущем, когда ра

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 7, стр. 111.

бочие и крестьяне перестанут быть классами — когда они превратятся в тружеников бесклассового общества»[1].

Это была борьба вокруг вопросов о ценах, о налогах, борьба против влияния кулачества на середняка, борьба против частнособственнических инстинктов за социалистическое перевоспитание трудящегося крестьянства.

Но преодоление неантагонистических противоречий происходит совершенно иначе, чем в случае с антагонистическими противоречиями. Во впервые опубликованных в 13-м томе Сочинений И. В. Сталина «Письмах тов. Ч-е» товарищ Сталин очень ярко показывает различные пути разрешения неантагонистических и антагонистических противоречий. Эти сталинские указания имеют принципиально важное значение для понимания своеобразия разных типов противоречий. Говоря о противоречиях между пролетариатом и трудящимся крестьянством, И. В. Сталин указывает, что «речь идёт о противоречиях *внутри смычки* (смычки, союза пролетариата и крестьянства. — *М. Р.*), которые будут сглаживаться и благоприятно разрешаться по мере роста индустриализации, т. е. по мере роста силы и влияния пролетариата в стране»[2].

Совсем иначе развиваются противоречия между пролетариатом и кулачеством, т. е. антагонистические противоречия. Здесь речь идёт «о противоречиях вне пределов смычки, которые будут расти и обостряться, пока не ликвидируем кулачество, как класс»[3].

Следовательно, антагонистические противоречия в ходе борьбы растут, обостряются, пока одна из противоположностей не уничтожается. Неантагонистические противоречия в ходе борьбы сглаживаются, смягчаются и благоприятно разрешаются в интересах дальнейшего поступательного развития.

Программа социалистической переделки крестьянина полностью победила в борьбе за коллективизацию

---

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 7, стр. 177.
[2] *И. В. Сталин,* Соч., т. 13, стр. 20.
[3] Там же.

сельского хозяйства. В докладе «О проекте Конституции Союза ССР» товарищ Сталин показал, что «падают и стираются» экономические и политические противоречия между рабочим классом и крестьянством, что эти классы по своему характеру стали новыми классами, классами социалистического общества.

Преодоление противоречий между рабочим классом и старым, мелкобуржуазным крестьянством в нашей стране, впервые в истории человечества явило миру пример разрешения противоречий не на базе кровавой смертельной борьбы, а на основе перевоспитания целого класса и убеждения его в целесообразности и необходимости нового пути развития. И такое разрешение возможно было в силу неантагонистического характера противоречий между рабочим классом и крестьянством.

Преодоление былых внутренних противоречий в стране — противоречий между рабочим классом и капиталистическими классами, между рабочим классом и доколхозным крестьянством — означало построение социалистического общества. Впервые в истории человечества возникло социалистическое общество с новыми взаимоотношениями между классами, между нациями, между городом и деревней, с новыми закономерностями развития, общество без эксплуатации, без политического и национального гнёта.

Понятно, что всё это не могло не изменить коренным образом характера и форм проявления общего закона развития путём борьбы противоположностей. В чём же заключается это изменение? Каковы особенности действия этого общего диалектического закона при социализме?

Дело в том, что социализм в противоположность капиталистическим и прочим антагонистическим социально-экономическим формациям ликвидирует глубочайшие антагонистические противоречия, раскалывавшие и враждебные противоположности старое общество, устанавливает единство и дружественное сотрудничество рабочих, крестьян, интеллигенции и ведёт к постепенной ликвидации всяких классовых различий.

Характеризуя новую обстановку в стране, сложившуюся в результате победы социализма, товарищ Сталин говорил на XVIII съезде ВКП(б):

«Особенность советского общества нынешнего времени, в отличие от любого капиталистического общества, состоит в том, что в нем нет больше антагонистических, враждебных классов, эксплоататорские классы ликвидированы, а рабочие, крестьяне и интеллигенция, составляющие советское общество, живут и работают на началах дружественного сотрудничества. В то время как капиталистическое общество раздирается непримиримыми противоречиями между рабочими и капиталистами, между крестьянами и помещиками, что ведет к неустойчивости его внутреннего положения, советское общество, освобожденное от ига эксплоатации, не знает таких противоречий, свободно от классовых столкновений и представляет картину дружественного сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции. На основе этой общности и развернулись такие движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм» [1].

Эта *общность,* это *единство* всех сил советского социалистического общества есть новая основа развития, которой не было и не могло быть раньше.

При высокоразвитом капитализме, особенно на его последней, империалистической стадии, производительные силы и производственные отношения находятся в состоянии глубочайшего противоречия.

В советском социалистическом обществе величайшим фактором развития является полное соответствие между производительными силами и производственными отношениями.

При капитализме общество расколото на враждебные классы, и борьба между этими классами является движущей силой общественного развития.

В советском обществе существует морально-политическое единство всех классов. Советских людей объеди-

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 589.

няет, их поступками движет глубокое чувство советского патриотизма. Морально-политическое единство и советский патриотизм — это могущественные силы быстрейшего развития нашего общества.

Капитализм разъединяет нации, противопоставляет одни нации другим, разжигает национальную рознь.

При социализме нации объединяются на началах дружбы и сотрудничества. Новые социалистические нации, рождённые социализмом, не раздираются классовыми противоречиями и объединены в нашей стране в едином братском союзе, руководимом партией Ленина Сталина. Дружба народов также есть могучая движущая сила развития советского социалистического общества.

При капитализме противоположность между городом и деревней достигает своей высшей точки.

В советском обществе этой противоположности уже не существует, а оставшиеся различия между городом и деревней всё больше стираются.

При капитализме, где вследствие антагонистического характера противоречий нет и не может быть всестороннего, гармоничного развития человека, существует непримиримая и всё обостряющаяся противоположность между умственным и физическим трудом. Массы трудящихся людей обречены на один лишь тяжёлый физический труд. Они изолированы от управления государством. Их политическая активность подавляется. Все богатства духовной культуры являются достоянием господствующих классов. С капиталистическим разделением труда, говорит Энгельс, «делится на части и сам человек»[1].

При социализме впервые в истории создаются условия для гармоничного развития человека. Народ сам управляет своим государством. Крупное обобществлённое хозяйство даёт возможность человеку всесторонне развивать свои способности. Культура становится достоянием всех людей. Исчезает «разорванность» человека, разорванность его духовных и физических сил. Всё развитие

[1] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, 1950, стр. 276.

идёт в сторону полной ликвидации былой противоположности между умственным и физическим трудом.

Противоречия есть и при социализме, как они будут иметь место и на высшей стадии коммунизма. Там, где есть развитие, там неизбежны противоречия. Но эти противоречия действуют в рамках коренной общности классов советского социалистического общества, на основе полного соответствия между производительными силами и производственными отношениями, на основе совершенно новых общественных закономерностей. И это обстоятельство существенно меняет всю картину развития путём борьбы противоположностей по сравнению со старым, антагонистическим обществом.

Так, важнейшим законом социализма является беспрерывное повышение материального благосостояния народных масс. В противоположность капитализму, законом которого является беспрерывное ухудшение материального положения трудящихся масс и где поэтому рост производства постоянно обгоняет покупательную способность масс, что приводит к периодическим экономическим кризисам, в советском социалистическом обществе развитие производства не упирается и не может упереться в уровень потребления, покупательной способности масс, ибо рост производства имеет своей целью не обогащение кучки капиталистов, а интересы повышения материального и духовного уровня жизни народных масс, интересы дальнейшего развития народного хозяйства.

Поэтому уровень потребления, покупательная способность масс в советском обществе беспрерывно обгоняет достигнутый на том или ином этапе уровень производства, заставляя производство двигаться дальше, быстрее. В докладе на XVI съезде ВКП(б) товарищ Сталин глубоко вскрыл этот закон развития советского общества, указав, что в СССР «рост потребления (покупательной способности) масс всё время обгоняет рост производства, толкая его вперёд, а у них, у капиталистов, наоборот, рост потребления масс (покупательной способности) никогда не поспевает за ростом производ-

ства и всё время отстаёт от него, то и дело обрекая производство на кризисы»[1].

Таким образом, своеобразное противоречие между уровнем производства на каждой данной ступени развития и ростом потребления, покупательной способности масс, обгоняющим рост производства, постоянное возникновение этого противоречия и его преодоление являются двигательной силой развития социалистического производства.

На этом примере видно, насколько отличаются противоречия при социализме от противоречий капитализма. Там, в капиталистическом обществе, стремление производства к безграничному расширению находится в непримиримом противоречии с эксплуатацией масс, с низким уровнем их потребления, их покупательной способности. Неразрешимость этого противоречия на почве капитализма ведёт к периодическому возникновению экономических кризисов, росту безработицы и т. д. У нас, в советском обществе, рост покупательной способности масс ведёт к росту производства, что даёт стимул к новому подъёму потребления и покупательной способности масс, к дальнейшему повышению их материального благосостояния.

В экономическом отношении переход от социализма к коммунизму и означает не что иное, как такое повышение производительности труда, такой рост производства, который позволит создать изобилие продуктов, необходимое для осуществления коммунистического принципа: «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям».

В докладе на XVIII съезде ВКП(б) товарищ Сталин показал, что для перехода на высшую стадию коммунизма СССР необходимо перегнать главные капиталистические страны в экономическом отношении, т. е. в размере промышленного производства на душу населения.

«Мы перегнали главные капиталистические страны, говорил И. В. Сталин, — в смысле техники производства

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 12, стр. 322—323.

и темпов развития промышленности. Это очень хорошо. Но этого мало. Нужно перегнать их также в экономическом отношении. Мы это можем сделать, и мы это должны сделать. Только в том случае, если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе» [1].

Война, развязанная немецко-фашистскими империалистами, прервала на время выполнение этой величественной задачи. Успешное выполнение и перевыполнение послевоенной пятилетки позволило не только восстановить народное хозяйство, но и сделать новый важный шаг на пути дальнейшего развития социалистической экономики.

В тесной связи с осуществлением поставленной И. В. Сталиным задачи — перегнать в экономическом отношении главные капиталистические страны — стоит грандиозная программа преобразования природы в нашей стране, строительства крупнейших гидростанций, каналов и т. д.

Здесь мы сталкиваемся с ещё одним противоречием или несоответствием, преодоление которого составляет важную и специфически особую задачу, характерную для социалистического общества. Речь идёт о борьбе со случайностями природы и подчинении её интересам общества.

Хищническому, грабительскому отношению капитализма к природе социализм противопоставляет планомерное преобразование климата, почвы.

Буржуазный строй разрушает естественные силы природы. Капиталисты стремятся к непосредственному результату, не считаясь с тем, что будет впоследствии.

«Какое было дело испанским плантаторам на Кубе,— писал Энгельс, отмечая характерную черту отношения буржуазии к природе, — выжигавшим леса на склонах

[1] *И. В. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 578—579.

гор и получавшим в золе от пожара удобрение, которого хватало на *одно* поколение очень доходных кофейных деревьев, — какое им было дело до того, что тропические ливни потом смывали беззащитный отныне верхний слой почвы, оставляя после себя лишь обнаженные скалы! При теперешнем способе производства (т. е. капиталистическом. — *М. Р.*) и в отношении естественных и в отношении общественных последствий человеческих действий принимается в расчет главным образом только первый, наиболее очевидный результат»[1].

Современная Америка может служить ярким подтверждением этих слов Энгельса. В этой стране хозяйничание империалистов приводит к истощению почвы, превращает огромное количество пахотных земель и пастбищ в пустыни, сгоняет с земли массу мелких фермеров, не имеющих средств для восстановления плодородия почвы, превращая их в нищих и бродяг, вынужденных кочевать по стране в поисках заработка. «Бедствующая земля» — так называют американскую землю, на которой трудятся мелкие фермеры.

«К настоящему времени почвенный покров в США оказался уничтоженным на огромных площадях — от Монтаны и Дакоты до Техаса. В таком же положении находятся земли штатов Канзас, Колорадо, Нью-Мексико, Оклахома, где почвенный покров снесён, фермерские постройки и сады засыпаются песком и пылью. Сотни тысяч фермеров разорены и остались вместе со своими семьями без средств и без крова. За период с 1940 по 1945 год общее количество ферм в США уменьшилось на 238 тысяч...»[2]

Превращение плодородной земли в голую пустыню — таков символ современного капитализма.

Величественные планы преобразования природы, осуществляемые в СССР, — свидетельство прямо противоположного отношения к природе. Социалистический строй заинтересован в достижении не только ближай-

---

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, 1950, стр. 143.

[2] *В. Ковда,* Великие стройки коммунизма и преобразование природы, «Большевик» № 20, 1950 г., стр. 34.

ших успехов, — он планирует надолго вперёд. Его цель — обеспечение прочного, не нарушаемого никакими случайностями стихийных сил природы, положения трудящегося человечества. Поэтому только при социализме начинается настоящее движение за приведение природы в соответствие с потребностями человеческого общества. И чем дальше, тем большего размаха будет достигать это движение. Достаточно указать, что пустыни и полупустыни занимают около 35 миллионов квадратных километров на поверхности земного шара. Но до настоящего времени отвоёвано у пустынь лишь около двух процентов площади!

И в этом отношении наша советская социалистическая родина, прокладывая новые пути, даёт пример всему человечеству. Только в результате создания Главного Туркменского канала будет обводнено до 7 миллионов гектаров пастбищ в пустыне Кара-Кумы, будут созданы оросительные системы на площади в 1 миллион 300 тысяч гектаров. Создание Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов даст возможность оросить 1,5 миллиона гектаров плодородных земель и обводнить 1,7 миллиона гектаров земель для животноводства.

В этих масштабах преобразования природы, в самой постановке такой задачи ярко сказываются неисчерпаемые возможности нового строя, созданного в нашей стране. Впервые в истории человечества «борьба с природой» выступает как сознательная и организованная воля общества. И что необходимо ещё раз подчеркнуть — эта задача могла встать во весь рост лишь после того, как были преодолены внутренние противоречия, характерные для капитализма, лишь после уничтожения капиталистического строя.

Переход советского общества от социализма к коммунизму не есть стихийный процесс. В отличие от капиталистического общества, где развитие совершается стихийно, социалистическое общество движется вперёд сознательной волей людей, сознательным трудом миллионов и десятков миллионов людей, организуемых и руководимых коммунистической партией. Поэтому осуществление постепенного перехода с первой стадии коммунизма на

высшую стадию предполагает рост социалистической сознательности людей, борьбу за преодоление пережитков капитализма в сознании, в психологии людей.

Социализм производит целую революцию в сознании и психологии людей. На основе нового общественного бытия вырастает новая психология, новое сознание, новый духовный облик людей. Трудно переоценить всю грандиозность переворота, происшедшего в этой области на основе победы социализма в нашей стране. Советский человек по-новому относится к труду, к общественной собственности. Установился новый тип взаимоотношений между людьми, основанный на взаимопомощи свободных от эксплуатации людей. Укрепляется и развивается новая коммунистическая мораль, очищенная от грязи старого капиталистического общества.

Однако в сознании людей ещё неизбежно сохраняются пережитки старого. Сознание отстаёт от нового общественного бытия людей, — отсюда противоречие между новым общественным бытием и пережитками старого в психологии человека, отсюда борьба между новым и старым, между отживающим и развивающимся в сознании людей. Борьба между передовыми людьми и отсталыми, между новаторами и консерваторами проявляется в многообразных формах — и на производстве, и в колхозах, и в органах государственного аппарата — во всех областях хозяйства, культуры, науки.

При социализме существует строгий контроль за мерой и качеством труда, «ибо, не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество *без всяких норм права*, да и экономических предпосылок *такой* перемены отмена капитализма *не дает сразу*»[1].

При коммунизме уже имеются все предпосылки для работы на общество «без всяких норм права», для распределения по принципу «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям». И эти предпосылки заключаются не только в том, что создаётся опре-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 25, изд. 4, стр. 439.

делённая материальная база для распределения предметов потребления по потребностям, но и в том, что люди *привыкают* к соблюдению правил коммунистического общежития и добровольно, без всякого принуждения, трудятся по своим способностям.

Следовательно, без полного преодоления пережитков капитализма в сознании людей невозможно подняться на высшую стадию коммунизма. А процесс этого преодоления есть одно из существенных выражений «борьбы противоположностей» при социализме, борьбы между новым и старым, между отживающим и нарождающимся.

Таким образом, с ликвидацией антагонистического строя и построением социализма противоречия не исчезают. Исчезают лишь антагонистические противоречия внутри страны, развитие же социалистического общества, процесс перерастания его в коммунистическое общество имеет свои противоречия и происходит на основе возникновения и преодоления этих противоречий. Но это уже не те противоречия, которые закономерно порождают ожесточённую классовую борьбу и ведут в процессе своего развёртывания к социальным потрясениям и катаклизмам. Это — неантагонистические противоречия, за которыми не стоят уже враждебные классы с их непримиримыми интересами. Эти противоречия, как было уже указано, действуют и преодолеваются в рамках морально-политического единства всех классов советского общества. Единство советского общества есть та сила, которая позволяет преодолевать любые трудности и противоречия, связанные с его дальнейшим развитием.

Если природа внутренних противоречий капитализма такова, что они не могут быть разрешены на базе самого капитализма, то природа противоречий при социализме такова, что они могут быть разрешены и разрешаются на базе самого социализма и благодаря социализму. Поэтому отличительной чертой противоречий при социализме является то, что процесс их преодоления ещё больше укрепляет единство социалистического общества, делает это единство ещё более нерушимым. И здесь не прими-

рение, а борьба противоположностей есть источник развития, но это уже не борьба враждебных классов, а борьба передового с отсталым, новаторского с консервативным, борьба передовых творческих сил против всякой рутины, косности, приверженности к старому, отжившему.

В буржуазном обществе развитие противоречий неизбежно приводит к взрыву, к революции, ибо на пути прогрессивного развития общества стоят отжившие производственные отношения, реакционная политическая власть буржуазии. На пути развития социализма уже не стоят такие препятствия. Социалистические производственные отношения, диктатура пролетариата открывают беспредельные возможности для развития общества. Препятствия, стоящие на пути развития социалистического общества, совсем другого рода, чем при капитализме: это — пережитки капитализма в сознании людей, это — различные проявления отсталости, косности, чуждые социализму нравы и т. д., которые, если с ними не бороться, способны серьёзно затормозить развитие.

Поэтому понятие борьбы нового со старым, развивающегося с отмирающим в применении к советскому обществу наполнено совершенно иным содержанием, чем это же понятие в применении к капиталистическому обществу.

Из нового содержания противоречий вытекают и новые, небывалые ранее формы их преодоления. Однако, прежде чем перейти к выяснению этого вопроса, необходимо отметить, что до сих пор речь шла о *внутренних* противоречиях советского социалистического общества. Между тем не следует ни на минуту забывать, что существуют ещё противоречия внешнего порядка — противоречия между СССР, как страной социализма, и миром капитализма. Анализируя противоречия в период перехода от капитализма к социализму в нашей стране, И. В. Сталин разбил их на две группы: внутренние и внешние. Товарищ Сталин показал, что если внутренние противоречия преодолимы силами нашей страны, то внешние противоречия между страной, строящей социализм, и капиталистическим окружением могут быть пре-

одолены лишь в результате усилий международного пролетариата и победы социалистической революции в ряде других стран. Основываясь на факте существования двух групп противоречий, товарищ Сталин сделал вывод, что преодолимость внутренних противоречий собственными силами означает полную возможность построения социализма в СССР; однако эта победа не может считаться окончательной в смысле полной гарантии от нападения на СССР со стороны капиталистических стран и их попыток реставрации капитализма.

Разграничение двух групп противоречий — внутренних и внешних — имело огромное значение в ходе борьбы за социализм. Оно помогло разоблачить троцкистских и зиновьевских агентов империализма, сознательно смешивавших эти разные противоречия, чтобы навязать народу контрреволюционный вывод о невозможности построения социализма в нашей стране. Вместе с тем оно учило советский народ необходимости быть в боевой готовности, ни на минуту не забывать о капиталистическом окружении, об опасности вооружённой интервенции извне.

«Мы работаем и строим в обстановке капиталистического окружения, — говорил И. В. Сталин на XIV съезде ВКП(б). — Это значит, что наше хозяйство и наше строительство будут развиваться в противоречии, в столкновениях между системой нашего хозяйства и системой хозяйства капиталистического. Этого противоречия нам не избегнуть никак. Это есть рамки, в пределах которых должна протекать борьба двух систем, системы социалистической и системы капиталистической» [1].

Эти слова сохраняют свою полную силу и в настоящее время, когда социализм в нашей стране уже построен, когда решается задача постепенного перехода от социализма к коммунизму. Противоречие между социалистической системой и системой капиталистической есть *антагонистическое* противоречие, и борьба между ними является выражением борьбы антагонистических

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 7, стр. 297—298.

классов. С уничтожением эксплуататорских классов внутри нашей страны вся острота классовой борьбы для СССР передвинулась на международную арену.

СССР и капиталистические страны — это два мира, «два лагеря, два центра притяжения»[1]. В докладе на XIV съезде ВКП(б) товарищ Сталин пророчески предсказал возникновение и направление развития этих двух лагерей. Он говорил, что «создаются два основных, но противоположных центра притяжения и сообразно с этим — два направления тяги к этим центрам во всём мире: Англо-Америка — для буржуазных правительств и Советский Союз — для рабочих Запада и революционеров Востока»[2].

Ныне в полной мере определились не только эти два основных и противоположных лагеря, два центра притяжения, но и направление их развития. Товарищ Сталин ещё тогда, в 1925 г., предсказал, что «наши силы растут и будут расти не по дням, а по часам», и, наоборот, «слабость капитализма будет расти не по дням, а по часам»[3].

Тогда СССР был единственной страной социализма. Теперь на путь строительства социализма вступил ряд стран Европы. Теперь рука об руку с СССР борется великий китайский народ, освободивший себя от ига внутреннего и чужеземного империализма. Теперь СССР возглавляет могущественный лагерь мира, демократии и социализма. СССР как революционный центр притяжения неуклонно завоёвывает симпатии всех прогрессивных людей земного шара, знающих, что только советская политика мира, политика борьбы против поджигателей новой войны обеспечивает будущее всех народов.

В то же время мировой капитализм теряет одни позиции за другими и, раздираемый внутренними противоречиями, неизбежно катится к своей гибели.

В то время как Советский Союз и все страны народной демократии борются за мир, империалистическая

---

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 7, стр. 282.
[2] Там же, стр. 281—282.
[3] Там же, стр. 285.

Америка и возглавляемый ею блок агрессивных стран стремится разжечь новую мировую войну. В беседе с корреспондентом «Правды» И. В. Сталин указал, что «в Соединённых Штатах Америки, в Англии, так же как и во Франции, имеются агрессивные силы, жаждущие новой войны. Им нужна война для получения сверхприбылей, для ограбления других стран. Это — миллиардеры и миллионеры, рассматривающие войну как доходную статью, дающую колоссальные прибыли» [1]

Таким образом, было бы опаснейшей ошибкой игнорировать внешние противоречия, противоречия между миром социализма и миром капитализма. Внутренние и внешние противоречия не изолированы друг от друга, а связаны между собой. Существование капиталистического мира, а, следовательно, и опасности нападения извне требует дальнейшего укрепления обороноспособности нашей страны. Товарищ Сталин в своём известном выступлении перед избирателями в 1946 г., набросав грандиозную программу роста производства стали, чугуна, добычи угля, нефти и т. д., указал, что, только добившись выполнения этой программы, наша страна обезопасит себя от всякого рода случайностей, связанных с существованием капиталистического мира.

Нельзя, например, рассматривать борьбу с пережитками капитализма в сознании людей вне связи с фактом существования капиталистического мира, который стремится оживить эти пережитки с целью ослабления нашей страны. Поэтому, чем успешнее идёт процесс преодоления противоречий нашего развития внутри страны, тем успешнее разрешаются задачи, намечаемые партией и государством, тем сильнее становятся позиции мира социализма в его борьбе против мира капитализма.

Теперь перейдём к вопросу о том, каковы новые формы преодоления внутренних противоречий социалистического общества.

---

[1] *И. В. Сталин,* Беседа с корреспондентом «Правды», 1951, стр. 13.

6. Критика и самокритика как новая движущая сила развития, как форма борьбы между новым и старым

Одной из важнейших форм преодоления внутренних противоречий социалистического общества является критика и самокритика. В условиях, когда решающее значение для движения вперёд приобретает социалистическая сознательность людей, борьба с пережитками старого отношения к труду, к общественной собственности, борьба с остатками влияния буржуазной культуры и т. д., критика и самокритика становится могущественной движущей силой развития. Критика и самокритика выступает как новая диалектическая закономерность развития.

В сочинениях Ленина и Сталина дано глубокое обоснование роли критики и самокритики в развитии советского общества.

Ленин в своих выступлениях после Октябрьской революции настойчиво повторял, что основным фактором развития общества на новой, советской основе является самостоятельная творческая деятельность масс. Только привлечение широких масс к активному участию в строительстве нового мира может, учил Ленин, обеспечить победу социализма. В этой связи Ленин придавал колоссальное значение критике со стороны масс, критике недостатков, ошибок, бюрократизма в работе госаппарата и отдельных руководителей, поставленных волей трудящихся на те или иные общественные посты. В речи на Московской губернской партийной конференции в 1920 г. Ленин говорил: «Работа настоящего строительства — это есть применение критики и ее содержание» [1].

Ленинские положения о значении критики и самокритики нашли своё дальнейшее развитие в работах и выступлениях товарища Сталина. В докладе на XV съезде ВКП(б) товарищ Сталин дал научно обоснованное определение критики и самокритики как одной из важнейших

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, изд 4, стр. 398.

движущих сил советского общества. Указав, что борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся является основой нашего развития, товарищ Сталин сделал следующий вывод: «Не отмечая и не выявляя открыто и честно, как это подобает большевикам, недочёты и ошибки в нашей работе, мы закрываем себе дорогу вперёд. Ну, а мы хотим двигаться вперёд. И именно потому, что мы хотим двигаться вперёд, мы должны поставить одной из своих важнейших задач честную и революционную самокритику. Без этого нет движения вперёд. Без этого нет развития» [1].

В этих словах товарища Сталина дана научная формулировка диалектического закона развития советского общества. Показывая, что основой нашего развития является борьба между старым и новым, отмирающим и нарождающимся, товарищ Сталин вскрывает и новую форму, принимаемую этой борьбой в условиях советского общественного строя.

Значение критики и самокритики заключается в том, что она есть форма борьбы всего передового, творческого, новаторского против всего отсталого, косного, рутинного. Значение критики и самокритики в нашем советском обществе встаёт во весь рост в свете того основного факта, что вся жизнь советского общества проникнута духом новаторства, духом творчества, созидания. Никогда ещё не было такого строя, который бы так смело и бесстрашно прокладывал новые пути развития, утверждал новое, передовое во всех областях жизни.

Но новое, рождающееся в нашей жизни, может свободно возникать и развиваться, лишь опрокидывая отжившее, борясь против старого, отмирающего, которое не просто уходит со сцены, а сопротивляется, отстаивает себя. Роль и значение критики и определяется тем, что она вскрывает, обнаруживает старое, отжившее, выявляет и преодолевает противоречие между новым и старым и тем самым открывает и очищает путь для развития нового, передового.

---

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 10, стр. 331

Опыт социалистического строительства в полной мере показывает эту роль и значение критики и самокритики в нашем обществе.

Известно, что коммунизм может победить, лишь создав новый, неизмеримо более высокий по сравнению с капитализмом уровень производительности труда. Советский строй породил мощное движение масс, преодолевающее старый, недостаточный для перехода к коммунизму уровень производительности труда. Этим движением, этой формой борьбы за новую производительность труда являются социалистическое соревнование и стахановское движение.

Но что такое социалистическое соревнование, стахановское движение? Это борьба против отсталости и косности в труде, борьба передовых рабочих и колхозников за подтягивание отстающих к уровню передовых. Это самокритика масс, честно и по-революционному вскрывающих недостатки в своём труде и преодолевающих эти недостатки путём творческого созидания более высокой производительности труда.

Товарищ Сталин назвал социалистическое соревнование выражением «деловой революционной *самокритики* масс, опирающейся на творческую *инициативу* миллионов трудящихся». В социалистическом соревновании как революционной критике и самокритике масс очень ярко выступает новый характер «борьбы противоположностей» в нашем обществе, новая, особенная форма выявления и преодоления противоречий. Трудящиеся массы — хозяева своей страны, они работают не на эксплуататоров, а на себя, на своё государство и потому кровно заинтересованы в повышении производительности труда ради быстрейшего движения к коммунизму.

С большой силой сказалась эта особенность нашего развития в стахановском движении. Стахановское движение было прямым выражением борьбы передовых рабочих, овладевших современной техникой, против отсталости и косности, оно было деловой критикой этой косности и отсталости высокопроизводительным трудом, прокладывающим новые пути в технике и методах производства. Как указал товарищ Сталин в своей речи на первом

Всесоюзном совещании стахановцев, инициаторам этого движения пришлось на первых порах прокладывать себе дорогу «в известной мере вопреки воле администрации наших предприятий, даже в борьбе с ней».

Товарищ Сталин вскрыл те противоречия, преодолением которых явилось стахановское движение. Указав, что оно развилось не постепенно, а в порядке взрыва, прорвавшего какую-то плотину, товарищ Сталин сказал: «Очевидно, что ему пришлось преодолеть какие-то препоны. Кто-то ему мешал, кто-то его зажимал, и вот, накопив силы, стахановское движение прорвало эти препоны и залило страну.

В чем тут дело, кто же, собственно, мешал?

Мешали старые технические нормы и люди, стоявшие за спиной этих норм. Несколько лет тому назад наши инженерно-технические и хозяйственные работники составили известные технические нормы применительно к технической отсталости наших рабочих и работниц. С тех пор прошло несколько лет. Люди за это время выросли и подковались технически. А технические нормы оставались неизменными. Понятно, что эти нормы оказались теперь для наших новых людей устаревшими»[1].

Как было преодолено это противоречие? Стахановцы своей революционной самокритикой и критикой, выразившейся в их новой производительности труда, выступили против консерватизма некоторых инженеров и техников, цеплявшихся за старое, привычное. Коммунистическая партия, чутко прислушивающаяся к голосу масс и подхватывающая всякое ценное начинание, сделала всё, чтобы дать простор стахановскому движению. Партия подвергла жесточайшей критике тех хозяйственных и инженерно-технических работников, кто не желал видеть новое, родившееся в жизни, не замечал противоречия, возникшего в процессе движения вперёд, и необходимости преодолеть его, чтобы двигаться ещё успешнее. Таким путём противоречие было преодолено, и стахановское движение, ставшее массовым движением, ныне

---

[1] *И. В. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 501.

прогрессирует, служит животворным источником роста нашего социалистического хозяйства.

На этой же основе самостоятельной деятельности многомиллионных масс народа, активно творящих новую жизнь, строится вся общественная и политическая жизнь советского общества. Советская социалистическая демократия, будучи высшей и до конца последовательной формой демократизма, развязывает инициативу и энергию массы людей, прививает им чувство хозяина государства и делает человека активным борцом, гражданином с широким общественным кругозором, с широкими общественными интересами. И тут могучим оружием в руках масс, заботящихся о процветании своего государства, в руках авангарда трудящегося народа — большевистской партии, является критика и самокритика, направленная против всякого застоя и имеющая своей целью укрепление и развитие Советского государства.

Механизм государственной и общественной жизни в нашей стране — Советы, являющиеся всеобъемлющими массовыми организациями трудящихся, профсоюзы, охватывающие десятки миллионов рабочих и служащих и строящиеся на основе самодеятельности самих масс, многомиллионная организация молодёжи — комсомол, воспитывающий молодое поколение в духе коммунизма и поднимающий его общественную активность, и множество других общественных организаций — весь этот механизм позволяет массам трудящихся осуществлять революционную критику и самокритику.

Товарищ Сталин раскрыл важную роль критики и самокритики как средства привлечения масс к управлению государством, выработки в них навыков государственной деятельности, подъёма их культурности. Критика и самокритика развязывает активность трудящихся, даёт им возможность выявить свои способности, повышает их бдительность. На собрании актива московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. товарищ Сталин сказал по этому поводу:

«А что требуется для того, чтобы развязать силы и способности рабочего класса и вообще трудящихся и дать им возможность приобрести навыки к управлению страной?

Для этого требуется, прежде всего, честное и большевистское проведение лозунга самокритики, честное и большевистское проведение лозунга критики снизу недостатков и ошибок нашей работы. Если рабочие используют возможность открыто и прямо критиковать недостатки в работе, улучшать нашу работу и двигать её вперёд, то что это значит? Это значит, что рабочие становятся активными участниками в деле руководства страной, хозяйством, промышленностью. А это не может не поднять у рабочих чувство хозяина в стране, их активность, их бдительность, их культурность» [1].

Эти сталинские слова вскрывают пропасть, отделяющую буржуазную демократию от советской социалистической демократии: буржуазная демократия боится критики масс и всячески заглушает их голос, социалистическая демократия не может существовать без критики снизу и поднимает миллионы трудящихся к активной общественной и политической жизни. Большевистская партия с помощью критики и самокритики воспитывает в массах чувство хозяина страны, воспитывает активных деятелей государства.

Критика и самокритика как движущая сила развития советского общества показывает одну очень важную особенность «борьбы противоположностей» в новых исторических условиях. Эта особенность состоит в том, что ведущим началом в борьбе между новым и старым является новое, передовое, прогрессивное. Конечно, и в старом, антагонистическом обществе ведущим началом, одерживающим в конце концов победу, является передовое, прогрессивное. Но в старом обществе этому передовому приходится вести ожесточённую борьбу с господствующими классами, имеющими в своём распоряжении могущественный аппарат политической власти, огромный идеологический аппарат воздействия на массы и использующими эти средства в целях поддержки всего отживающего, тормозящего поступательное развитие.

В советском социалистическом обществе, напротив, вся сила государственной власти, весь авторитет комму-

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 11, стр. 37.

листической партии, её организующая и мобилизующая деятельность, вся огромная сила советской общественности направлены на поддержку передового, прогрессивного начала, и это помогает быстрее преодолевать противоречие между новым и старым, ускорять развитие. Любое ценное начинание советских людей, любая творческая инициатива, способствующая быстрому движению вперёд, подхватывается государством, партией, как это было в случае со стахановским движением и в множестве других случаев. Критика и самокритика тем и важна, что она помогает всему передовому осуществлять свою роль ведущего начала в развитии советского общества.

Следует также подчеркнуть, что существенной чертой критики и самокритики как советского метода выявления и преодоления противоречий развития, как одной из движущих сил советского общества является её положительный, деловой, революционно-практический характер. Большевистская критика и самокритика преследует единственную цель — практически исправить недостатки, создать условия для более быстрого роста материальных и духовных ценностей. Ей глубоко чуждо расхождение между словом и делом. Интересы народа, интересы строительства коммунистического общества, интересы победы нового, передового над отжившим, препятствующим развитию, — таково основное направление большевистской критики и самокритики.

Выступая в 1928 г. в «Правде» со статьёй «Против опошления лозунга самокритики», товарищ Сталин провёл резкую грань между большевистской критикой и самокритикой и враждебной «критикой».

«Надо строго различать, — писал товарищ Сталин, — между этой *чуждой* нам, разрушительной антибольшевистской «самокритикой» и *нашей,* большевистской самокритикой, имеющей своей целью *насаждение* партийности, *упрочение* Советской власти, *улучшение* нашего строительства, *укрепление* наших хозяйственных кадров, *вооружение* рабочего класса» [1].

---

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 11, стр. 133.

* *
*

Анализ содержания неантагонистических противоречий и форм их преодоления позволяет сделать некоторые важные выводы об особенностях проявления закона развития путём борьбы противоположностей при социализме.

1. В противовес антагонистическим противоречиям капиталистического общества неантагонистические противоречия при социализме не ведут к расколу общества, к возникновению и росту двух сил, борющихся между собой не на жизнь, а на смерть. Неантагонистические противоречия проявляются и действуют на основе морально-политического единства советского общества.

Общность экономических и политических интересов рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции является главным решающим фактором, определяющим новый характер противоречий социалистического общества и своеобразие их действия. Процесс выявления, раскрытия и преодоления этих противоречий имеет своим закономерным следствием дальнейшее укрепление морально-политического единства советского социалистического общества.

2. Если преодоление антагонистических противоречий капитализма невозможно на базе самого капитализма и требует уничтожения этой базы, то неантагонистические противоречия социалистического общества могут быть преодолены и преодолеваются на базе самого социализма. Полное соответствие между производительными силами и производственными отношениями при социализме, отсутствие эксплуататорских классов создают благоприятную основу для движения вперёд, для преодоления любых внутренних противоречий, ибо это противоречия не упадка, не загнивания, а противоречия роста, развития, бесконечного совершенствования.

3. Неантагонистические противоречия, как и любые иные противоречия, преодолеваются в борьбе. Частнособственнические тенденции, имеющие ещё место среди части колхозников, несоциалистическое отношение отсталых элементов к труду, преклонение некоторой части интеллигенции перед загнивающей буржуазной культу-

рой, бюрократизм и прочие пережитки капитализма в сознании людей не могут быть преодолены, если с ними не вести борьбы, если предоставить дело их ликвидации самотёку. Только борьба с ними может быть источником развития, движения вперёд. Но форма этой борьбы коренным образом отличается от формы борьбы между новым и старым в капиталистическом обществе. Центр тяжести передвигается на коммунистическое воспитание людей, на убеждение силой примера, на воздействие общественности, что не исключает, однако, и силы принуждения по отношению к злостным элементам. В этих условиях критика и самокритика недостатков выступает как могучая и подлинно движущая сила развития. Критика оружием, являвшаяся основным средством разрешения антагонистических противоречий, уступает место оружию критики и самокритики как средству преодоления неантагонистических противоречий социалистического общества.

7. Учение о противоречиях и вопрос об «объективизме» и партийности в познании. Ленин и Сталин о диалектической гибкости понятий

Положение марксистской диалектики о том, что развитие есть борьба противоположностей, ставит серьёзные требования перед человеческим познанием. Важнейшим из этих требований является требование партийности, т. е. такой подход к общественным явлениям, который не смазывает, не затушёвывает, а вскрывает классовый характер, классовую основу тех или иных процессов, происходящих в обществе, разделённом на классы, и обязывает открыто становиться на точку зрения определённого класса.

Ленин метко охарактеризовал сознательное затушёвывание классового противоречивого характера общественных явлений как *буржуазный объективизм* в познании. Разоблачая типично буржуазный объективистский подход «легального марксиста» Струве к критике народничества, Ленин показывает, что нельзя ничего понять в исторических процессах, если не вскрыть, из борьбы каких классов

складываются эти процессы, если не установить, какой класс является носителем тех или иных тенденций в общественном развитии. У Струве, писал Ленин, «узкий объективизм, ограничивающийся доказательством неизбежности и необходимости процесса и не стремящийся вскрывать в каждой конкретной стадии этого процесса присущую ему форму классового антагонизма, — объективизм, характеризующий процесс вообще, а не те антагонистические классы в отдельности, из борьбы которых складывается процесс» [1].

Струве, разумеется, не случайно говорил о «процессе вообще». Буржуазный идеолог заинтересован в том, чтобы скрыть, спрятать глубочайшие противоречия капитализма и тем самым изобразить его развитие как некий гармоничный процесс, без борьбы классов, без антагонистических противоречий. Такова вообще характерная черта буржуазных и реформистских «объективистов»; они непрочь поболтать об «исторической необходимости» развития, о том, куда идёт это развитие, но они, как огня, боятся вопроса о том, из каких противоречий складывается это развитие, какое место занимают противоположные классы в этом развитии, какой класс выражает прошлое, отмирающее и какой класс выражает будущее.

Правые социалисты, например, немало говорят о «неизбежности» процесса развития к «социализму». Но их «социализм» есть лишь пустая фраза, ибо они не раскрывают классового антагонистического характера этого процесса, намеренно смазывая тот факт, что этот процесс возможен лишь как борьба классов, борьба, завершающаяся пролетарской революцией и диктатурой пролетариата.

Буржуазному объективизму в познании общественных явлений Ленин противопоставлял коммунистическую партийность, которая обязывает не только вскрывать классовую основу всякого общественного процесса, но и открыто становиться на точку зрения пролетариата — единственно революционного класса, не ставящего никаких пределов человеческому познанию; «материализм, —

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 1, изд. 4, стр. 477.

писал Ленин, — включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» [1].

Такой подход является вместе с тем и единственно научным, подлинно объективным подходом, не замазывающим реальных фактов классовой борьбы и классовых противоречий, а раскрывающим их роль и их конкретно-историческое содержание.

Буржуазный объективист лишь по видимости объективен, на деле же он представитель худшей разновидности субъективизма, ибо искажает действительную картину развития. Напротив, точка зрения коммунистической партийности есть выражение подлинно научной объективности, правдиво отражающей картину действительности со всеми её противоречиями.

Учение марксистской диалектики о противоречиях выдвигает перед человеческим познанием и другое важное требование. Наше познание должно быть отражением, слепком с действительности. Для объективной же действительности характерна не мертвенность, не окостенелость, а подвижность, противоречивость, переходы одного в другое. Поэтому и человеческие понятия, категории, законы, формулируемые нашим познанием, чтобы правильно отражать объективную реальность, должны быть столь же подвижными, гибкими, способными переходить друг в друга.

В одной из своих заметок в конспекте лекций Гегеля по истории философии Ленин высказывает ту очень важную мысль, что самое трудное — это выразить движение в понятиях, в мысли. Трудность эта заключается в том, что всякое движение чрезвычайно противоречиво. И мысль наша, чтобы быть верным отражением движения, должна в своих понятиях схватывать и выражать эту противоречивость движения. Это единственный путь, идя по которому человеческое познание может адэкватно, т. е. верно, изображать действительность.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, изд. 4, стр. 380—381.

«И в этом, — пишет Ленин, — *суть* диалектики. *Это-то суть* и выражает формула: единство, тождество противоположностей» [1].

Насколько прав Ленин, показывает пример метафизиков, которые, не умея или не желая подняться на точку зрения диалектических противоречий, объявляют войну человеческому разуму, логическим понятиям и категориям. Буржуазная философия последних десятилетий выдвинула из своей среды целое течение, которое буржуазные исследователи называют «романтическим» в противовес старым, «классическим» школам в философии. Сущность романтического течения, к которому относят философию интуитивизма Бергсона, прагматизм, так называемую «философию жизни», ницшеанство и т. д., заключается в *отрицании рационального познания* и в возвышении, выражаясь языком Бергсона, той «полоски смутного», иррационального, инстинктивного, которая якобы «ещё сохранилась» в человеке.

Весь этот поход против разума имеет своей основой идею о том, что разум, схватывая якобы только статическое, неподвижное, не способен выразить движение, что понятия омертвляют живое, расчленяя его на не связанные друг с другом части.

«Интеллект, — пишет Бергсон, — не создан для того, чтобы мыслить развитие в собственном смысле этого слова, т. е. непрерывность изменения, представляющего чистую подвижность».

Способ познания посредством понятий он называет кинематографическим, разум с его точки зрения способен давать лишь застывшие кадры, неподвижные мгновения.

Легко понять, что подобная философия просто-напросто отрицает всякую науку, всякое научное познание. Ибо если понятия не способны адэкватно выразить движение, развитие, то как же тогда возможна наука? Но поборники «романтического» направления в философии менее всего заботятся об интересах науки.

Материалистическая диалектика не только утверждает способность нашего разума и наших понятий

[1] *В. И. Ленин.* Философские тетради, 1947, стр. 243.

адэкватно, точно отражать движение в его самых сложных формах, но и указывает своим учением о единстве и борьбе противоположностей единственный путь, ведущий к такому адэкватному отражению.

Для этого человеческая мысль, познание должны отрешиться от всякого следа метафизической окостенелости и следовать за всем богатством переливов, переходов, превращений противоположностей в самой действительности.

Метафизик вырывает пропасть между противоположностями. Он подходит к ним, как к застывшим, неподвижным, неспособным превращаться друг в друга. Отсюда постоянный грех метафизиков от науки и политики: окостенелость, деревянность, негибкость их мысли, понятий, лозунгов, тактики. Отсюда неспособность метафизиков представить себе, как «мёртвая» материя сама по себе, в силу собственных законов развития, превращается в свою противоположность — в «живую материю», как классовое общество превращается в свою противоположность — в бесклассовое общество, и т. д.

Марксистская диалектика, напротив, вскрывая единство, борьбу, переход противоположностей как существеннейший и важнейший закон развития самой объективной действительности, всё внимание обращает на то, чтобы и человеческие понятия соответствовали этому всеобщему закону действительности. Сила марксистской диалектики в том и состоит, что она воспитывает человеческий ум в духе необходимой гибкости. Ленин указывает, что логические понятия, чтобы правильно отражать действительность, должны быть «обтесаны», «обломаны», «гибки», «взаимосвязаны», «подвижны», «релятивны», «едины в противоположности» и т. д.

Мы находим у Ленина яркие положения, глубоко раскрывающие значение диалектического учения о единстве и борьбе противоположностей для познания.

Приведём некоторые из этих ленинских положений.

«*Диалектика* есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположности*, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — по-

чему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую»[1].

«Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть»[2].

Если бы Маркс не анализировал развитие форм стоимости и развитие капиталистического способа производства вообще диалектически, если бы понятия, созданные им, не были столь же гибкими, подвижными, превращающимися одно в другое, как и те объективные явления, которые они выражают, то он не мог бы изобразить процесс превращения единичной формы стоимости в свою противоположность — всеобщую форму; простого товарного производства — в капиталистическое; капиталистического способа производства — в социалистический.

В общественной жизни, в политической борьбе нельзя и шагу сделать, не проявляя диалектической гибкости, ибо процессы, совершающиеся в этой области, особенно подвижны, гибки, «противоречивы». Сколько раз вождям нашей партии Ленину и Сталину приходилось выступать в защиту гибкой большевистской тактики против тех, кто кричал об её «противоречивости».

Приведём некоторые примеры.

Известно, что в строительстве советской культуры партия и государство руководствуются указаниями Ленина и Сталина о культуре социалистической по содержанию и национальной по форме. Национал-уклонисты, прикрывавшиеся «левой» фразой, боролись против линии партии в этом вопросе. Они не понимали, как говорил товарищ Сталин, в чём состоит «диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре». Диалектичность же ленинской постановки вопроса товарищ Сталин выразил в следующих словах: «Надо дать национальным культурам развиться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для

---

[1] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 83.
[2] Там же, стр. 84.

слияния их в одну общую культуру с одним общим языком в период победы социализма во всём мире»[1].

Следовательно, в целях и интересах создания условий для возникновения в будущем единой культуры с одним общим языком нужно развивать национальные культуры. Вот этой гибкости — гибкости, доходящей до «тождества противоположностей», — итти к единой общей культуре через максимальное развитие национальных культур, — этого метафизический ум оппортунистов никак не мог усвоить. Они считали, что, если развитие идёт к общей и единой культуре с одним общим языком, значит лозунг развития национальных культур и языков неверен.

Современные правые социалисты вкупе с буржуазными идеологами проповедуют реакционную космополитическую идею об «устарелости» понятия национального суверенитета и национальных культур. Пролетарский интернационализм в корне противоположен космополитизму, который под видом «мирового правительства» и «всеобщей» культуры требует подавления сильными империалистическими хищниками других наций и народов.

Показав противоречивый характер развития, ведущего к будущей интернациональной культуре через развитие национальной культуры, товарищ Сталин продолжает:

«Могут сказать, что такая постановка вопроса «противоречива». Но разве не такая же «противоречивость» имеется у нас с вопросом о государстве? Мы за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть из всех существующих до сих пор государственных властей. Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти — вот марксистская формула. Это «противоречиво»? Да, «противоречиво». Но противоречие это жизненное, и оно целиком отражает марксову диалектику»[2].

Товарищ Сталин приводит и другой пример такой же

---

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 12, стр. 369.
[2] Там же, стр. 369—370.

диалектической «противоречивости» и гибкости большевистской тактики.

«Или, например, ленинская постановка вопроса о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения. Ленин иногда изображал тезис о национальном самоопределении в виде простой формулы: «разъединение для объединения». Вы только подумайте — разъединение для объединения. Это отдаёт даже парадоксом. А между тем эта «противоречивая» формула отражает ту жизненную правду марксовой диалектики, которая даёт большевикам возможность брать самые неприступные крепости в области национального вопроса» [1].

И товарищ Сталин делает следующий вывод из всего сказанного:

«Кто не понял этого своеобразия и «противоречивости» нашего переходного времени, кто не понял этой диалектики исторических процессов, тот погиб для марксизма» [2].

И, напротив, только тот стоит на почве подлинного марксизма, кто способен проявлять всю необходимую диалектическую гибкость при изучении действительности и в революционной практике.

Следует иметь в виду, что положение марксистской диалектики о «гибкости понятий, гибкости, доходящей до тождества противоположностей», направлено не только против метафизического окостенения мысли, но и против всякого рода софистики. Сущность софистики, помимо всего прочего, заключается в том, что точный анализ объективного положения вещей заменяется субъективистскими, односторонними определениями и игрой в них. И Ленин, всячески подчёркивая необходимость гибкости понятий, вместе с тем делает такое замечание:

«Эта гибкость, примененная субъективно, = эклектике и софистике. Гибкость, примененная *объективно*, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира» [3].

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 12, стр. 370.
[2] Там же.
[3] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 84.

Что имел в виду Ленин, высказывая это важное дополнение к своей мысли о гибкости понятий, покажет следующий пример, взятый из статьи Ленина «О брошюре Юниуса».

В своей статье Ленин критикует Розу Люксембург (Юниуса), которая стояла на той точке зрения, что в эпоху империализма национальные движения полностью себя исчерпали и больше не могут иметь места. Всякая национальная война, говорила Р. Люксембург, неизбежно в эпоху империализма превратится в свою противоположность — в империалистическую войну. И на том основании, что всякая национальная война может превратиться в империалистическую, она делала вывод о невозможности национальных войн.

На первый взгляд может показаться, что мы имеем здесь дело с диалектической гибкостью понятий. На самом же деле это не диалектика, а софистика.

Ленин, рассматривая такого рода «гибкость», доказывает, что это — субъективная гибкость понятий, не отражающая объективной диалектики действительности. Он говорит: «Разумеется, основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и в обществе условны и подвижны, что нет *ни одного* явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность. Национальная война *может* превратиться в империалистскую *и обратно...*»[1], империалистическая война может при известных условиях превратиться в национальную.

Но Ленин спрашивает: допустимо ли на том основании, что одна противоположность может превратиться в другую противоположность, отрицать возможность национальных войн? Ленин со всей резкостью выступает против подобной «диалектики».

«Только софист, — говорит Ленин, — мог бы стирать разницу между империалистской и национальной войной на том основании, что одна *может* превратиться в другую. Диалектика не раз служила — и в истории греческой философии — мостиком к софистике. Но мы остаем-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, изд. 4, стр. 295.

ся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа *данного* в его обстановке и в его развитии»[1].

Позднейший опыт развития истории — национально-освободительные войны Испании, Китая, освободительная борьба народов во второй мировой войне — полностью подтвердил ленинскую постановку вопроса.

Следовательно, только та гибкость понятий, которая основана на соответствии с действительностью, на её конкретном анализе, способна отразить всю подвижность и изменчивость действительности; субъективистский же подход, не считающийся с действительностью, основанный на голой возможности всяких превращений, ведёт к софистике.

8. Содержание и форма. Диалектический процесс изменения содержания и формы явлений

В «Философских тетрадях», перечисляя элементы диалектики, Ленин пишет: «...борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, переделка содержания»[2]. Этот элемент диалектики он называет «примером» закона единства и борьбы противоположностей. Ленин не случайно выделил диалектическое отношение формы и содержания как яркий «пример» закона единства и борьбы противоположностей. Рассмотрение диалектического взаимодействия формы и содержания даёт возможность понять одно из важнейших и всеобщих проявлений закона единства и борьбы противоположностей.

В каждом предмете, в каждом явлении можно различить две стороны: содержание и форму. Поэтому диалектика говорит, что любая вещь, любой процесс есть единство содержания и формы.

Главным в вопросе о содержании и форме является правильное понимание их взаимоотношения. В абстрактном виде это взаимоотношение может быть выражено следующим образом: содержание предмета определяет

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, изд. 4, стр. 295.
[2] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 193.

его форму, форма предмета вырастает из содержания, как из той почвы, вне которой она лишена всякого основания; в свою очередь содержание возможно лишь тогда, когда оно оформлено, когда оно имеет свою форму. Взаимосвязь, взаимопроникновение, взаимопереход — вот что прежде всего характерно для содержания и формы, для отношения между этими двумя сторонами любого предмета, любого явления.

Прекрасный пример диалектического взаимоотношения между формой и содержанием дал Ленин, разбирая вопрос об организационных основах пролетарской партии.

Как известно, на II съезде РСДРП разгорелись горячие споры по вопросу о § 1 устава — о том, кто может быть членом РСДРП.

Это был спор о форме организации партии: чем должна быть партия — организованным, боевым, передовым отрядом рабочего класса, как этого требовал Ленин и ленинцы, или неоформленной, рыхлой, разношёрстной организацией, как этого требовали меньшевики. После II съезда меньшевики повели яростную кампанию против Ленина, критикуя ленинские организационные принципы построения революционной рабочей партии.

Меньшевики пытались свой оппортунизм в организационных вопросах прикрыть «глубокомысленным» философствованием, в частности ссылкой на то, что содержание революционной работы партии важнее её формы. В ответ на заявление ленинцев о том, что боевое, революционное направление социал-демократической партии должно не только проводиться в идейной борьбе, но и закрепляться определёнными, революционными формами партийной организации, новая, меньшевистская «Искра» поучала, что «формы есть только формы», что дело не в них, а в содержании борьбы.

В своей работе «Шаг вперед, два шага назад» Ленин подверг меньшевиков уничтожающей критике; «...через все писания новой «Искры», — писал Ленин, — красной нитью проходит та глубокая «мысль», что содержание важнее формы, программа и тактика важнее организации» [1].

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 7, изд. 4, стр. 355.

Разоблачая эту «философию» меньшевизма, Ленин вскрывает её политическую подоплёку, показывая, что форма не есть просто внешняя оболочка содержания, что она соответствует содержанию, даёт ему определённый смысл, направление. Отстаивая такую форму организации, которая широко открывала двери партии для неустойчивых, непролетарских элементов и при которой партия представляла бы нечто организационно неоформленное, разношёрстное и расплывчатое, меньшевики на деле боролись против *революционного содержания* работы партии и защищали оппортунистическое, реформистское направление её деятельности. Централизм, железная дисциплина, подчинение меньшинства большинству, строгая конспирация — всё это были организационные формы, обеспечивающие боевое, революционное содержание деятельности партии. Без принятия таких форм и шагу вперёд нельзя было сделать в развитии революционной деятельности партии.

Ленин писал тогда, что форма работы партии в тот период была так несовершенна, что это являлось серьёзнейшим препятствием к развитию её практической революционной деятельности. «Неразвитость и непрочность формы не дает возможности сделать дальнейшие серьезные шаги в развитии содержания, вызывает постыдный застой, ведет к расхищению сил, к несоответствию между словом и делом» [1].

Но, с другой стороны, Ленин показывает, что сама форма зависит от содержания. В период разброда и кружковщины, когда разрозненные кружки действовали изолированно друг от друга, не имели единой программы, единой тактики, т. е. единого содержания работы, не могло быть и речи о такой форме организации, за которую боролись большевики на II съезде и после него.

«Пока, — пишет Ленин, — у нас не было единства в основных вопросах программы и тактики, мы прямо и говорили, что живем в эпоху разброда и кружковщины, мы прямо заявляли, что, прежде чем объединяться, надо размежеваться, мы и не заговаривали о формах совмест-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 7, изд. 4, стр. 360.

ной организации, а толковали исключительно о новых... вопросах программной и тактической борьбы с оппортунизмом. Теперь эта борьба, по общему нашему признанию, обеспечила уже достаточное единство, формулированное в партийной программе и в партийных резолюциях о тактике; теперь нам надо сделать следующий шаг, и мы его, по общему нашему согласию, сделали: выработали *формы* единой, сливающей все кружки воедино, организации» [1].

Ленин не только показывает тесное взаимодействие, существующее между содержанием и формой, но и подчёркивает, что ведущим, решающим элементом является содержание.

Зависимость формы от содержания и решающий характер содержания особенно ярко обнаруживаются в моменты отрыва формы от содержания, в моменты их несоответствия. Дело в том, что форма предмета, хотя и определяется его содержанием, всё же имеет некоторую относительную самостоятельность. И в силу этой относительной самостоятельности она при определённых условиях может наполниться чуждым ей содержанием.

Эту важнейшую сторону диалектики содержания и формы осветил товарищ Сталин в своей известной речи «О работе в деревне», произнесённой в 1933 г. Говоря об огромном значении формы, он вместе с тем указал на недопустимость её переоценки. Форма играет огромную роль, но всё зависит от того, какое содержание заполняет форму.

Колхозы как социалистическая форма организации сельского хозяйства, говорил товарищ Сталин, есть величайшее завоевание революции. Величайшим революционным завоеванием являются и Советы как социалистическая форма политической организации трудящихся.

«Но колхозы и Советы представляют лишь *форму* организации, правда, социалистическую, но всё же *форму* организации. Всё зависит от того, какое *содержание* будет влито в эту форму» [2].

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 7, изд. 4, стр. 357.
[2] *И. В. Сталин,* Соч., т. 13, стр. 226.

Товарищ Сталин напомнил, что в июле 1917 г., когда Советами руководили меньшевики и эсеры, Советы прикрывали контрреволюционное содержание этих партий. Так и колхозы, если ими не руководить, могут быть использованы антисоветскими элементами как готовая массовая организация.

«Стало быть,— говорил товарищ Сталин,— дело не только в самих колхозах, как социалистической форме организации, но прежде всего в том, какое содержание вливается в эту форму,— дело прежде всего в том, *кто* стоит во главе колхозов и *кто* руководит ими» [1].

Забота о наполнении революционных форм революционным содержанием — вот какой практический вывод следует из этого.

Если содержание определяет форму, то изменение содержания требует изменения формы. И так как нет в природе неизменных предметов, то, следовательно, в развивающихся предметах содержание может приходить и приходит в противоречие со старой формой.

Это противоречие есть важнейший источник развития, прогресса в природе и обществе. Необходимо подчеркнуть, что противоречие существует не между содержанием и формой вообще, а между новым содержанием и старой формой. Какой-нибудь предмет представляет собой единство содержания и формы. До поры до времени форма, соответствующая содержанию, играя активную роль, способствует его развитию. Когда же содержание коренным образом изменяется,— а изменение всегда начинается с содержания, а не с формы предмета,— тогда нарушается бывшее раньше между ним и его формой соответствие. Форма становится препятствием для дальнейшего развития содержания. И до тех пор, пока форма не будет изменена, пока она не придёт в соответствие с новым содержанием, между ними существует конфликт. противоречие.

Это показывает зависимость формы предметов от их содержания. Форма отстаёт от содержания, так как сама потребность в новой форме возникает лишь тогда, когда

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 406.

изменившееся или изменяющееся содержание сигнализирует о необходимости смены формы.

Новая форма, соответственно выражающая новое содержание, снова создаёт простор для развития содержания, является «внутренней организацией» развивающегося содержания. Это развитие происходит до тех пор, пока опять не возникнет между ними конфликт, и т. д. и т. д.

Вся история общества, история развития производительных сил и производственных отношений в рабовладельческом, феодальном, капиталистическом обществах может служить примером борьбы содержания с формой, примером переделки содержания, сбрасывания старой формы.

Правильное понимание диалектики взаимодействия формы и содержания в явлениях и процессах, учёт их взаимосвязей, взаимодействия, единства и противоречия имеют огромное значение в практической борьбе за переустройство общества, в практической деятельности партии пролетариата.

На первый план здесь выдвигается способность класса, партии к смене форм борьбы, когда это диктуется изменившимся содержанием борьбы, новыми условиями. Всякая приверженность к устаревшим формам, настаивание на старых формах, когда обстановка властно требует новых форм, ведёт к оппортунизму.

В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленин приводит в пример вождей II Интернационала — Каутского, Отто Бауэра и других, которые, проповедуя в условиях империализма только парламентские, легальные формы борьбы, не видели и не хотели видеть возникновения нового содержания и, следовательно, необходимости новых революционных форм борьбы рабочего класса против капитализма.

Они, писал Ленин, «...оказались на практике такими *не* диалектиками, оказались людьми до того не сумевшими учесть быстрой перемены форм и быстрого наполнения старых форм новым содержанием, что судьба их немногим завиднее судьбы Гайндмана, Геда и Плеханова. Основная причина их банкротства состояла в том, что

они «загляделись» на одну определенную форму роста рабочего движения и социализма, забыли про ее односторонность, побоялись увидеть ту крутую ломку, которая в силу объективных условий стала неизбежной, и продолжали твердить простые, заученные, на первый взгляд бесспорные истины: три больше двух. Но политика больше похожа на алгебру, чем на арифметику, и еще больше на высшую математику, чем на низшую. В действительности все старые формы социалистического движения наполнились новым содержанием, перед цифрами появился поэтому новый знак: «минус», а наши мудрецы упрямо продолжали (и продолжают) уверять себя и других, что «минус три» больше «минус двух»» [1].

То, что не могли и не хотели сделать оппортунистические партии II Интернационала, сделала большевистская партия во главе с Лениным и Сталиным. Среди всех социалистических партий мира только большевистская партия оставалась верной принципам марксистской революционной диалектики — не только в теории, но и на практике. Большевики никогда не отрицали необходимости использования легальных форм борьбы за социализм. Но они не забывали про их односторонность, готовили рабочий класс к вооружённой борьбе против капитализма, сочетали легальные и нелегальные формы борьбы, использовали все формы для обеспечения успеха революции.

Никогда ни одному классу, ни одной политической партии не приходилось прибегать к такому разнообразию форм классовой борьбы, как рабочему классу и большевистской партии нашей страны. И причину успехов, достигнутых в борьбе за социализм, нужно искать, между прочим, в той гибкости в выборе средств и форм борьбы, которая так свойственна нашей партии.

Партия руководствуется словами Ленина о том, что всякий перелом в развитии «неизбежно ведет к несоответствию старой формы с новым содержанием» [2].

В этом отношении чрезвычайно ярким примером применения к жизни ленинского указания может служить

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, изд. 4, стр 82.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, изд. 4, стр. 392.

знаменитая речь товарища Сталина о шести новых условиях хозяйствования. Эта речь вооружила советских хозяйственников новыми формами борьбы за успехи социалистической промышленности, научила их учитывать изменения, совершающиеся в содержании их работы, и сочетать их с новой организацией дела.

Вопрос о форме и содержании имеет огромное значение для искусства. В подлинном искусстве форма и содержание составляют единое целое. Художественное произведение, лишённое совершенной формы, не способно возбудить в человеке глубоких чувств, мыслей, переживаний. Но произведение искусства, игнорирующее задачу выразить глубокие передовые идеи, превратившее форму в самодовлеющую цель, теряет всякую ценность, становится аполитичным, оказывает вредное влияние на умы и чувства людей.

Отрыв формы от содержания есть проявление формализма в искусстве. Формализм является господствующим течением в современном упадочном искусстве буржуазии. Он глубоко чужд советскому искусству, которое питается великими идеями революционного преобразования мира и деятели которого вместе со всем народом борются за коммунизм.

В постановлениях ЦК ВКП(б) по вопросам литературы, кино, драматургии, музыки дана яркая и глубокая марксистско-ленинская трактовка вопроса о форме и содержании в искусстве. В этих постановлениях ЦК ВКП(б) подчёркнуты как первостепенное значение идейного содержания, так и необходимость совершенной художественной формы для выражения этого содержания, вскрыты порочные тенденции ряда последователей буржуазного формализма в советском искусстве, указан путь, ведущий к расцвету самого передового в мире советского искусства.

Этим путём является отображение в совершенной художественной форме жизни советского народа, советских людей, глубочайшего превосходства советского строя над умирающим капиталистическим обществом, героической борьбы советского народа за коммунизм.

Так обстоит дело с вопросом о форме и содержании.

* *
*

Теперь сделаем краткие выводы, вытекающие из всего сказанного о четвёртой черте диалектики.

1. Метафизика рассматривает предметы и явления как мёртвые, абстрактные тождества, не содержащие в себе никаких внутренних различий, противоречий. Отсюда — перенесение источников развития вовне (бог, субъект и т. д.). Метафизическое затушёвывание внутренних противоречий — излюбленный приём апологетов буржуазии, теоретическая основа оппортунизма в рабочем движении.

2. Марксистская диалектика рассматривает предметы и явления в их жизненной противоречивости. Любой предмет, любое явление содержит в себе внутренние противоречия, есть единство того, что отмирает и что нарождается, что отходит в прошлое и что становится настоящим и будущим.

Внутренние противоположности, противоречивые тенденции и стремления находятся в состоянии борьбы. Борьба противоположностей — источник развития. В процессе борьбы противоположностей происходит раскрытие, развёртывание противоречий. Борьба противоположностей завершается переходом одного явления в другое, отмиранием старого и возникновением нового. Борьба противоположностей абсолютна, всякое единство противоположностей относительно.

3. Существуют антагонистические и неантагонистические противоречия. В обществе, разделённом на враждебные классы, господствуют антагонистические противоречия. Формой преодоления такого рода противоречий является революционная классовая борьба, революция. Революция пролетариата кладёт конец обществу, основанному на антагонистических противоречиях. Победа социализма означает возникновение такого общественного строя, в котором господствует морально-политическое единство всех классов и слоёв общества. Противоречия развития этого общества являются неантагонистическими и преодолеваются без политических революций,

без революционных взрывов. Критика и самокритика есть одно из важнейших средств выявления и преодоления противоречий, новая диалектическая закономерность развития.

4. Противоречивость объективного развития, наличие в обществе борющихся классов и партий требует, чтобы наш подход к изучению мира был не объективистским, а партийным, т. е. не смазывающим, а смело раскрывающим антагонистичность отношений и оценивающим все явления с точки зрения самого передового и революционного класса — пролетариата. Наше познание действительности, наши понятия должны быть столь же гибкими, подвижными, как и те явления природы и общества, которые ими отражаются. Большевистская партийность в теории и гибкость понятий, отражающая объективную диалектику изменяющихся явлений действительности, — таковы выводы из закона единства и борьбы противоположностей в применении к познанию.

5. Важнейший вывод из диалектического учения о противоречиях в применении к политике партии пролетариата — не примирение, не затушёвывание, а революционное преодоление противоречий, разрешение их. Учение марксистской диалектики о развитии путём борьбы противоположностей — теоретическая основа революционной деятельности большевистской партии. Чтобы не ошибиться в политике, учит И. В. Сталин, надо проводить непримиримую классовую пролетарскую политику, а не реформистскую политику гармонии интересов пролетариата и буржуазии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЗНАЧЕНИЕ МАРКСИСТСКОГО ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЕТОДА ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИИ ПРОЛЕТАРИАТА

Для марксистов-ленинцев вопрос о практическом значении диалектики, как и всей революционной теории, представляет первостепенный интерес. Ещё на заре развития марксизма Маркс в «Тезисах о Фейербахе» несколькими чеканными словами определил всё различие между марксистским пониманием философии и старым отношением к ней.

Маркс сказал:

«Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [1].

В этих нескольких словах Маркс показал то значение, которое имеет философия для борьбы человечества за новую жизнь, когда навсегда исчезнут источники насилия и разрушительных войн, источники порабощения человека человеком. Марксисты занимаются теорией не для того, чтобы наслаждаться игрой человеческой мысли, а для того, чтобы в теории найти указания, как, какими путями и способами практически переделать общественную жизнь.

Мировоззрение и политика, которую ведёт тот или иной класс, та или иная политическая партия, — не два разных явления, не имеющие отношения друг к другу, как это любят изображать идеологи буржуазии. Политика, её основные принципы всегда неразрывно связаны с мировоззрением классов и политических партий, ибо в мировоззрении в концентрированной теоретической форме выражены их самые глубокие интересы и стремления.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. II, 1948, стр. 385.

Когда буржуазный идеолог говорит: философия — это одно, а политика — это другое, то он этим самым хочет навязать мнение о *надклассовости*, надпартийности философии, о том, что философия якобы имеет отношение лишь к «вечным» и «нетленным» проблемам, не опускаясь до уровня «прозы жизни». Например, современный реакционный английский философ Б. Рассел в статье «Философия двадцатого столетия» утверждает, что связь философии с практикой, политикой всё более слабеет. В средние века эта связь-де была ещё сильна. Философы тогда были политиками. Но в новое время положение якобы изменилось. Только в России, говорит он, материалисты — это «красные», а идеалисты — это «белые». И вывод, который делает из всех своих рассуждений этот «клоун буржуазной науки», как называл подобных «философов» Ленин, гласит: «Плохая философия имеет практические последствия, а хорошая не имеет их...»

Конечно, такое отрицание связи между философией и политикой на деле отнюдь не означает отсутствия этой связи. Как бы буржуазные философы ни восставали на словах против связи философии и политики, они теоретически обосновывают определённую *классовую* — именно *буржуазную* — политику. Когда такой ярый враг прогресса и защитник империализма, как Рассел, пытается доказать непричастность философии к практике и политике, то это никого не может ввести в заблуждение: хорошо известно, что каждой строчкой своих писаний, каждым своим новым «философским» трактатом он отстаивает интересы американо-английских империалистических хищников, борется против сил демократии и мира. Таков истинный смысл его «чистой», «аполитичной» философии!

Именно практика, о которой с таким невежественным пренебрежением говорят буржуазные философы, изобличает их классовую природу и обнажает действительное политическое назначение их «чистой философии». Практика показывает, что вся болтовня о надпартийности и аполитичности философии на деле есть лишь приём, с помощью которого современные буржуазные философы пытаются прикрыть свою империалистическую сущность,

своё верное служение делу капитализма, делу развязывания новой мировой войны.

Марксистская философия не только не отрицает связи между философией и политикой; она весь смысл своего существования видит в том, чтобы вооружить борющиеся за новую жизнь народные массы ясным пониманием закономерностей исторического развития и путей победоносной борьбы.

Марксистская философия не есть просто одна из «школ» в ряду других многочисленных философских школок и течений. Она является идеологическим выражением коренных интересов самого революционного класса современного общества — пролетариата и является оружием всех трудящихся масс, борющихся за освобождение от капиталистического рабства. Это философия не одиночек, а миллионов и десятков миллионов борцов за коммунизм.

«...Маркс и Энгельс, — говорит И. В. Сталин, — являются не просто родоначальниками какой-либо философской «школы» — они живые вожди живого пролетарского движения, которое растёт и крепнет с каждым днём» [1].

И в этой неразрывной связи марксистской философии с движением масс, с их революционной практикой — её огромная сила. Поэтому товарищ Сталин, излагая каждую черту марксистского диалектического метода и марксистского философского материализма, показывает, какое громадное значение имеет распространение положений марксистской философии на изучение истории общества, какое значение имеет их применение к практической деятельности партии пролетариата.

Практическое значение революционной диалектики Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина состоит в том, что она подводит под политику пролетарской партии научную основу. Связь между философией и политикой определённых классов всегда, во все времена существовала и не могла не существовать. Но со времени возникновения марксистской философии и политической борьбы пролетариата против буржуазии во взаимоотношении философии и политики возникло нечто новое, что не могло иметь

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 1, стр. 350.

места в прошлом. Этим новым является то, что марксистская философия даёт политике партии пролетариата *научные основания,* опираясь на которые революционный авангард рабочего класса определяет линию борьбы в соответствии с объективными законами исторического развития и на много десятилетий вперёд предвидит основной ход этого развития.

Уже более ста лет прошло с тех пор, как великие учители пролетариата Маркс и Энгельс впервые провозгласили принципы нового, коммунистического мировоззрения. И сейчас, говоря о значении марксистской диалектики, мы имеем возможность подойти к этому вопросу не абстрактно, а вполне конкретно, с точки зрения того испытания и проверки, которые прошло марксистское учение в течение всего этого периода, особенно в последние десятилетия.

В 1913 г. в статье «Исторические судьбы учения Карла Маркса» Ленин, разделяя всемирную историю с начала появления марксизма на три эпохи — от революции 1848 г. до Парижской Коммуны, от Парижской Коммуны до русской революции 1905 г. и эпоху, начавшуюся после этой революции, писал:

«После появления марксизма каждая из трех великих эпох всемирной истории приносила ему новые подтверждения и новые триумфы. Но еще больший триумф принесет марксизму, как учению пролетариата, грядущая историческая эпоха» [1].

Эти ленинские слова были пророческими. Через четыре года произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, принёсшая победу учению марксизма. И в свете этой всемирно-исторической победы, в свете практической борьбы за социалистический строй в нашей стране с особенной яркостью и отчётливостью выступает всё значение марксистской диалектики, как и диалектического материализма в целом, для деятельности партии пролетариата.

Работа товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме» с замечательной ясностью и глубиной освещает этот вопрос. В отточенных и лаконичных

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, изд. 4, стр. 547.

положениях этой работы вскрыта внутренняя органическая связь между марксистской диалектикой и важнейшими принципами практической деятельности пролетарской партии, связь со стратегией и тактикой, с политикой большевистской партии. Во всей истории марксистской литературы впервые с такой силой показано единство теории диалектического материализма и революционно-практической борьбы за переустройство общества.

За каждым положением, за каждым словом сталинской работы «О диалектическом и историческом материализме» стоит весь пройдённый марксизмом-ленинизмом путь, весь колоссальный практический опыт, накопленный большевистской партией в борьбе за осуществление великих идеалов пролетариата. Вот почему, читая эту работу, мы так глубоко осознаём действенную роль марксистско-ленинской диалектики, видим ясно основные, коренные линии связи между философией и политикой, всей практической деятельностью большевистской партии.

Каковы же эти основные линии?

Марксистско-ленинская диалектика, во-первых, своим положением о связи и взаимной обусловленности явлений вскрывает закономерный характер общественной жизни, не оставляя камня на камне от теорий, изображающих мир, как хаос, как бессмысленное, случайное столкновение событий и людей, и тем самым подводит твёрдый, гранитный фундамент под сознательную деятельность партии пролетариата.

Материалистическая диалектика впервые дала возможность взглянуть на развитие человеческого общества, как на закономерный процесс исторически сменяющихся формаций, что сделало возможным возникновение подлинной науки об обществе, т. е. материалистического понимания истории.

Энгельс писал:

«Материалистическое понимание истории и его специальное применение к современной классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией стало возможно только при помощи диалектики» [1].

[1] *Ф. Энгельс,* Развитие социализма от утопии к науке, Госполитиздат, 1947, стр. 5.

Объективная закономерность человеческой истории и познание этой закономерности — основа деятельности партии пролетариата. Вся теория научного социализма зиждется на том факте, что социализм, социалистическая форма общественной жизни — не случайность, а закономерный продукт всего исторического развития и современных общественных условий. Следовательно, борьба за социализм есть самое насущное дело, выражающее объективные тенденции истории, значит, борьба эта благородна в лучшем и высоком смысле этого слова.

Вот откуда идёт та уверенность, та твёрдость, та непоколебимость, которые свойственны практической деятельности нашей партии, вот почему так победоносна её деятельность.

Объективная закономерность общественного развития, ведущая все народы к новому общественному строю, к социализму, находит на современном этапе своё выражение уже не только в победе социализма на одной шестой части земного шара — в СССР, но и в строительстве социализма в странах народной демократии, в победе китайской революции, в мощном подъёме национально-освободительной борьбы на всех континентах и материках мира. Только злобные враги пролетариата могут утверждать, что всё это — «случайности». Диалектика учит, что не может быть «случайностью» то, что растёт изо дня в день, что имеет глубокие жизненные корни, что выражает самые сильные и неискоренимые потребности народов.

Марксистско-ленинская диалектика, во-вторых, показывает, что отмирание старого и нарастание нового есть закон развития общества, и даёт возможность партии пролетариата смотреть вперёд, строить свою политику в соответствии с развивающейся действительностью, бороться за всё то прогрессивное, что возникает и развивается в жизни.

Раз на всём существующем лежит печать развития, изменения, обновления, то диалектический подход к действительности не может ограничиться констатированием того, что существует; марксистская диалектика смотрит на какое-нибудь явление не только с точки зрения того, чем оно было в прошлом и что оно представляет собой

сейчас, в настоящем, но и с точки зрения того, чем оно станет в будущем.

Поэтому марксистско-ленинская диалектика обращена не только к прошлому, но и к настоящему и будущему. Отсюда способность большевистской партии разрабатывать строго научные планы движения вперёд и последовательно их осуществлять.

Горький говорил о Ленине, что он наполовину находился в будущем. Но «находиться в будущем» — значит быть на вышке, с которой ясно видна картина движения истории, видны пути её развития, видно то новое, что зарождается в жизни и прокладывает себе дорогу сквозь все препятствия. Вот почему товарищ Сталин называл Ленина «ясновидцем», предугадывавшим «...движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их, как на ладони» [1].

Только зная пути движения общества, умея видеть, «как на ладони», будущее, можно было провести советский корабль по неизведанным дорогам к социализму и обойти все рифы и подводные камни. Сталин — тот кормчий, кто на незнакомой карте нового этапа исторического развития с гениальной прозорливостью, с ленинским ясновидением проложил линии движения вперёд и вывел Советское государство на широкие просторы социалистической жизни.

Никогда ещё история не давала примера такой планомерной и сознательной подготовки огромных социальных изменений в целой стране, какой была деятельность большевистской партии, направленная на создание условий для победы социализма в СССР.

Буржуазные философы говорят:

«Мнение, будто можно заранее определить развитие истории, принадлежит к рационалистическим предпосылкам... которые, наконец, должны быть отброшены».

Каким жалким лепетом выглядит эта философия перед лицом коренной перестройки общественной жизни, совершённой в нашей стране под руководством коммунистической партии. Боязнь буржуазной философии заглянуть в будущее, её неспособность предвидеть ход исторического

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 6, стр. 61.

развития, отрицание самой возможности определить развитие истории есть выражение творческого бессилия буржуазии, её стремления задержать прогрессивное движение общества и отбросить его назад.

Вооружённая самой драгоценной теоретической способностью — способностью научного предвидения, наша партия после победы Октябрьской революции составила научный план перехода от капитализма к социализму, определила основные вехи этого перехода, указала народу пути развития, которые должны привести к победе. Разработанная Лениным и Сталиным новая экономическая политика (нэп), разработанные Лениным и Сталиным планы индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, указанные ими пути развития советской социалистической демократии, пути разрешения национального вопроса и создания советского типа многонационального государства и т. д., успешное практическое осуществление этих планов и предвидений — всё это означает величайшее торжество научной теории, доказавшей на деле, на практике исторических событий свою способность предвидеть будущее и указывать дорогу к нему.

Новое торжество политики большевистской партии находит своё выражение в успешном осуществлении начертанных партией грандиозных планов постепенного перехода от социализма к коммунизму. Партия и её вождь товарищ Сталин указали путь дальнейшего экономического строительства, нового подъёма производства и производительности труда, могущественного технического прогресса, необходимых для перехода с низшей стадии коммунизма на высшую. Под руководством партии осуществляется целая революция в преобразовании природы, в деле приспособления природы к нуждам дальнейшего роста благосостояния советского народа.

Марксистское мировоззрение, вооружая людей способностью предвидеть будущее, делает их активными борцами за это будущее, сознательными строителями нового общества. Оно воспитывает и формирует новый тип человека — человека, берущего свою судьбу в собственные руки и опирающегося в своей борьбе за новую жизнь на ясное знание путей исторического развития.

Марксистско-ленинская диалектика, в-третьих, давая единственно научное объяснение характера развития, выбивает оружие из рук метафизиков и реакционеров в политике, которые сводят развитие общества к мелким количественным изменениям, к реформам и «штопанью дыр» старого, отжившего строя. Она вооружает партию пролетариата теорией коренного, качественного изменения общественной жизни, теорией революционного преобразования капиталистического общества.

Буржуазная философия, выполняющая социальный заказ класса капиталистов, заинтересованного в вечном сохранении эксплуататорского строя, всячески старается подменить действительно научную теорию прогресса псевдонаучными теориями, вся цель которых заключается в том, чтобы понятие прогресса свести к мелким количественным изменениям существующего. Так, имеющая широкое распространение в буржуазной философии теория позитивизма свою заслугу видела в сочетании воедино понятий «порядка» и «прогресса». Основатель позитивизма Конт так и писал: «Девиз позитивизма — порядок и прогресс». «Порядок» — это синоним неприкосновенности существующего капиталистического строя. «Прогресс» — это синоним мелких, незначительных совершенствований буржуазного общества. «Здравая теория» позитивизма, нашедшая своих рьяных сторонников среди всех оппортунистов мира, и слышать не хотела о революционных преобразованиях.

Большевистская партия сумела возглавить народные массы и привести их к победе потому, что она руководствовалась диалектической, т. е. единственно научной, теорией прогрессивного развития общества, согласно которой «революционные перевороты, совершаемые угнетенными классами, представляют совершенно естественное и неизбежное явление» [1].

Марксистско-ленинская диалектика, в-четвёртых, вооружает практическую деятельность партии пролетариата важнейшим руководящим принципом, без знания которого невозможно хоть сколько-нибудь успешное движение

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 541.

вперёд, — принципом борьбы противоположностей, революционного преодоления противоречий между старым и новым, отмирающим и нарождающимся. На всех этапах своего развития большевистская партия выступала и выступает как партия самой последовательной и решительной борьбы против реакционных сил.

Непримиримость большевистской партии к силам, задерживающим общественное развитие, вот уже на протяжении полувековой истории является важнейшим революционным элементом, обусловливающим движение общества вперёд.

События последнего десятилетия демонстрируют эту истину как нельзя ярче. От последовательности и решительности борьбы с гитлеризмом, угрожавшим самому существованию свободного человечества, зависели перспективы человеческого общества на длительный период. Фашизм был вскормлен и поставлен на ноги политикой примирения с ним, поддержки его, которую вели правительства Америки и Англии и прислужники буржуазии из лагеря правых социалистов. Советский народ, руководимый большевистской партией, победил потому, что в его среде не было и не могло быть общественных сил, стремившихся к примирению с фашизмом, сглаживавших противоречия между Советским государством и фашистским. Борьба — смелая, решительная, мужественная, доведённая до своего логического конца, — вот что помогло советскому народу спасти мировую цивилизацию. И в этой борьбе проявился один из важнейших диалектических законов, лежащих в основе общественного развития, законов, которыми партия сознательно руководствуется в своей деятельности, — закон развития путём борьбы противоположностей.

После второй мировой войны место разгромлённого немецкого, а также японского фашизма заняли американо-английские империалисты, стремящиеся развязать новую мировую войну и подчинить своему господству все народы мира. И опять на передовых позициях последовательной борьбы с реакционными силами, развязывающими новую войну, стоит Советское государство, возглавляющее сильный и организованный фронт народов всего земного шара, борющихся за мир. Смелая и мужественная борьба Со-

ветского государства, большевистской партии за мир является мощной преградой на пути империалистов.

Только борьба передового против отжившего и реакционного, учит товарищ Сталин, является источником движения вперёд.

В этом духе воспитывают наш народ Советское государство и большевистская партия. Поэтому в нашей стране широко распространённым является тип человека, который понимает, что не либеральное и обывательское затушёвывание противоречий, а беспощадная борьба против реакции всегда была и остаётся источником движения вперёд.

В статье «Карл Маркс» Ленин, суммируя всё значение марксистской диалектики для практической деятельности партии пролетариата, для её тактики, писал:

«Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического миросозерцания. Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а, след., и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически: «20 лет равняются одному дню в великих исторических развитиях, — писал Маркс Энгельсу, — хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет»... На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать эту объективно неизбежную диалектику человеческой истории, с одной стороны, используя для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического застоя или черепашьего, так

называемого «мирного», развития, а с другой стороны, ведя всю работу этого использования в направлении «конечной цели» движения данного класса и создания в нем способности к практическому решению великих задач в великие дни, «концентрирующие в себе по 20 лет»» [1].

Таковы *основные* линии связи между диалектикой и политической деятельностью партии, её стратегией и тактикой, содержанием и формами её борьбы.

Достаточно ясно представить себе это значение диалектики, чтобы понять, почему со времени её возникновения до настоящего дня все силы, тянущие общество назад, — от откровенной буржуазной реакции до любой разновидности оппортунизма — ополчались на марксистскую диалектику, пытались ниспровергнуть её или в открытой битве или незаметным «исправлением».

В послесловии ко второму изданию «Капитала» Маркс указывал, что в мистифицированной, т. е. в гегелевской, форме диалектика стала модой, так как она прославляла существующее.

«В своем рациональном виде (т. е. марксистском. — *М. Р.*) диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» [2].

Идеологи капитализма немало усилий потратили на то, чтобы «развенчать» диалектику, прекрасно понимая её революционно-критическую сущность.

Немало потрудились и ревизионисты, оппортунисты для того, чтобы вытравить из марксовой диалектики её живую душу, чтобы притупить её революционно-критическое остриё. Бернштейн, положивший начало ревизии марксизма, третировал диалектику как «предательский» элемент в учении Маркса.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, изд. 4, стр. 58—59.
[2] *К. Маркс,* Капитал, т. I. 1949, стр. 20.

Современные правые социалисты продолжают борьбу против марксовой диалектики, начатую Бернштейном и проводившуюся на протяжении многих десятилетий каутскими, реннерами и другими врагами рабочего класса. Один из шумахеровских «социалистов», Брилль, заявляет, что «марксизм только выиграет, если оставит своё кокетство с диалектикой». Это — характерный приём борьбы с марксизмом: под видом отрицания одной из составных частей философии марксизма попытаться «уничтожить» её в целом. По поводу подобных приёмов Ленин писал:

«В этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи» [1].

Цель борьбы предателей рабочего класса против марксистской философии в том и состоит, чтобы утвердить буржуазно-реакционную ложь. На протяжении всей истории рабочего движения Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин вели борьбу против буржуазной и ревизионистской идеологии, в защиту диалектического материализма. Вожди пролетариата зорко охраняли это великое теоретическое оружие и в практической борьбе ещё острее его оттачивали.

Маркс и Энгельс в течение почти полустолетия победоносно отбивали атаки мелкобуржуазных революционеров, открытых врагов и фальшивых друзей диалектического материализма, пытавшихся выбить из рук пролетариата это оружие. В своём знаменитом произведении «Анти-Дюринг» Энгельс разбил наголову немецкого философа Дюринга, объявившего поход против марксовой диалектики.

Ленин защищал и развивал революционную диалектику в борьбе против народников, «легальных марксистов», экономистов и меньшевиков.

Сталин в 1906—1907 гг. дал отпор анархистам в своей работе «Анархизм или социализм?», показав неразрывное единство всех частей марксистского мировоззрения; в

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, изд. 4, стр. 312.

период строительства социализма он разоблачил антиреволюционную сущность теории «равновесия» правых оппортунистов, авантюристическую «философию» троцкистов и т. д.

В трудах И. В. Сталина, великого продолжателя дела Маркса, Энгельса и Ленина, диалектика — эта важнейшая составная часть «вылитой из одного куска стали» философии марксизма — получила своё высшее развитие, соответствующее современному историческому этапу развития науки и революционно-практической деятельности рабочего класса.

Развитая товарищем Сталиным марксистско-ленинская философия служит в нашу историческую эпоху могущественным инструментом дальнейшего прогресса науки, инструментом практической борьбы за светлую коммунистическую жизнь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. МАРКСИСТСКАЯ ДИАЛЕКТИКА КАК ЕДИНСТВЕННО НАУЧНЫЙ МЕТОД ПОЗНАНИЯ 3

1. Диалектический и исторический материализм — мировоззрение коммунистической партии. Диалектический метод как важнейшая составная часть марксистской философии . . . . . —
2. Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин о диалектике . . 8
3. Историческое подготовление марксистской диалектики 12
4. Противоположность марксистского диалектического метода и идеалистической диалектики Гегеля . . . 30
5. Марксистская диалектика — наука о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления 40
6. Марксистская диалектика как творчески развивающийся метод. Развитие диалектического метода Лениным и Сталиным 43

Глава II. ВСЕОБЩАЯ СВЯЗЬ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ЯВЛЕНИЙ В ПРИРОДЕ И ОБЩЕСТВЕ 52

1. Противоположность диалектики и метафизики по вопросу о связи явлений 54
2. Причинность, причинная обусловленность явлений. Взаимодействие и всеобщая связь явлений. Природа как связное, единое целое 57

3. Закономерность и необходимость в природе и обществе. Необходимость и случайность. Необходимость и свобода 68

4. Новый характер связей и закономерностей в советском социалистическом обществе по сравнению с капиталистическим обществом 84

5. Всесторонность анализа явлений. Диалектика и софистика 90

6. Диалектика и эклектика. Ленин и Сталин об основном, решающем звене 94

7. Исторический подход к явлениям. Конкретность истины 100

Глава III. ДВИЖЕНИЕ И РАЗВИТИЕ В ПРИРОДЕ И ОБЩЕСТВЕ 112

1. Противоположность метафизического и диалектического понимания движения 114

2. Диалектика о движении и развитии. Отмирание старого и нарастание нового — закон развития 123

3. Движение и покой 137

4. Неодолимость того, что возникает и развивается . 145

5. Марксистская диалектика и чувство нового 155

6. Возможность и действительность. Роль практической деятельности в становлении нового 160

7. Новые черты развития в условиях советского социалистического общества 166

Глава IV. РАЗВИТИЕ КАК ПЕРЕХОД КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КОРЕННЫЕ КАЧЕСТВЕННЫЕ 174

1. К истории вопроса . . . . . —

2. Двоякая форма движения. Переход количественных изменений в качественные 182

3. Переход количественных изменений в качественные, скачки в природе 192

4. Переход количественных изменений в качественные, скачки в развитии общества. Значение закона перехода от старого качества к новому для практической деятельности партии пролетариата 200

5. Поступательный, прогрессивный характер развития. Развитие от простого к сложному, от низшего к высшему 214

6. Закон перехода от старого качества к новому в условиях советского социалистического общества . . . 225

Глава V. РАЗВИТИЕ КАК БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ 236

1. «Ядро» марксистской диалектики . . . . . —

2. Внутренние противоречия в предметах и явлениях. Борьба противоположностей — источник, движущая сила развития 241

3. Внутренние и внешние противоположности. Диалектика и теория «равновесия» 262

4. Антагонистические противоречия и формы их преодоления. Непримиримая классовая пролетарская политика как орудие разрешения антагонистических противоречий 268

5. Неантагонистические противоречия и их социальная природа. Характер противоречий при социализме и переходе от социализма к коммунизму 283

6. Критика и самокритика как новая движущая сила развития, как форма борьбы между новым и старым 304

7. Учение о противоречиях и вопрос об «объективизме» и партийности в познании. Ленин и Сталин о диалектической гибкости понятий 312

8. Содержание и форма. Диалектический процесс изменения содержания и формы явлений 321

Заключение. Значение марксистского диалектического метода для практической деятельности партии пролетариата 331

Редактор *Г. Курбатова*
Переплёт художника *Г. Мануйлова*
Ответственный корректор *Л. Лозинская*
Технический редактор *А. Данилина*

Подписано в печать с матриц 11 января 1952 года. А00617. Тираж 400 000 (100 001 — 400 000) экз. Бумага 84×108¹/₃₂, 5⁷/₁₆ бумажных листа, 17,835 печ. листа, 17,2 уч.-изд. листа. Заказ № 556. Цена 5 р. 30 к.

С матриц 3-й типографии „Красный пролетарий" отпечатано в Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Москва, Валовая, 28. Заказ 3219.